

Р.А. ЛИВШИЦ

ОПТИМАЛЬНЫЙ ТУПИК,

или

КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ПОСОБИЕ ДЛЯ АСПИРАНТОВ

МОСКВА

2009

УДК 81 '33(30)
ББК 81.1я1
Л55

Лившиц Р.Л.

Л55   **Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды.** – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2009. – 256 с.

ISBN 978-5-691-01624-0.

В учебном пособии на одном конкретном примере разобраны грамматические, стилистические, пунктуационные, логические, методологические, теоретические и другие ошибки, которые встречаются в трудах по общественным наукам.

Для аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81 '33(30)

ББК 81.1я1

© Лившиц Р.Л., 2009

© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2009

ISBN 978-5-691-01624-0

Учебное пособие

Лившиц Рудольф Львович

**ОПТИМАЛЬНЫЙ ТУПИК,
или
КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ**

Художник обложки *И.А. Пшеничников*

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.60.953.Д.010192.08.09 от 28.08.2009.

Подписано в печать 16.09.09. Формат 60×84/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,88.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.

119571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет.

Тел. 430-04-92, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.

E-mail: vlados@dol.ru

<http://www.vlados.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Часть I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ	8
I.1 Один товар под двумя этикетками.	8
I.2 «Особая специфика» языка и стиля.	23
I.3 О принципиальности в науке	45
I.4 Логическая культура	52
I.5 Заголовки.	56
I.6 Три введения к одной монографии	61
I.7 Цели, задачи и результаты исследования: декларации и реальность.	74
I.7.1 Заявления о намерениях и отчет о результатах.	74
I.7.2 Первая глава Д1	78
I.7.3 Вторая глава Д1.	86
I.7.4 Аннотация на Д2	110
Часть II. РАЗБОР ПОЛЕТОВ	114
II.1 Еще раз о языке и стиле	114
II.2 Д1: глава 1.	122
II.3 Д1: глава 2.	149
II.4 Д2: глава 2, § 4 и 5	177
II.5 Д2: глава 3.	188
II.6 Заключение	214
II.6.1 Заключение Д1	214
II.6.2 Заключение Д2	220
Несколько советов в заключение	224
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1. Отзыв о диссертации Л.А. Васильевой . . .	226
Приложение 2. Отзыв о диссертации В.Н. Савенковой . . .	237
Приложение 3. Удержит ли Россия свои дальневосточные территории?	244

Наиболее оптимальной формой освоения региона могла бы стать система, хорошо отработанная на протяжении всего дореволюционного и советского периода. Эта форма выражена в принципах вахтового заселения экономически целесообразных территорий Дальнего Востока. При таком подходе освоения, как системы налаживания коммуникативных взаимодействий не произойдет. Это будет путь экстенсивного опустошения участков региона. Это путь, безусловно, тупиковый, но в сложившихся условиях это единственный хоть как-то осмысленный путь сохранения такой огромной территории как Дальний Восток¹.

Г.Э. Говорухин

(Пунктуация и орфография источника сохранены.)

Когда научный руководитель получает статью или диссертацию, написанную аспирантом, он редко приходит в восхищение. Более того, довольно часто полученный текст не дает оснований даже для сдержанной похвалы. Руководителю приходится тратить массу времени и сил на то, чтобы «причесать» работу, довести ее до приемлемого вида. Ошибки, которые при этом приходится исправлять, как правило, однотипны. В связи с общим падением уровня грамотности аспиранты часто бывают не в ладах с русским языком. Невнятность согласовывать слова в роде, числе и падеже, произвольная расстановка знаков препинания, неточные или совершенно недопустимые словосочетания, смысловая невнятность и неряшливость – кому из редакторов не знакомы эти изъяны текстов начинающих авторов?! Кроме того, порой аспиранты допускают смешение стилей. Часто обнаруживается, что автор имеет неправильное представление о том, в чем состоит сущность науки как формы духовного освоения действительности, не чувствует разницы между наукой

---

¹ Говорухин Г.Э. Дальний Восток: ретроспектива освоения пространства//Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций. Материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 22–24 сентября 2008 г.). – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КнАГТУ. – 2008. – С.612.

и обыденным сознанием, между наукой и публицистикой. Порой приходится встречаться и с более серьезными изъянами общей и профессиональной подготовки. Аспирант, в силу ограниченности опыта научной работы, не обладает достаточным умением взглянуть на результат своего творчества со стороны, встать на точку зрения читателя. В результате аспирант, даже сам того не осознавая, подчас предстает перед публикой в невыгодном свете.

Замысел настоящей работы состоит в том, чтобы помочь аспиранту научиться избегать типичных ошибок при написании научных работ, помочь ему овладеть, так сказать, научным ремеслом. Конечно, творческая деятельность уровнем ремесла не ограничивается. Однако без владения основами ремесла невозможно и подлинное мастерство.

Поставленная цель может быть достигнута двумя способами. Первый – разбор существующих текстов и выявление в них типичных ошибок. Можно при этом идти как индуктивным, так и дедуктивным путем. Второй – использование какого-то одного источника, в котором все типичные ошибки представлены в необходимом количестве и выражены достаточно отчетливо. Свои достоинства и свои недостатки имеет каждый из этих способов.

Не вдаваясь в их сопоставление, скажем сразу, что нами выбран второй метод изложения.

Конечно, непросто найти такой текст, который в достаточной мере отвечает нашей цели. Однако нам удалось решить эту задачу. В потоке современной литературы мы смогли отыскать истинный шедевр, отвечающий строгим критериям ошибочности: ни один самый снисходительный критик не сможет отрицать, что в нем в изобилии представлены орфографические, грамматические, пунктуационные, стилистические, логические, методологические, теоретические и прочие ошибки. Это – настоящий клад ошибок, блестящий образец того, как не следует писать. Ничего лучшего и желать невозможно.

Вы спросите: о какой именно работе идет речь? А речь идет о двух работах.

Это две монографии Г.Э. Говорухина, которые в силу их стилистического, смыслового и текстуального единства вполне можно рассматривать как дилогию. Да и дилогией-то, как мы потом покажем², она является лишь номиналь-

---

² В разделе «Один товар под двумя этикетками».

но. На самом деле это *два издания одной и той же работы*. Первая часть (т. е. первое издание) имеет название «Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона» (Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2007. – 182 с.). Вторая часть (второе издание) озаглавлена «Власть политики. Власть пространства. Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке» (Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. – 474 с.).

Точности ради отметим, что название последней монографии существует в двух вариантах. Тот вариант, что приведен нами, фигурирует на обложке. На титульном листе монография называется уже иначе: «Власть политики. Власть пространства (Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке)». Как видим, здесь появились скобки, отсутствующие в первом варианте. У этой книги два рецензента (д. филос. н., проф. Л.Е. Бляхер и канд. ист. н. Е.Ю. Иванова), имеется научный редактор кандидат филологических наук доцент О.В. Дудченко, и крайне странно, что никто не заметил столь очевидного ляпа. Впрочем, дальнейшее знакомство с текстом позволит нам убедиться в том, что указанная описка далеко не единственная в увесистом фолианте Г.Э. Говорухина. Несколько опережая события, заметим, что в отношении ошибок и описок всякого рода диалогия Г.Э. Говорухина столь изобильна, что это превосходит самое богатое воображение. Мы не претендуем на то, что сможем указать на все ошибки и описки, такая задача явно превышает наши скромные силы, но некоторые из наиболее бросающихся в глаза погрешностей мы все-таки отметим.

Поскольку Г.Э. Говорухин выдает два издания одной книги за две разные книги, возникает вопрос о том, как их называть нам. Чтобы не путаться, мы поступим следующим образом: специально для целей настоящего пособия введем условные обозначения. Монографию «Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона» мы обозначим как Д1 (первая часть диалогии). Соответственно монографию «Власть политики. Власть пространства. Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке» назовем Д2.

Наше пособие разделено на две части. В первой части разбираются по преимуществу ошибки, которые связаны с нарушением требований к форме изложения. Во второй части рассматриваются ошибки в содержании. Поскольку

полностью одно от другого отделить невозможно, постольку нам иногда приходилось дважды касаться одних и тех же сюжетов и приводить одни и те же цитаты (анализируя их под разным углом зрения).

Нами допущено одно отступление от общего принципа изложения. В первой части работы мы разбираем чрезвычайно важный вопрос о принципиальности и человеческой доброте в науке.

К работе приложены два отзыва о диссертациях, написанные автором настоящих строк. Один отзыв отрицательный, другой – положительный. Они помогут начинающим ученым лучше понять общий принцип оценки квалификационных работ.

Поскольку Г.Э. Говорухин затрагивает вопрос о перспективах российского Дальнего Востока, мы сочли для себя возможным поместить в приложение нашу работу, посвященную этой животрепещущей проблеме. Читатели получают, таким образом, возможность сравнить два очень разных текста и сделать соответствующие выводы.

Все цитаты из обоих изданий монографии Г.Э. Говорухина мы приводим в оригинальном виде, полностью соблюдая авторскую орфографию и пунктуацию. Для удобства чтения все эти цитаты напечатаны курсивом.

И последнее замечание. О заголовке настоящей работы. Он навеян подлинным высказыванием Г.Э. Говорухина, которое мы привели в качестве эпиграфа.

Поскольку хуже, чем Г.Э. Говорухин, сказать невозможно, мы решили остановиться именно на таком названии: «Оптимальный тупик». Вторая часть добавлена для того, чтобы было понятно, о чем же конкретно идет речь.

I.1 Один товар под двумя этикетками

Во Введении нами выдвинут тезис о том, что две монографии Г.Э. Говорухина являются двумя изданиями одной работы. Представляем свои доказательства.

Сначала мы сравним оглавления обеих монографий, а потом – их содержание. Нами будет представлен обзор первых 100 абзацев первой монографии в сравнении с абзацами второй. О результатах анализа остальных абзацев будет сообщено вкратце.

Что ж, приступим.

Таблица 1

Сравнение оглавления двух монографий Г.Э. Говорухина

Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона (Д1)	Власть политики. Власть пространства. Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке (Д2)
Глава 1. Власть и властный дискурс: история взаимодействия (в тексте) Глава 1. Европейский дискурс власти. История развития понятия «власть» (в оглавлении)	Глава 1. Эволюция понятия «власть» в европейском политическом дискурсе
§1. Европейский дискурс власти. Постановка проблемы	§1. Проблема развития понятия «власть» в контексте исторического развития Европы
§2. Сакральность власти и принципы становления властного дискурса	§2. Становление властного дискурса
§3. Бюрократизация европейской системы власти	§3. Средневековая бюрократизация власти
§4. Капитализация бюрократической системы власти	§4. Система власти в эпоху развития капитализма
§5. Современность и кратологический дискурс в XX веке	§5. Кратологический дискурс в XX веке
§6. Мифология общества – мифология власти	§6. Мифология власти как результат мифологизации общества

Глава 2. Властные отношения как способ символизации пространства	Глава 2. Символическое пространство сквозь призму формирования властных отношений
§1. Символическое пространство власти. Определение методологии исследования	§1. Методологические основания исследования символического пространства власти
§2. Символизация. Условия символизации пространства	§2. Принципы и условия символизации пространства
§3. Власть и письменное символическое определение пространства	§3. Письменная символизация пространства как принцип определения властных групп
	§4. Формирующаяся система новой социальной реальности в географии удаленного пространства Дальнего Востока
	§5. «Проточность» культуры как способ социального закрепления пространства
	Глава 3. История формирования проточной культуры
	§1. Незаполненные пространства осваиваемого региона. Пространственные лакуны
	§2. История возникновения и развития «проточной культуры» на примере пространственных лакун города Комсомольска-на-Амуре

В Д2 имеется еще 7 приложений. Шесть из них представляют собой служебные материалы, не имеющие теоретического значения: анкеты, стенограммы бесед с респондентами и т.п. Седьмое приложение – карты Дальнего Востока. Зачем они нужны, понять трудно. Автор выступает не как историк и не как географ, а претендует на то, чтобы быть специалистом в области социальной философии и социологии. Приложения

занимают треть объема книги (160 страниц из 474-х). Мы их не стали рассматривать как не представляющие теоретического интереса.

Нетрудно убедиться, что оглавление первой главы Д2 воспроизводит оглавление Д1. Видно, что по оглавлению Д2 прошлась редакторская рука, в итоге оно кое-где приобрело более презентабельный вид, а кое-где стало еще хуже. Так, первый параграф первой главы Д2 трудно считать шедевром красноречия. Посудите сами: «Проблема развития в контексте развития». В заголовке второго параграфа исчезла формулировка «сакральность власти», сомнительная с точки зрения фактического положения вещей. (Эта формулировка в неявном виде содержит утверждение, что всякая власть сакральна.) В третьем не существующую в реальности «европейскую систему власти» редактор заменил на «власть». В заголовке четвертого параграфа убрана нелепая «капитализация власти». В заголовке пятого параграфа вычеркнуто слово «современность», поскольку в тексте о современности ничего не говорится. Заголовок второй главы заменен. В Д2 вторая глава названа «Властные отношения как способ символизации пространства». Заголовок «Символическое пространство сквозь призму формирования властных отношений» предполагает наличие какой-то «призмы формирования». Но формирование – это процесс, а призма – вещь. Поэтому выражение «призма формирования» вряд ли можно считать удачным в стилистическом отношении. Заголовки первого и второго параграфов Д2 в литературном отношении лучше, чем соответствующие заголовки Д1. Заголовок третьего параграфа предполагает, что автор выделяет в обществе властные группы. Так что судить о том, хуже это заглавие или лучше первого варианта, можно лишь после изучения соответствующего текста.

Итак, сравнение заголовков заставляет нас предположить, что вся первая монография включена во вторую. Проверим это предположение. Для этого будем последовательно читать обе работы. Конечно, мы не можем воспроизвести текст обеих монографий, поэтому мы поступим следующим образом. Слева будет взят текст второго абзаца первого параграфа первой главы Д1, справа – соответствующий текст Д2. (В первом абзаце первой главы Д1 автор сообщает нам о предмете исследования в данной главе и формулирует цель. Потом он сформулирует цель еще раз, этого вопроса мы еще коснемся. Текст первого абзаца целиком не приводим, чтобы

не утомлять читателя ненужными подробностями.) В дальнейшем будут приводиться только начальные слова соответствующих абзацев из Д1 и Д2. Мы надеемся, таблица 2 поможет читателю составить представление о вопросе.

Сделаем предварительный вывод. Нами проанализировано 100 единиц текста. Из Д1 убрано 3 абзаца, в Д2 добавлено 6 абзацев. В 54-х случаях не удалось найти никакого различия между текстами. В остальных случаях расхождения совершенно незначительны: некоторые абзацы из Д1 в Д2 разбиты на два или три абзаца, вставлено несколько новых строк, заменены отдельные слова и выражения и т.п. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что текст Д2 создан путем незначительной правки текста Д1.

Наш анализ дошел до 64-ой страницы Д1 и Д2. В Д1 на с.163 начинается заключение. Введение мы не рассматривали, анализ работы начали со страницы 13. Таким образом, из 150 страниц текста мы проанализировали 51, что составляет треть. В принципе, этого материала достаточно для заключения, но мы, руководствуясь требованием научной добросовестности, довели анализ до конца. О его результатах сообщаем следующее.

В оставшейся части Д1 мы насчитали 168 абзацев. 109 из них перекочевали в Д2 практически без изменений. 7 абзацев опущены. Остальные 52 абзаца подверглись редакторской правке, которая заключалась по преимуществу в разбиении на части. Есть и некоторые добавления. Так, на с.144–145 в Д2 добавлен абзац, в котором приводится описание освоения русскими Сахалина. В Д2 со страницы 155 почти до самого конца страницы 163 идет текст, которого не было в Д1. Новым является также текст со страницы 166 по страницу 169 и со страницы 171 до страницы 173. В Д2 автор дополнил текст Д1 рассуждениями, которые помещены на с.182–186.

Итак, мы видим, что практически весь текст Д1 (за исключением нескольких абзацев) перешел в Д2. Подсчитаем, какова доля текста Д1 в Д2. Для этого надо учесть следующее. Сравнивать надо только основные части книг, т. е. те, где излагается собственно теория. Оглавления, предисловия, заключение, список литературы из сравнения необходимо исключить. Таких страниц в Д1 150 (с 13 по 163 страницу). В Д2 280 (с 8 по 288 страницу). Итак, по меньшей мере половина текста Д2 составляет текст, взятый из Д1. Правда, текст Д1 подвергся незначительному редактированию, но это не меняет сути дела. Д2 – не новая монография, а новое

Сравнение текстов Д1 и Д2

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
1.	Настоящая глава посвящена...	Абзац отсутствует	
2.	За две с половиной тысячи лет с момента формирования критической традиции рассмотрение власти в культуре сложилось множество дискурсивных полей, определяющих и выявляющих грани властной символики. Эти грани четко обозначены в семиотическом пространстве дисциплинарности, которая и призвана обнаружить объект исследования. Таких определенных власти довольно много, и каждое такое определение предлагает свои коннотативные смыслы как явление «власти», так и дискурсивному употреблению понятия «власть». С.13.	За две с половиной тысячи лет с момента формирования критической традиции рассмотрение власти в культуре сложилось множество дискурсивных полей, определяющих и выявляющих грани властной символики. Эти грани четко обозначены в семиотическом пространстве дисциплинарности, которая и призвана обнаружить объект исследования. Таких определенных власти довольно много, и каждое из них предлагает свой коннотативные смыслы как явление «власти», так и дискурсивному употреблению понятия «власть». С.8.	Оборот «каждое такое определение» заменен на «каждое из них». Слово «власть» в предпоследней строке Д1 стоит в родительном падеже, а в Д2 – в именительном.
3.	Многомерность понятия власти позволяет очертить... С.13.	Многомерность понятия власти позволяет очертить... С.8.	В Д2 абзац разбит на два. Других различий не обнаружено.
4.	Вне всякого сомнения, принимаемая формулировка... С.14.	Вне всякого сомнения, принимаемая формулировка... С.9.	Различий не обнаружено.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
5.	Согласно предложенной формулировке... С.15.	Согласно предложенной формулировке... С.10.	Различий не обнаружено.
6.	Таким образом, смысл властных процессов... С.16.	Таким образом, смысл властных процессов.	Различий не обнаружено.
7.	Формулировка понятия «власть», предлагаемые... С.16.	Формулировка понятия «власть», предлагаемые... С.11.	Различий не обнаружено.
8.	Отсюда рассматриваемые вопросы структуры власти... С.17.	Отсюда рассматриваемые вопросы структуры власти ... С.12.	Различий не обнаружено.
9.	Целью данной главы... С.17.	Абзац отсутствует.	
10.	Первоначальное использование понятия «власть» в европейской культуре... С.17.	Первоначальное использование понятия власть в европейской культуре... С.12.	Убраны грамматически оправданные кавычки, в которые было заключено в Д1 слово «власть».
11.	Принципы политической власти, а также... С.18.	Принципы политической власти, а также... С.12.	Различий не обнаружено.
12.	Только обладатель мудрой души может управлять... С.18.	Только обладатель мудрой души может управлять... С.13.	Различий не обнаружено.
13.	Именно сама система власти в этой связи... С.19.	Именно сама система власти в этой связи С.14.	Убрано число 1994, ука-зывающее на год издания собрания сочинений Платона.
14.	Слабая смысловая расчлененность понятий власти... С. 19.	Слабая смысловая расчлененность понятий власти... С.14.	В Д2 абзац разбит на два. Других различий не обнаружено.

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
15.	Природа власти прослеживается в тех действиях, которые... С.20.	Природа власти прослеживается в тех действиях, которые... С.15.	Различий не обнаружено.
16.	В античной традиции и традиции раннего средневековья... С.21	В античной традиции и традиции раннего средневековья... С.17.	Вставлено 36 строк нового текста.
17.	Бог являлся обладателем подлинной власти... С.21.	Бог являлся обладателем подлинной власти... С.21.	Вставлено 2 новые строки.
18.	Абзац отсутствует.	Сакрализации власти и включение в сакральную модель... С.18.	
19.	Абзац отсутствует.	Вопрос сакрализации власти... С.18	
20.	Первые 6 строк отсутствуют. Совпадение начинается со слов «Ус-ловия легитимности их власти...».	Интересно, что после Флорентийской унии 1439 года...	С седьмой строки тексты совпадают.
21.	Однако русская система формирования кратологических отношений... С.23	Однако русская система формирования кратологических отношений... С.19.	Различий не обнаружено.
22.	Принцип обладания светской властью... С.23.	Принцип обладания светской властью... С.20.	Различий не обнаружено.
23.	Критерием приобщения к власти... С.23.	Критерием приобщения к власти... С.20.	Различий не обнаружено.
24.	В этой связи власть не является только некоторой формой... С.24.	В этой связи власть не является только некоторой формой... С.20.	Различий не обнаружено.
25.	В Древнем Риме, на основании status sauae... С.24	В Древнем Риме, на основании status sauae... С.21.	Убрана ссылка на работу В.О.Горенштейна.
26.	Власть, как и право, являются общим достоянием... С.25.	Власть, как и право, являются общим достоянием...С.21.	Различий не обнаружено.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
27.	Фактическое обладание абсолютной властью... С.25.	Фактическое обладание абсолютной властью...С.22.	Различий не обнаружено.
28.	Смысловая зависимость понятий «власть» и «право»... С.26.	Смысловая зависимость понятий «власть» и «право»...С.22.	Различий не обнаружено.
29.	В случайно запутанной юридической системе наследования... С.26.	В случайно запутанной юридической системе наследования... С.23.	Изменена форма ссылки на работу Л.М.Гускиной.
30.	При отсутствии сыновей приоритетное право... С.27	При отсутствии сыновей приоритетное право...С.23.	Различий не обнаружено.
31.	Абзац отсутствует.	Важно, что в Риме (в отличие от эллинистического мира)...	
32.	Вместе с тем, в римской традиции... С.27.	Вместе с тем, в римской традиции... С.24.	Различий не обнаружено.
33.	Позднее Гай Светоний пишет, что... С.27.	Позднее Гай Светоний пишет, что... С.25.	Различий не обнаружено.
34.	Общевропейская ритуальная практика коронации... С.28.	Общевропейская ритуальная практика коронации...С.25.	Появилось указание на страницы в отсылке к работе Дао дэ цзин.
35.	Логика пространства власти... С.28.	Логика пространства власти... С.26.	Различий не обнаружено.
36.	Так, например, в законодательном пространстве... С.29.	Так, например, в законодательном пространстве...С.26.	Различий не обнаружено.
37.	Протекция римской власти... С.30.	Протекция римской власти... С.27.	Различий не обнаружено.
38.	Осуществление властных полномочий... С.30.	Осуществление властных полномочий... С.27.	Различий не обнаружено.

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
39.	Помимо сакральной власти короля... С.28.	Помимо сакральной власти короля... С.28.	В Д2 опущена последняя строчка.
40.	Абзац отсутствует.	Прежде всего, это работа по организации...	
41.	Абзац отсутствует.	Сама власть приобретает вид...	
42.	Так, летом 1418 года в разгар убийств... С.32.	Например, летом 1418 года в разгар убийств... С. 30.	Почти полное совпадение. Абзац из Д1 в Д2 разбит на два. 6 последних строк из Д1 в Д2 отсутствуют. Вместо них вставлено 23 строки нового текста.
43.	Властные практики во времена становления... С.32.	Властные практики во времена становления С.31.	Абзац в Д2 разбит на два, есть мелкие различия в оформлении ссылок.
44.	Такого рода ограничения полномочий власти... С.34.	Такого рода ограничения полномочий власти... С.32.	Различий не обнаружено.
45.	Так, при равном раскладе политических ... С.34.	Так, при равном раскладе политических... С.33.	Различий не обнаружено.
46.	Император, как мы видим, выступает... С.35	Император, как мы видим, выступает... С.34.	Различий не обнаружено.
47.	Именно в этой связи можно говорить... С.35.	Именно в этой связи можно говорить... С.34.	Различий не обнаружено.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
48.	Это своего рода социальный курьез... С.36.	Это своего рода социальный курьез... С.34.	Различий не обнаружено.
49.	Монополия на власть в эпоху древности... С.36.	Монополия на власть в эпоху древности С.35.	Различий не обнаружено.
50.	Предложенная Н.Элиасом схема... С.37.	Предложенная Н.Элиасом схема... С.36.	Абзац из Д1 разбит на 3 абзаца в Д2. Добавлено 4 новые строки.
51.	Император теперь не просто отец на рода... С.38.	Император теперь не просто отец на рода... С.37.	Различий не обнаружено.
52.	В этой связи, мы не можем сбрасывать со счетов... С.38.	В этой связи мы не можем сбрасывать со счетов... С.37.	Убрана запятая. Первое предложение разбито на два.
53.	Так, в новое время власть – это уже объективный порядок... С.39.	Так, в новое время власть – это уже объективный порядок... С.37.	Абзац разбит на два. Других различий не обнаружено.
54.	Институт чиновников существовал на протяжении... С.40.	Институт чиновников существовал на протяжении...С.39.	Ссылка на работу Хопкинса 1938 года (на английском языке) заменена на ссылку на книгу «Социоанализ», изданную в 2001 году на русском.
55.	Формирование института чиновников... С.41.	Формирование института чиновников... С.39.	Абзац из Д1 в Д2 разбит на два. Других различий не обнаружено.

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
56.	Абзац отсутствует.	Копирование властных практик... С.41.	
57.	Чиновничество от церкви в дальнейшем... С.42.	Чиновничество от церкви в дальнейшем... С.41.	Опущена ссылка на работу Р.Клари. Других различий не обнаружено.
58.	Самостоятельность религиозных чиновников... С.43.	Самостоятельность религиозных чиновников... С.42.	Различий не обнаружено.
59.	Проблема взаимодействия чиновников светских и религиозных... С.43.	Проблема взаимодействия чиновников светских и религиозных... С.42.	Различий не обнаружено.
60.	Значение церковного института чиновников... С.43.	Значение церковного института чиновников... С.43.	Различий не обнаружено.
61.	Объединение двух ветвей власти... С.44.	Объединение двух ветвей власти... С.43.	Различий не обнаружено.
62.	Однако исторически сформировавшийся алгоритм... С.44.	Однако исторически сформировавшийся алгоритм... С.44.	Различий не обнаружено.
63.	1) Наличие денежной, а не земельной формы оплаты услуг... С.45.	1) Денежная, а не земельная форма оплаты услуг... С.44	Опущено слово «наличие».
64.	Согласно ординасам 7 апреля 1361 г... С.45.	Так, согласно ординасам 7 апреля 1361 г... С.44.	Вставлено слово «так». Есть другие мелкие различия.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
65.	Зарплата чиновника была достаточно высока... С.45	Зарплата чиновника была достаточно высока... С.45	Выражение «несмотря на это» заменено на выражение «несмотря на такие преимущества».
66.	2)Ориентация на преданность, а не на компетентность... С.46.	2)Ориентация на преданность, а не на компетентность... С.46.	Различий не обнаружено.
67.	Смена приоритетов приводит к появлению... С.46.	Смена приоритетов приводит к появлению... С.46.	Различий не обнаружено.
68.	3)Создание системы воспроизводства чиновников... С.46.	3)Создание системы воспроизводства чиновников... С.46.	Различий не обнаружено.
69.	4)Смена системы наследования системой назначения...С.47.	4)Смена системы наследования системой назначения...С.47.	В Д2 указаны страницы в работе «Социоанализ», на которую имеется ссылка.
70.	Сложившиеся в XVII в. исторические условия политической и административной системы управления...С.48.	Сложившиеся в XVII в. исторические условия политической и административной системы управления...С.47.	В Д2 опущено добавление («о чем шла речь выше»).
71.	В легальной практике правления...С.48.	В легальной практике правления...С.48.	В Д2 абзац разбит на два.
72.	Политика меркантилизма предполагается... С.49.	Политика меркантилизма предполагается... С.49.	В Д2 абзац разбит на два, есть мелкие изменения в построении одной фразы. К.Маркс назван просто Марксом.

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
73	Капитализм – это, выражаясь языком И.Валлерстайна... С.50.	Капитализм – это выражаясь языком И.Валлерстайна... С.50.	Различий не обнаружено.
74.	Что в этом случае представляет собой... С.50.	Что в этом случае представляет собой... С.50.	Различий не обнаружено.
75.	Десакрализация верховной власти... С.50.	Десакрализация верховной власти... С.50	Различий не обнаружено.
76.	Многие представители парламентской бюрократии... С.51.	Многие представители парламентской бюрократии... С.50.	В Д2 абзац разбит на два.
77.	Корпорация, находясь на страже интересов... С.52.	Корпорация, находясь на страже интересов... С.51.	Различий не обнаружено.
78.	Констатация изменений системы управления... С.52	Констатация изменений системы управления... С.52.	В Д2 абзац разбит на два.
79.	Вместе с тем, формальное сращивание... С.53.	Констатация изменений системы управления... С.52	Последняя фраза из Д1 перешла в новый абзац Д2.
80.	Новая модификация власти получает отражение...	Он выделяет следующие основные черты	Первой фразой в Д2 идет последняя фраза абзаца из Д1. Абзац в Д2 разбит на 3 абзаца.
81.	Двадцатый век уже четко обозначает... С.55.	XX век уже четко обозначает... С.55.	Иначе написано порядковое числительное. Указано, откуда взято высказывание Д.Белла.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
82.	Формы рационализации общественной жизни... С.55.	Появление в XIX в. большого числа... С.55.	Первые 9 строк из Д1 отсутствуют в Д2. В остальном Различий не обнаружено.
83.	Крайнюю форму технократизации ... С.56	Крайнюю форму технократизации ... С. 56	Различий не обнаружено.
84.	Само собой, такое понимание не только власти... С.56.	Само собой, такое понимание не только власти... С.56.	В Д2 абзац разбит на два.
85.	Модель Веблена, в этой связи... С.57.	Модель Веблена, в этой связи... С.57.	Различий не обнаружено.
86.	Власть – это тоже производство... С.58	Власть – это тоже производство... С.57	Различий не обнаружено.
87.	Несмотря на это, Д.Белл... С.58.	Несмотря на это, Д.Белл... С.57	Различий не обнаружено.
88.	Приведена таблица без названия. С.58.	Приведена та же таблица, названная «Изменение принципов пополнения властных структур в различные периоды времени».	Таблице дано название.
89.	Изменение системы властных отношений... С.58.	Изменение системы властных отношений... С.59.	Различий не обнаружено.
90.	Класс в XX веке «означает не конкретную группу... С.59	Класс в XX в. «означает не конкретную группу... С.59	Слово «веке» заменено на «в.». Имеется еще одно мелкое изменение такого же типа.

№ п/п	Д1	Д2	Примечание
91.	Собственность в социальных отношениях... С.60.	Собственность в социальных отношениях ... С. 60	Различий не обнаружено.
92.	Приведена таблица без названия. С.60	Приведена та же таблица, названная «Детерминанты моделей власти современного общества». С.60	Таблице дано название.
93.	Показательно, что модели власти... С.60	Показательно, что модели власти... С.60	Различий не обнаружено.
94.	Двадцатый век меняет расстановку приоритетов... С.61.	XX в. меняет расстановку приоритетов... С.61.	Иначе обозначен век.
95.	Смена мотивации управленцев в XX в.... С.61.	Смена мотивации управленцев в XX в.... С.62.	Различий не обнаружено.
96.	Всестороннее рассмотрение власти... С.62	Всестороннее рассмотрение власти... С.62	Различий не обнаружено.
97.	Основанием для первой концепции является... С.62.	Основанием для первой концепции является... С.62.	Различий не обнаружено.
98.	Формально, конечно, «секционная концепция власти»... С.63.	Формально, конечно, «секционная концепция власти»... С.64.	Различий не обнаружено.
99.	Власть – это результат взаимодействия между людьми... С.64.	Власть – это результат взаимодействия между людьми... С.64.	Различий не обнаружено.
100.	При наличии активного влияния одного автора на другого... С.64	При наличии активного влияния одного автора на другого... С.64	Различий не обнаружено.

издание Д1. Конечно, его можно назвать изданием расширенным и дополненным, а также исправленным. Но считать Д2 *другой* монографией нельзя. В предисловии к Д2 Г.Э. Говорухин пишет: «Настоящая книга является продолжением и переработкой другой книги автора»³ (с.6). Автор либо лукавит, либо не понимает разницы между «продолжением» и «переработкой». Нам пытаются продать один и тот же товар, но под разными этикетками.

1.2 «Особая специфика»⁴ языка и стиля

Выбирая труд Г.Э. Говорухина в качестве образца того, как не следует писать научные труды, мы учитывали, несколько параметров, в том числе и степень безграмотности автора. В последние годы уровень грамотности пишущего народа заметно снизился, так что мы не испытывали недостатка в материале для обобщения. Но нам нужна была книга, в которой автор демонстрировал бы не просто слабое владение русским языком, а тотальную безграмотность. Мы надеемся, что приведенные ниже примеры смогут убедить читателя в том, что наш выбор удачен.

Сначала приведем цитаты из книги Г.Э. Говорухина «Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона» (Д1).

Обдумывая порядок расположения цитат, мы столкнулись с рядом трудностей. Во-первых, в самом языке разные уровни теснейшим образом связаны, поэтому одна и та же ошибка может квалифицироваться различным образом. Во-вторых, у Г.Э. Говорухина в одной и той же фразе встречаются разнотипные ошибки.

Попробовав несколько вариантов расположения цитат, мы решили остановиться на самом простом. Будем читать книгу страница за страницей и выписывать цитаты.

С. 16: «*Это заставляет предположить, что различные подходы в кратологии направлены на освящение только отдельных граней власти как явления*».

---

³ При этом автор не понимает, что впадает в противоречие. Если вторая монография – *переработка* первой, то почему названия у них совершенно разные?

⁴ Типичный плеоназм, так как «особенность» и «специфика» – одно и то же. Изобретение Г.Э. Говорухина (с. 9 Д1). О сущности плеоназма см. сноску на с. 25.

Следует писать не «освящение», а «освещение». Кроме того, в выражении «подходы направлены на...» нарушена сочетаемость слов. Правильно: различные подходы позволяют выявить (осветить, рассмотреть) разные грани власти.

С. 17. *«Наша задача сводится к определению и обоснованию наиболее существенных факторов влияющих на структуру властного управления».*

Пропущена запятая, с помощью которой выделяется причастный оборот.

С. 18: *«Тираническая власть, как впрочем и сама тираническая натура человека, «либо вечно господствует, либо находится в рабстве».*

Не выделено запятыми слово «впрочем».

Есть и смысловая неточность: невозможно понять, о чем идет речь – о натуре тирана или о том, что любой человек по натуре тиран.

С. 20: *«В этом смысле процесс власти это всегда не только действия людей, но результат активного действия самой системы мироустройства».*

Союз «не только, но и» редуцирован до не существующего в русском языке союза «не только, но». Выражение «процесс власти» стилистически неряшливо. Кроме того, после слова «власти» пропущено тире.

С. 20–21: *«Власть именно потому власть, что требует подчинения объекта субъекту, при других обстоятельствах понятие власти утрачивает свой смысл. Это рефрен на платоновскую идею о критериях власти по тем моделям поведения, которые доминируют в действиях субъектов власти».*

Несколько разнотипных ошибок. Следовало написать: «в противном случае», а не «при других обстоятельствах». Не к месту употреблено слово «рефрен» Это лексическая ошибка. Есть еще грамматическая: «рефрен НА». Принято говорить: «проходит рефреном», «рефрен стихотворения или в стихотворении». Рефрен – припев, в поэзии – повторяющийся стих или группа стихов. Здесь же никакое повторение не подразумевается. Трудно сказать, с каким словом спутал автор слово «рефрен». Кроме того, выражение «платоновская идея о критериях власти по тем моделям поведения, которые...» многословно и косноязычно.

С. 21: *«В связи с этим выводятся основные знаменатели такой власти».*

Слово «знаменатель» употреблено не впадет. Автор спутал «знаменатель» с каким-то другим словом, вероятно, с «символом».

С. 21: *«В этой связи, человек, обладающий властью от имени Бога, в социальном смысле, первый человек после Бога».*

Две ошибки. После детерминанта «в этой связи» запятая не нужна. Пропущено тире после слова «смысле», т. к. оно обозначает связку в именном составном сказуемом.

С. 21: *«В этом случае номинальные титулы Востока, указывающие на божественность фараона или императора, говорят о возможных соипостасных Богу притязаниях на территории».*

Первая ошибка. Выражение «номинальный титул» – плеоназм⁵. Латинское слово «nomen» означает «имя», «звание», «титул». Слово «номинальный» перед словом «титул» является избыточным, ненужным.

Вторая: выражение «соипостасные Богу притязания» не имеет реального смысла.

«Ипостась» по-гречески означает «лицо». Согласно христианскому вероучению, основы которого сформулированы в Никео-Константинопольском символе веры, у бога три лица (ипостаси): бог-отец, бог-сын и бог-дух святой. Бог-отец соипостасен богу-сыну и богу-духу святому. Но быть соипостасным богу (у которого три лица) невозможно. Бог имеет ипостаси, но сам он (как единство) не является чьей бы то ни было ипостасью, на то он и бог.

Следует также указать на то, что упоминание «ипостаси» вообще сомнительно, т. к. речь идет не о коптах и библейском Боге и даже не о царе Эхнатоне. Написание «Бог» с прописной буквы еще можно условно принять, если имеется в виду верховное божество.

Очевидна стилистическая вычурность выражения «соипостасные Богу притязания».

С. 22: *«Власть не трансцендентальна в сакральном смысле как божественная перверсия на Земле».*

---

⁵ ПЛЕОНАЗМ, а, м. [греч. pleonasmus — излишество] (лит.).оборот речи, содержащий однозначные слова, выражения, напр.: спор был долгий и продолжительный, я его расцеловал и облобызал, надо докончить, завершить, выполнить начатую работу // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М., 1935–1940.

Слово «перверсия» имеет общий и специальный смыслы. В общем смысле перверсия – патологическое отклонение от нормы, в специальном – сексуальное извращение. У Г.Э. Говорухина слово «перверсия» имеет какой-то особый смысл, не совпадающий с общепринятыми значениями. Оно употреблено в тексте много раз, но нам так и не удалось перевести его с говорухинского языка на русский.

Здесь также нарушен порядок слов, отчего фраза становится двусмысленной: к чему относится «как божественная перверсия на Земле»: к сакральности или трансцендентальности?

С. 23: *«Причем принцип средневековой сакральности власти не несет под собой только христианские мотивы».*

Выражение «несет под собой мотивы» грамматически бес­связно. Нужно: «содержит в себе мотивы».

Грубейшая ошибка, которую трудно лингвистически квали­фицировать. Это может быть и нарушение сочетаемости слов, и контаминация фразеологизма «не имеет под собой оснований» и слова «(не) подразумевает».

С. 59: *«Класс, начиная с марксистского его определения, в большей или меньшей степени был связан с отношением к собственности».*

Класс всегда был связан с отношениями собственности, а вот понятие класса не всегда с связывалось с такими отноше­ниями. Автор путает предмет (класс) и понятие о предмете.

С. 73: *«В этом случае психология актора властных отношений интересна лишь в качестве рассмотрения интер­субъективных отношений в социальной сети».*

«Психология интересна в качестве рассмотрения» – кос­ноязычный, многословный оборот речи. Вероятно, пропу­щено слово «предмета»: «психология интересна в качестве предмета рассмотрения...».

С. 73–74: *«Поскольку, как мы предполагаем, научный, ис­следовательский процесс является не просто образом ора­кула, вещающего об объективных законах развития каких-то явлений, а, прежде всего, способом констатации тех процессов, которые происходят в реальности».*

Итак, «процесс является не образом оракула, а способом констатации...». В том, что процесс не является образом ора­кула, сомневаться не приходится. Понятие процесса пере­дает идею текучести, а образ является чем-то завершенным, статичным. Поэтому в голову образованного человека и не придет мысль считать, будто процесс является образом. По аналогичной причине процесс не является и способом. Кроме

того, само сравнение с оракулом вычурно и крайне неудачно. Оракул – слово многозначное: это изображение божества, пророчество, жрец и даже храм. Какое из этих значений относится к исследовательскому процессу?

С. 74: *«Наиболее зримым обстоятельством изменения социальной среды являются глобальные изменения в сфере коммуникации».*

Автор перепутал «обстоятельство» и «свидетельство». Лексическая ошибка.

С. 76: *«Понимание власти в системе структурно-функционального анализа, предлагаемое Парсонсом при всей оппозиционности концепции конфликтного ее понимания выражает классическое для XX века видение проблемы».*

«Понимание власти при оппозиционности концепции ее понимания» – прекрасный образчик косноязычия. Слово «понимание» повторяется, вследствие чего возникает курьезная смысловая конструкция: оппозиционное понимание понимания.

Кроме того, весьма произвольный порядок слов мешает грамматической согласованности фразы («анализа, предлагаемое Парсонсом»). Следовало бы написать: *«Предлагаемое Парсонсом понимание власти в системе структурно-функционального анализа»*. Впрочем, фраза все равно остается невнятной. Кроме того, пропущена запятая после слова «Парсонсом».

С. 76: *«Ключевым объектом исследования выступает материально неоформленный, но вербализованный смысл, формирующий между объектом-властью и субъектом-социальным агентом условие их взаимодействия».*

Поскольку имеет место противопоставление, «не оформленный» следует писать не слитно, а раздельно. («Не оформленный, но вербализованный смысл».)

Кроме того, нелепо противопоставление вербализации и материального оформления. Вербализация – выражение смысла в слове, т. е. в том, что воплощено либо в материи звука, либо в материи графического знака.

С. 76: *«Каузальность, в свою очередь, и расстанавливает все в порядке объективного следования...».*

Автор использовал глагол, которого нет в современном русском языке. Имеется глагол «расставлять». Возможно, «расстанавливать» – архаизм. Употреблен явно не к месту.

С. 77: *«Фактически, по основным позициям, теория Парсонса, и мы это увидим дальше, и Аренд близки теории групповой концепции».*

Целый ряд ошибок. Первая – орфографическая и фактическая: фамилия Арендт укорочена на одну букву.

Вторая – грамматическая: отсутствует согласование в числе. Правильно: «Теории Парсонса и Арендт близки...».

Третья – лексическая и стилистическая: выражение «теория групповой концепции» режет слух, ибо теория и концепция – синонимы. Опять плеоназм, причем грубый.

Четвертая – грамматическая (и смысловая): пропущен предлог «к»: «близки к теориям» означает «приближаются к ним, перекликаются с ними»; просто «близки теориям» – автор теорий считает Парсонса и Арендт родственными душами.

Пятая – пунктуационная (заодно и синтаксическая): нет запятой перед «мы» (зато запятая не нужна перед союзом). По всей видимости, фраза должна выглядеть так: «теории Парсонса и, как мы увидим далее, Арендт (т. е. Парсонс и Арендт говорят об одном и том же) близки к теории групповой концепции». Автору не следовало разрывать текст придаточным уточняющим предложением, чтобы не запутаться в синтаксических связях.

Кроме того, оборот «по основным позициям» не обязательно следует считать уточняющим и, соответственно, обособлять. Фраза построена крайне косноязычно. Чего стоит повторение союза «и», употребленного в разных функциях!

С. 81: *«Однако, говоря об условиях существования мифа, речь должна идти о метафоричности содержащейся в ней информации».*

Деепричастный оборот построен по модели «проезжая мимо станции, с меня слетела шляпа». Кроме того, «говоря об условиях» и «речь должна идти» – плеоназм.

С. 81: *«Таким образом, налицо парадокс о присутствии в коммуникациях и денотативного, и метафорического (коннотативного) означаемого».*

Грамматическая ошибка. Здесь требуется родительный падеж, а не предложный: парадокс присутствия. Правда, у Д. Дидро есть «Парадокс ОБ актере», но это – обозначение жанра.

С. 81: *«В условиях привычной, то есть естественной (обоснованной и рационализированной), системы отношений выявить условности или метафоры в действиях и поведении социальных агентов не представляется возможным, но вне границ данной коммуникации условности не только обнаруживаются, но и выступают диссонансом привычных отношений».*

Неправильной является конструкция «в условиях (таких-то) выявить условности» (тавтология).

Отношения не могут выступать диссонансом. Диссонанс – это нестройное звучание двух и более тонов. Можно было бы написать: «вступают в диссонанс с привычными отношениями».

С. 82: *«Если речь идет о несвязанных между собой пространствах, то нельзя говорить о каком бы то ни было влиянии одного объекта на другой...».*

«Не связанных» в такой ситуации требуется писать раздельно, а не слитно.

С. 83: *«Исходя из этого человек пытается проигнорировать объективные, и даже онтологические законы естественной институализации».*

Две ошибки. Не выделен деепричастный оборот и поставлена лишняя запятая перед соединительным союзом «и».

С. 83: *«В этой связи, полагаем полем соприкосновения власти и человека является пространство, которое по своей сути является апофатическим (отрицающим) к пространству собственно человека или власти».* После детерминанта «в этой связи» запятая не нужна.

Выражение «поле соприкосновения» некорректно, потому что неявно предполагает наличие особого поля, отличного от других полей. Соприкосновение всегда происходит в каком-то ограниченном локусе. А поле всегда континуально, а не дискретно. Следовало написать: «поле, в котором происходит соприкосновение». Тем самым автор снял бы с себя подозрения в том, что он постулирует существование отдельного «поля соприкосновения».

Слово «апофатический» имеет очень узкий смысл. Оно употребляется только в теологии для обозначения определенного способа рационального определения бога (через отбрасывание тех характеристик, которые богу не принадлежат). Поэтому приравнивание апофатического к отрицающему неправомерно.

С. 85: *«Равенство субъектов говорящих и слушающих, а не управляющих и управляемых, осуществляет власть с целью совместного действия».*

Равенство – отношение определенного рода. Но отношение не может обладать властью, властью обладают люди. Кроме того, слова «власть» и «осуществлять» не сочетаются. Власть можно употребить, но нельзя ее осуществить.

С. 85: *«Проводя анализ понятию «власть», анализируя становление и развитие властного дискурса, основной нашей*

целью было распознать те социальные изменения, которые происходили в меняющемся обществе, следствием которых становилось появление новых кратологических теорий».

Слово «понятие» стоит в дательном падеже, а нужен родительный: «понятия». Деепричастный оборот построен по модели «проезжая мимо станции, с меня слетела шляпа». («Проводя анализ, нашей целью было»). Неверное употребление деепричастного оборота.

С. 92: *«Правда, деятельность китайской стороны была чисто номинальной, декларативной, она не приняла активного участия в освоении территории из-за собственных внешних проблем».*

Деятельность, конечно, не принимала активного участия в освоении территории, но вот какие у деятельности могут быть внешние проблемы?

С. 97: *«Прежде, чем приступить к осуществлению наменного, необходимо решить вопрос методологии».*

Две ошибки. После «прежде» запятая не нужна. Выражение «решить вопрос методологии» – канцеляризм, ему не место в научном тексте.

С. 98: *«В этой связи, рассматривая проблему категориального описания процессов символического освоения пространства, мы неизбежно будем касаться вопроса исследовательской позиции автора».*

Выражение «касаться вопроса исследовательской позиции» – канцеляризм. Следовало написать: «касаться вопроса об исследовательской позиции автора».

С. 100: *«Здесь возникает возможность понимать объект исследования в границах только метатеории (то есть смысловых конструкций, находящихся за пределами четкого проговаривания, они только интуитивно имеются ввиду)».*

В выражении «имеются в виду» существительное с предлогом нужно писать раздельно, а не слитно.

С. 106: *«Вместе с тем, такого рода исследование, как и предложенные ранее философские теоретические представления, в не меньшей степени имеют субъективный характер».*

Следует писать «в неменьшей степени»; можно «не в меньшей степени».

Кроме того, философские представления по определению являются теоретическими. Выражение «философские теоретические представления» – плеоназм.

С. 114: *«Влияние социальной среды на пространство опосредованно принципами уплотнения территорий, дерурализацией и пр.»*.

Слово «опосредовано» здесь пишется с одним *н*, т. к. в данном случае это краткая форма причастия, а не наречие.

С. 116–117: *«Всякое суждение конкретного человека так или иначе будет подчинено (не тождественно, а именно подчинено) этой общей логике суждения.»*

«Не тождественно» следует в данной ситуации писать раздельно, а не слитно, т. к. есть противопоставление.

С. 117. *В этом можно усмотреть, то значение, которое имеет язык математики в создании картины мира вообще и создания оценочной характеристики повседневности»*.

Слово «создание» во втором случае стоит в родительном падеже (создания), а здесь требуется предложный (создании). Имеется, кроме того, и пунктуационная ошибка: после *усмотреть* запятая не нужна.

С. 125: *«В данном случае мы сталкиваемся с прагматизмом, приравнивающим правильное действие и логически вытекаемое следствие этой деятельности»*.

В данном случае мы сталкиваемся со словесным уродцем. В русском языке не образуется страдательных причастий от непереходных глаголов. Нет никакого вытекаемого следствия, а есть следствие вытекающее. (Кстати, вытекающее из чего-то.)

С. 125: *«Например, диогеновский (кинический) силлогизм «никакой успех в жизни невозможен без упражнения (повторяющегося действия – Г.Г.) оно же все превозмогает» (Диоген Лаэртский, 1979; 257) подчеркивает целерациональный принцип любой деятельности»*.

Силлогизм – дедуктивное умозаключение определенного вида. В процитированном изречении Диогена не содержится никакого умозаключения. Автор очевидным образом спутал термины «силлогизм» и «афоризм». Типичная лексическая ошибка.

Добавим к этому два замечания. Во-первых, в тексте книги, на которую ссылается Г.Э. Говорухин, после слова «упражнения» стоит точка с запятой. Автор этот знак препинания не воспроизвел. Во-вторых, разъяснение автора насчет смысла слова «упражнение» совершенно излишне. Кто не знает, что такое упражнение?

С. 126: *«Например, «ехали от одного места до другого» (Ж. Виллардуэн де, 1993) средневековой исторической ле-*

тописи тоже, что и незаполненное, не прописанное пространство по пути следования из страны гаутов в страну данов к дворцу Хеорот конунга Хигелака героя Беовульфа».

В этой фразе две орфографических ошибки: 1) «тоже» написано слитно, а нужно писать раздельно; 2) «незаполненное» написано слитно, полагается писать раздельно: это причастие, т. к. оно включено в общий сочинительный ряд с причастием «не прописанное» (которое, впрочем, употреблено неудачно: пространство не прописывается – разве что на картине; это уже речевая ошибка). Есть и пунктуационная ошибка: после «Хигелака» требуется запятая.

С. 129: *«Однако абсолютно невероятно, что в этом месте могли бы быть отмечены явления прямо таки экстраординарные, связанные с конкретной территорией».*

«Прямо-таки» пишется через дефис.

С. 130: *«Скажем, описание Гомером путешествия Одиссея проходит подчеркнуто в пространстве мифологическом».*

Нельзя говорить: «Описание проходит в пространстве». Нужно было написать: «Согласно Гомеру, путешествие Одиссея происходит в (таком-то) пространстве. Автор не различает глаголов «проходить» и «происходить». Такая ошибка называется смешением паронимов⁶.

Кроме того, выражение «подчеркнуто мифологическое пространство» стилистически неверно. Грамотный человек написал бы: «Повествуя о путешествии Одиссея, Гомер подчеркивает, что оно происходит в мифологическом пространстве».

С. 131: *«Мифология странствия Одиссея проходит на контрасте с естественностью реального мира его сына Телемаха».*

«Выражение «мифология проходит на контрасте с естественностью» стилистически неуклюже. Мифология не обладает свойством проходить, да еще на контрасте.

С. 131: *«Вместе с тем читатель вынужден менять свое представление о реальных событиях в прочтении описания путешествия Одиссея».*

Пунктуационная ошибка: не хватает запятой после вводного оборота «вместе с тем». Грамматическая: вместо оборота

---

⁶ **Паронимы** – слова, близкие по звучанию, но различные по смыслу. Например, «удаленный» и «отдаленный», «ознакомиться» и «познакомиться». Смещение паронимов – лексическая ошибка, свидетельствующая о низкой речевой культуре автора.

«в прочтении» необходимо употребить оборот «по мере прочтения».

С. 132: «Эти события раскрываются в трансцендентальном пространстве мифологических событий».

События не могут раскрываться в пространстве, в нем они могут происходить, протекать, иметь место.

С. 133: «Путешествие Энея, описанное Вергилием – это символический каркас освоения пространства».

Пропущена запятая после слова «Вергилием».

Вызывает сомнение правомерность сравнения путешествия с каркасом. Каркас – нечто твердое, прочное, неизменное. Путешествие – процесс, т. е. нечто такое, что меняется со временем.

С. 134. «Это пространство с принципиально иной логикой рационального взаимодействия позволяет встраивать в социальную сеть жителей данного города представителей невероятных «профессий», таких как ведьмы».

После «профессий» нужно поставить тире, а после «таких» – запятую.

С. 135. «Иначе говоря, автор текста констатирует события естественные для него, воспринимая их частью реального мира, для читателей с иным типом мировоззрения».

Три ошибки.

Первая – пунктуационная. После слова «события» нужна запятая.

Вторая – грамматическая. Нужно писать: не «воспринимаемая их частью мира», а «воспринимаемая их как часть мира».

Третья – лексическая. Г.Э. Говорухин явно не понимает смысла слова «констатирует». Иначе он не написал бы, что повествователь (автор) констатирует события для читателей с иным типом мировоззрения. Здесь уместны глаголы «интерпретировать», «описывать», «излагать» и некоторые другие.

С. 137: «Пространство ветхозаветного Бога вообще отсутствует, оно не включено в картину мира ни автора, ни обывателя, поэтому, сколько бы мы ни прилагали усилий к описанию этого пространства, оно не получит отклик понимания в представлениях наших современников».

По правилам следует писать: «сколько бы мы ни прилагали усилий...».

Во фразе имеется и стилистическая ошибка. «Отклик понимания» – типичный плеоназм.

С. 138: *«Иначе говоря, там, где присутствуют объекты хозяйственного назначения, появляется потребность описать принципы их взаимодействия, т. е. ввести символику их пространственного соответствия друг с другом».*

Правильно: «соответствия друг другу».

С. 139: *«Неслучайно он едет практически вплотную к своим границам, максимально расширяя радиус своего передвижения».*

«Не случайно» здесь следует писать раздельно. Есть и две речевые ошибки. Во-первых, радиус нельзя расширять, ибо он не имеет ширины. Радиус можно только увеличивать. Во-вторых, нельзя ехать вплотную. Можно ехать лишь в непосредственной близости. А вплотную можно только находиться.

С. 140: *«Тем самым создавалось пространство данного императора, с этого момента можно говорить о пространстве, т. е. символической территории от одной точки (строительной площадке) до другой».*

Слово «площадка» стоит в дательном падеже, а необходимо в родительном: *площадки*.

С. 140: *«Такое пространство включает в себя не только фрагментарную деятельность исторических персонажей, которая в комплексе может составлять, например, историю славы Рима, но при этом символика такого пространства зависит от коннотационной оценки деятельности того или иного императора, и составляет единый комплекс всех объектов составляющих индустрию государства».*

Две бросающиеся в глаза ошибки. Во-первых, поставлена лишняя запятая после слова «императора», во-вторых, пропущена запятая после слова «объектов». Есть и явная стилистическая ошибка. «Деятельность может составлять историю, но при этом символика составляет...» – неуклюжая конструкция.

С. 141: *«Объекты (завод, поселок, дорога, нефтепровод) – это лишь единицы общей хозяйственной системы, которая держится автором, исследователем, картографом в своей голове, опять таки по аналогии с религиозной картиной мира...».*

Опять-таки пропущен дефис перед частицей «таки».

С. 142: *«Полагаем, что схема заселения (освоения) пространства проходит в несколько этапов».*

В несколько этапов может проходить само освоение, а не его схема.

С. 142: *«Где бы не жил такой наблюдатель (Филиппов), в каком городе, крае, республике не находился, его представление о пространстве будет типичным всякому представлению того, кто не знаком с этим пространством близко».*

Следует писать: «Где бы ни жил такой наблюдатель, в каком городе, крае, республике ни находился». Есть и грамматическая ошибка. «Типичный всякому представлению» не по-русски. По-русски: «типичен для всякого представления».

Вся фраза в целом – фраза иностранца, плохо владеющего русским языком.

С. 142: *«Такой образ был создан в годы строительства Комсомольска-на-Амуре, БАМа, Днепротэса и т.д. и представлял собой эпическую сагу о том, как люди героически преодолевают трудности, связанные с силами природы»*

Образ не может представлять собой сагу. Образ может быть только запечатлен в саге.

Выражение «эпическая сага» – плеоназм, т. к. сага является эпическим произведением по определению. «Эпическая сага» – это то же самое, что «поэтический сонет».

С. 143: *«Это остроумная задумка социальной реальности, позволяет определить смысловой ход (в терминологии Лакана) дискурса поиска пространства».*

Знакомство с трудами Лакана не дает права на сотворение словесных уродцев типа «смысловой ход дискурса поиска пространства». (Пять существительных подряд!) Оно также не дает права ставить лишние запятые.

С. 143: *«Формальное условие освоения пространства дискурсивно, именно в этой связи акцент освоения делается на поколения, которые будут пользоваться плодами освоения территории».*

Надо умудриться в одном предложении три раза употребить слово «освоение»! Выражение «акцент освоения» мог придумать только человек, который по-русски говорит с акцентом.

С. 143: *«Достаточно интересно выглядит тот факт, что на момент освоения территории символическое поле этой территории только формируется, а понимание освоенности этого пространства осуществляется в тот момент, когда традиции его нахождения вполне легитимны».*

Выражение «достаточно интересно» уместно в устах жеманницы, но не в тексте ученого, претендующего на серьезность.

Выражение «понимание осуществляется» – типичный канцеляризм.

Кроме того, в слове «поле», когда оно употребляется в общем контексте с «территорией», актуализуется (пробуждается) его первоначальное значение. Только автор, страдающий полной языковой глухотой, может этого не замечать.

С. 144: *«Властные структуры оказываются дееспособны именно в том территориальном пространстве, которое этими структурами выявлено и обозначено».*

Выражение «территориальное пространство» – плеоназм. Территория – это обязательно какое-то пространство. Вне пространства территорий не существует. Следовало написать: «Властные структуры дееспособны только на территории, которая ими выявлена и обозначена».

С. 145: *«Таким образом, именно на данной стадии это пространство становится прозрачным именно для социальных дисциплин, в том числе социологии».*

В данном случае стилистически неоправданно двукратное использование слова «именно» в одной короткой фразе.

Именно так именно писать именно не надо.

С. 146: *«Например, в городе Комсомольске-на-Амуре до сегодняшнего дня сохраняются устойчивые «неформальные» этнонимы без названия, т. е. без социального маркирования места: «болото», «Дземги» – один из возможных переводов с нанайского «березовая роща» и пр.».*

Этноним – название этноса. Каким образом возможны этнонимы без названия, ведомо только Г.Э. Говорушину. Выражение «этноним без названия» – ничем не оправданный оксюморон⁷.

Кроме того, «Болото» (именно так, с прописной буквы), «Дзёмги» – это наименования мест, т. е. топонимы. Автор спутал этноним и топоним. Вероятно, путаница объясняется тем, что речь идет об этнической топонимике.

С. 147: *«И такое разделение проходит по границе символического разлома определяемого кратосом».*

Не выделен причастный оборот.

С. 147: *«Более широко это обнаруживается в рамках государства, где также можно уметь читать символы, т. е. принадлежать социальной системе включенной в данное пространство государства, либо не читать символы и, как следствие, не принадлежать такой системе».*

---

⁷ **Оксюморон** – сочетание несочетаемого, например: «круглый квадрат», «деревянное железо» и т.п.

Очевидная ошибка: пропущена запятая после слова «системе». Не очень заметная ошибка: в двух случаях употреблено выражение «принадлежать системе», а нужно по смыслу «принадлежать к системе».

Есть и стилистический недочет – повторение как следствие бедности или однообразия языка.

С. 149: *«Тот же Гидденс (А. Giddens, 1984) ссылаясь на работу Людвига Витгенштейна «Философские исследования» (L. Wittgenstein, 1972), говорит о том, что, сформулированные правила, получившие вербальное выражение в законах, бюрократических правилах, играх и пр., выступают, прежде всего, «кодифицированными интерпретациями правил, а не правилами как таковыми».*

Замечательно, что автор демонстрирует настолько свободное владение английским языком, что даже работы Гидденса цитирует по первоисточнику. Несколько огорчает, однако, то обстоятельство, что с русским у Г.Э. Говорухина серьезные проблемы. Иначе он не ухитрился бы в одном предложении употребить слово «правила» 4 раза. Кроме того, в тексте три пунктуационные ошибки. Первая: пропущена запятая перед деепричастием «ссылаясь». Вторая: поставлена лишняя запятая после слова «что». Третья: автор обособил запятыми «прежде всего», хотя это не вводный оборот (т. е. не характеристика порядка авторского изложения вопросов), а обстоятельство образа действия.

С. 150: *«Например, для большинства жителей города Комсомольска-на-Амуре...».*

Без комментариев.

С. 150: *«Очевидно, что апробация эффективности социальной модели поведения, или, иначе говоря, модели приносящей желаемые плоды, осуществляется постепенно в ходе включения человека в интерактивные сети».*

Попущена запятая перед словом «приносящей».

Стилистическая ошибка: выражение «осуществляется в ходе включения» – канцелярский оборот.

С. 151: *«Система взаимодействия сложилась исторически, и сегодня представляется вполне традиционной, даже если процентное соотношение представителей криминальных структур <...> было меньше чем сейчас, то их отсутствие компенсировалось «доставалами» и «фарцовщиками».*

Пропущена запятая перед словом «чем». Кроме того, фраза косноязычна. Встречается и неверное словоупотребление. Про-

центное соотношение не может быть больше или меньше; больше или меньше может быть доля. А как вам нравится сочетание в одной фразе слов «представляется» и «представители»?

С. 151: *«Само собой, принимаемое ослабление территориальности в условиях глобализации не имеет отношения к пространству что называется в чистом виде, оно (ослабление) будет иметь отношение к представлению людей об этом пространстве».*

Вводный оборот «что называется» не выделен запятыми.

С. 152: *«Символическая реальность, в особенности, если речь идет именно о реальности ставшей продуктом идеологии, имеет определенные каналы трансляции, и такими каналами зачастую являются невербальные – письменные источники».*

Две пунктуационные ошибки. Во-первых, не поставлена запятая перед словом «ставшей». Во-вторых, после «в особенности» запятая не нужна. Кроме того, имеется грубая смысловая ошибка. Невербальных письменных источников не существует по определению. Вербальный – выраженный в слове (устном или письменном). «Невербальный письменный источник» – стилистически не оправданный оксюморон.

С. 156: *«Высказывания и Унтербергера, и Муравьева, и других (например, такие же мысли выражал министр финансов Александра III Бунге и его ученик Картавец) показывают необходимость заселения территории не ради, скажем, самого заселения или экономической выгоды государству, а с целью фактического застолбления, маркирования территории».*

«Застолбление» – изящнейший термин, не правда ли?

Оцените также стройность всей конструкции: «высказывания показывают необходимость».

Нужно писать «выгоды государства», а не «выгоды государству». Употреблен дательный падеж вместо родительного.

С.157: *«Городам Дальнего Востока, и прежде всего, Хабаровского края (удаленного от морских портов) необходимы руки рабочих, головы инженеров, а также оружие солдат и офицеров; деятельность людей принадлежащих к прочим профессиям имеет значение обслуживающего фактора».*

Причастный оборот «принадлежащих к прочим профессиям» не выделен запятыми. Есть и смысловая ошибка. Правильней говорить, что от портов отдалены города Хабаровского края, а не сам Хабаровский край. Поэтому слово

«удаленного» нужно заменить на «удаленным». Точнее говоря, «отдаленным», потому что у автора еще одна ошибка, лексическая – смешение паронимов.

С. 158: *«Нынешние вложения не смогли бы окупиться в ближайшем будущем – такова логика реальности, получившей дальнейшее отражение публичной переписки государственных органов власти».*

Правильно: «получившей отражение в публичной переписке между органами государственной власти».

С.158: *«Тот же Н.Н. Муравьев в 1858 году предлагал, максимально экономя казенные средства переселять крестьян по желанию на собственном иждивении, а также сокращать процесс делопроизводства по отправке людей (что также приводит к экономии средств на чиновников)».*

Деепричастный оборот «максимально экономя казенные средства» выделен запятой только с одной стороны. Кроме того, выражение «собственное иждивение» – типичный случай *contradictio in adjecto* (противоречия в основании), или оксюморона. Иждивенец – тот, кто живет за чужой счет, кто находится на содержании у другого. Но человек, который самостоятельно добывает средства к существованию, – не иждивенец.

Выражение «переселять на собственном иждивении» грамматически бессвязно. Нужно: «переселять за собственный счет».

Кроме того, автор создает двусмысленность провокационным расположением деепричастного оборота; читатель прежде поймет, что Н.Н. Муравьев «предлагал, экономя», а только потом, может быть, догадается, что «экономя, переселять».

С. 160: *«Однако, в результате того, что мы увидим в дальнейшем, единый символический ряд региона все же будет аутентичен символике страны, и это будет связано с перманентным напластованием символических штампов в течение всей миграционной политики в регионе».*

Не к месту употреблено понятие «аутентичный». Аутентичный – подлинный, достоверный. Скорее всего, автор перепутал «аутентичный» и «идентичный».

Выражение «в течение всей миграционной политики» стилистически неуклюже. Правильно: «в ходе проведения миграционной политики». Не говорят же по-русски «в течение экономики» или «в ходе идеологии»!

С. 163: *«Такие меры собственно и выступают способом ликвидации пространственных лагун, в границах которых*

были сосредоточены не только манзы, но и хунхузы, т. е. китайские бандиты».

Вводное слово «собственно» не выделено запятыми.

Кроме того, «меры выступают способом» – канцеляризм, причем особо уродливый.

Теперь откроем вторую монографию Г.Э. Говорухина.

Поскольку в нее, как мы показали, включена вся первая монография, будем анализировать только новый текст. Большая часть этого текста начинается со страницы 187.

И здесь автор верен себе.

Ему не дается согласование в числе. Переселение у него *содержат* формы (с. 189).

Ему не всегда удается согласование и в падеже. Например, на с. 203 написано: «*взаимообмен опыта*». В данном случае нужен творительный падеж вместо родительного: «взаимообмен опытом» (Здесь еще плеоназм: обмен может быть только взаимным.)

С. 237: «*Появление административных центров приводит к аккумулярованию населения и привязки экономики Дальневосточного региона к настоящим центрам*». Предлог *к* в русском языке требует после себя дательного, а не родительного падежа. Следовало написать: «приводит к привязке». (Причина ошибки – грамматическая ассимиляция: существительное, оторванное от другого существительного, которым оно управляется, уподобляется в грамматической форме стоящему рядом существительному, от которого оно синтаксически не зависит. Кроме того, идущие почти подряд существительные в родительном падеже и просто уродуют текст, и затрудняют его понимание.)

Автор не знает, где писать «так же», а где «также». Пример: «*Наконец экономическая уплотненность возникает в результате концентрации хозяйственной активности населения (так в тексте – Р.Л.) на территории, а так же, как следствие этого, налаживания товарно-денежных отношений данной территории с другими*» (с. 250). Кстати, пропущена запятая после слова «наконец».

Он пишет «конкуретНоспособность» (с. 198), «селЕтебная застройка» (с. 200), «на лицо перестройка сознания человека» (с. 204), «эксперЕментрировать» (с. 212), «конотативный» (вместо «коннотативный») (с. 268), «кондоминиМум» (с. 282).

Он пишет «не» слитно там, где нужно писать отдельно. Например, на с. 201–202 читаем: «*Теперь для страны важна*

не земля, не собственно условие крестьянского (сплошного) охвата огромных массивов пространства <...>, что приводит к сокращению интереса населения к той большей части территории, которая оказывается неохваченной хозяйственной деятельностью». На с. 215: «Но эти природные богатства, как впрочем, и пространство, неизвестны властям...». На той же странице: «Совершенно ясно, что это пространство, неизвестное чиновникам...». На с. 281: «Постепенно вся незаполненная между заводскими поселками территория застраивается и заселяется». (Впрочем, здесь неверный порядок слов – нужно: «незаполненная территория между поселками». Тогда «не» следует писать слитно.)

Не всегда удается Г.Э. Говорухину и согласование в роде. Например, на с. 284 написано: «Попытка перемещения таких объектов <...> изначально убыточно». Нужно: «попытка убыточна».

По-прежнему он порой забывает поставить дефис. На с. 288: «...Пустующие территории начнут осваиваться и занимать кем то другим».

Само собой разумеется, в изобилии встречаются механические описки: «урабанистическое» (с. 201), «руриализационный» (с. 203), «этих традиции» (с. 213), «заполняется» (с. 215), «наследие» (с. 236, с. 250), «становиятся» (с. 239), «формальзованное» (с.261), «анализирую» вместо «анализирую» (с. 276), «рааселения» (с. 280), «объктами» (с. 281), «гипотететический» (с. 286).

Конечно, описки в тексте, к сожалению, неизбежны. Ответственность за них лежит в основном на редакторе и корректоре, а не на авторе. Но нельзя снимать вину и с автора. Если описок много, то это говорит о низком качестве исходного текста.

Во втором издании монографии Г.Э. Говорухин так же грешит искажением имен собственных, как и в первом. Например, автор, который в первой монографии обозначался как Д.Н. Замятин (с. 161), стал Д.И. Замятиным (с. 209). Ульчский район Хабаровского края зачем-то переименован в Ульчский (с. 242).

Автор так же своевольно, как и в первой монографии, расставляет знаки препинания. Где запятые необходимы по правилам, он их опускает. Такие ошибки сделаны на страницах 188, 189, 194, 196, 197, 198, 201 (2 раза), 202, 204, 207, 225 (2 раза), 231, 247, 250, 251, 254 (2 раза), 268, 269

(3 раза), 271, 274, 276 (2 раза), 284 (2 раза), 288. Иногда он ставит лишние запятые (с.198, 215, 219, 251, 284).

На это можно возразить, что Г.Э. Говорухин пропускает не все запятые, да и лишних запятых у него немного. Но в том-то и дело, что грамотный человек твердо знает правила пунктуации, делает ошибки крайне редко. То же касается орфографических ошибок. В некоторых случаях их можно трактовать как простые описки. Но не многовато ли описок позволяет себе автор? Научная монография – это ведь не письмо приятелю по электронной почте, где описки (в небольшом количестве) простительны.

И если орфографические ошибки можно считать погрешностями формы, то как быть с другими ошибками? Их ведь нельзя списать на невнимательность.

Таких ошибок у Г.Э. Говорухина во второй монографии не меньше, чем в первой. Не станем утомлять читателя их полным разбором, приведем лишь некоторые, наиболее колоритные, примеры.

«Рассмотрение возможных условий формирования быта, его ведения, становится той лакмусовой бумагой, с помощью которой можно выявить степень формирующегося символизма на данной территории» (с. 197).

Итак, «рассмотрение есть лакмусовая бумага» – неуместная метафора. (Кстати, запятая после «ведения» не нужна.)

Да и «ведение быта» – тоже не самое удачное выражение.

«Общая численность занятого населения в ценовой промышленности сосредотачивается в нескольких наиболее важных районах региона» (с. 237).

Сосредоточивается не численность населения, а само население.

Орфографическая ошибка: следует писать «сосредоточивается».

«Конечно же, такая рефлексия осуществляется через призму громоздкой, но чуткой к ветрам политической конъюнктуры машинерии советской массмедиа» (с. 257).

«Призма машинерии» – такой же образец дурновкусия, как и «призма формирования» (вычурная и непонятная метафора).

«Все этапы схематично определяют индивидуальную историческую канву города и разделяют в целом его историю на два периода» (с.259).

Не этапы разделяют историю, а история делится на этапы (периоды).

«Исследование такого рода на примере города Комсомольска-на-Амуре было проведено автором исследования под эгидой Фонда Форда» (с. 261).

«Исследование было проведено автором исследования» – кто бы сомневался.

«Именно сравнительный анализ концептов различных территорий показывает миграцию территории со значением «идеологически важная» (с. 276).

Территории, оказывается, обладают свойством мигрировать.

Отметим также двусмысленность из-за порядка слов: территория или миграция – со значением «идеологически важная»?

«На сегодняшний день общая тенденция этой миграции в своих крайних хронологических точках просматривается от районов с заметным производственным оттенком (особенно четко это можно обнаружить анализируя прессу), до районов с досуговым характером (с. 276).

Здесь пропущена запятая перед деепричастным оборотом, само деепричастие превратилось в глагол в первом лице настоящего времени, но не это главное. У Г.Э. Говорухина районы имеют оттенки и характер.

Кроме того, выражение «досуговой характер» – типичный канцеляризм.

«Отсюда корреляция зоны удаленности и расселения, предложенная Г.В. Шелеховским, оказывается некорректной» (с. 280).

«Корреляция некорректна» – о, златоуст!

«Коммерческие структуры демингуют цены» (с. 284).

Без комментариев.

Не обошлось, естественно, и без словесной путаницы. Так, автор явно не отдает себе отчета в разнице между понятиями «доминантный» и «доминирующий».

Вот соответствующие высказывания.

«Здесь властью производится надзор за доминантными группами переселяемого населения, которые осуществляют какую бы то ни было деятельность в границах определенного пространства, определяемого государством» (с. 216–217).

«В этом случае, если осуществляется «рекрутирование» определенных социальных групп, то доминантным способом поддержания коммуникации будет являться перенос в новые условия традиционных для этой группы форм взаимодействия» (с. 218).

«Это пространство, на котором проживают доминантные группы...» (с. 219).

«Здесь показателен пример распространения надзора за иностранцами, в то время как они попадают в зону влияния доминантных групп» (с.219).

Но доминантным бывают только гены и аллели. А группы населения и способы деятельности являются *доминирующими*.

Отметим попутно, что в тексте встречается также тавтология («переселяемое население», «определение пространства, определяемое государством», а также тяжеловесный грамматический стык (группами переселяемого НАСЕЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ). О канцеляризмах умолчим.

Автор путает понятия «дублировать» и «копировать».

Например, на с. 240 читаем: *«Такой контроль осуществляется в том числе, при помощи требования дублирования привычных форм общежития»* (на новом месте проживания – Р.Л.).

Ясно, что следовало написать «копирование».

Кстати, не мешало бы и вводный оборот «в том числе» выделить запятыми с обеих сторон.

Не понимает он различия между системой экстрарецепторной и интрорецепторной.

На с. 247 написано: *«Такого рода объекты требуют постоянного надзора. Они выступают своеобразной сигнальной, экстрарецепторной системой внутреннего контроля освоенной территории».*

Но система *внутреннего* контроля – это система *интрорецепторная*.

Путает он также понятия «цепь» и «линия».

Читаем на с. 248: *«В этом случае контроль осуществляется именно за объектами хозяйственного назначения – тонкими нитями дорог или телеграфных и электрических цепей, но не за всей территорией осваиваемого пространства».*

Понятно, что речь идет не об электрических и телеграфных *цепях*, а о соответствующих *линиях*.

Задно оцените по достоинству выражение «тонкие нити цепей». А потом вообразите себе *территорию пространства*.

Печальная участь постигла также понятия «странность» и «особенность».

С. 255: *«История Комсомольска-на-Амуре – это история Советского Союза, изменение политического строя и разру-*

шение идеологии которого приводит к изменению и в самом пространстве города. Эта странность взаимодействия политического режима и локальной территориальной организации становится сегодня объектом исследования многих научных направлений, том числе, экономики, географии, истории, социологии».

Странность здесь абсолютно ни при чем. Нужно было написать: «особенность».

Следовало также написать: «становится объектом исследований во многих научных направлениях».

Кроме того, Г.Э. Говорухин попутно сделал открытие в науковедении. Оказывается, экономика, география, история, социология – не научные дисциплины, а направления в науке.

Автор употребляет свое любимое слово «употребимый» там, где грамотный человек написал бы «применимый».

Вот один пример: *«Такая же ситуация и с 66 кварталом к которому употребимы эпитеты «опасный», в значении «опасно гулять» и «безопасность» (с. 274).*

Пунктуацию оставляем в неприкосновенности.

Может быть, хватит? Откройте труд Г.Э. Говорухина и убедитесь, что мы не вычерпали мутный колодец его косноязычия до дна. Да мы и предупреждали во Введении, что эта задача превосходит наши скромные силы.

I.3 О принципиальности в науке

Книги создаются не для авторов, а для читателей. И потому автор должен приложить все усилия к тому, чтобы его труд был понят и оценен по достоинству. Открывая новый научный трактат, читатель после беглого знакомства с ним должен принять решение: продолжать чтение или закрыть книгу и никогда больше ее не открывать. Все зависит от первого впечатления. Таков всеобщий закон человеческого общения (коммуницирования, если воспользоваться излюбленным словом Г.Э. Говорухина).

Что значит предложить читающей публике текст, подобный диалогии Г.Э. Говорухина? Текст, изобилующий ошибками всех видов, – свидетельство тотальной безграмотности автора. Предъявить такой текст сообществу ученых в качестве серьезного научного труда – это все равно, что прийти на официальное торжественное мероприятие в засаленном спор-

тивном костюме, в рваных кроссовках на босу ногу, заросшим недельной щетиной и к тому же под хмельком. Безграмотный текст – свидетельство крайнего неуважения автора к читающей публике.

Прискорбно низкое качество текста работы Г.Э. Говорухина, конечно, в определенной степени – результат ненадлежащего исполнения своих обязанностей редактором В.В. Благодатским. Но, с другой стороны, поставьте себя на место редактора. Вообразите, что вам приносят текст объемом в полторы сотни страниц, написанный на каком-то экзотическом воляпюке, где слова означают совсем не то, что в речи обычных людей, где одна сложная конструкция громоздится на другую, где тьма слов с латинскими и греческими корнями, знаки препинания расставлены произвольным образом, нормы орфографии и грамматики сброшены с парохода современности, стили беспорядочно перемешаны. Ваша задача – в течение недели переработать этот материал в добротный текст. Не вина В.В. Благодатского, что он не смог справиться с такой задачей, ибо она невыполнима в принципе.

Редактор может «причесать» только такой текст, который отвечает минимальным нормам качества. В силах редактора устранить недостатки стиля, но не дефекты мышления.

Несомненна вина рецензентов, которые благословили выход дилогии Г.Э. Говорухина в свет.

Скорее всего, они ее не читали, а просто подмахнули приготовленную Г.Э. Говорухиным «рыбу» – и дело с концом. Что дает мне основания так утверждать? Я не имею чести знать лично рецензента первой монографии доктора исторических наук А.С. Вацук, но не могу предположить, что она столь безграмотна, что не заметила бесчисленных ляпов работы.

То же я могу сказать о кандидате исторических наук К.В. Куликовой.

Рецензенты второй монографии – доктор философских наук Л.Е. Бляхер и кандидат исторических наук Е.Ю. Иванова. Труды Л.Е. Бляхера я читал, был официальным оппонентом на защите его докторской диссертации. Он – филолог по образованию, пишет, разумеется, грамотно, знает несколько иностранных языков. Поэтому не видеть того, что текст работы Г.Э. Говорухина изобилует ошибками, Л.Е. Бляхер не мог. Что его заставило подписать положительную рецензию, не читая монографии, я не знаю. С Е.Ю. Ивановой я знаком, читал ее труды, могу со всей

ответственностью засвидетельствовать, что она пишет грамотно. Так что в данном случае она проявила непростительную для ученого доверчивость.

К сожалению, случай, подобный тому, с которым мы сейчас имеем дело, далеко не единичен. Многие авторы подписывают положительные отзывы, не давая себе труда прочитать работу. Так в науку проникают бездари и недоточки. Доброта – это одно, а добрячество – другое. Доброта по отношению к автору состоит в критике недостатков его работы. Критика выполняет конструктивную роль, она помогает улучшить текст. Добрячество – снисходительность, граничащая с безразличием. Поэтому в науке на критику не обижаются, в науке за критику благодарят. Даже если вы не согласны с критикой, вы получаете представление о том, как другие воспринимают вашу работу. Это позволяет продумать контраргументы, углубить свое понимание проблемы. Потом вы во всеоружии фактов и логики сможете отстаивать свои идеи в любой аудитории.

Когда вы сами станете мэтрами, не облегчайте себе жизнь подписыванием заранее подготовленных для вас отзывов.

На это читатель может возразить, что Г.Э. Говорухин вряд ли будет благодарен мне за критику. Но тут случай особый.

Критика критике рознь. Весь вопрос в том, каков предмет критики. Если критике подвергается работа, соответствующая нормам научности, – это одно дело. Критикуя такую статью или монографию, необходимо указать на ее недостатки и на возможные пути их исправления. Мои работы подвергались, естественно, такой критике, да и сам я написал десятки критических рецензий. В науке это самое обычное дело. Это, так сказать, критика *принимаящая*. Но бывает и критика *отвергающая*. Когда ученый сталкивается с работой, которая претендует на научность, но в действительности находится за пределами науки, критик отвергает ее целиком. Так действует механизм защиты науки от халтуры или некомпетентности.

Приведу в качестве примера один показательный случай. В 2005 году на меня была возложена обязанность официального оппонента на защите докторской диссертации Л.А. Васильевой «СМИ в политических процессах тоталитарного и транзитного типов: сравнительное исследование места и значения печатных средств массовой информации советского и российского паттернов», представленной на соискание ученой степени доктора политических наук. Изучая пухлый

(более 500 страниц) труд Л.А. Васильевой, я пришел к твердому убеждению, что он находится *за пределами* науки. Это публицистический трактат, закамуфлированный под диссертацию. (Причем и публицистика в нем далеко не первого сорта, но это к делу не относится.) Разумеется, я не стал скрывать свое мнение и написал отрицательный отзыв⁸.

Защита состоялась 29 июня во Владивостоке. Два других официальных оппонента (доктор политических наук И.Ф. Ярулин и доктор философских наук О.Ф. Русакова) дали положительные отзывы о диссертации Л.А. Васильевой. На защите я оказался в полном одиночестве. В дискуссии приняли участие и неофициальные оппоненты. Смысл их речей сводился к следующему: в работе имеются как достоинства, так и недостатки, но достоинства преобладают. Я внимательно слушал ораторов, чтобы понять: каковы же эти достоинства, которых я не заметил? Но мои ожидания были обмануты: ни одного конкретного суждения относительно вклада Л.А. Васильевой в науку так и не прозвучало. Несмотря на то, что все члены совета проголосовали за присвоение Л.А.Васильевой искомой ученой степени, ВАК диссертацию отклонила.

Конечно, Л.А. Васильева может считать, что в ее неудаче виноват слишком принципиальный профессор Лившиц. Однако, по совести говоря, винить в провале она должна себя: не надо заниматься делом, в котором ты ничего не понимаешь. (Л.А.Васильева – журналист по профессии.)

Из всей этой истории можно сделать два вывода. Первый вывод: в науке нельзя быть конформистом. Если ты пришел к определенному мнению, отстаивай его, чего бы это тебе ни стоило. Да, вероятность того, что ты окажешься в одиночестве, велика. Но зато тебя не будут мучить угрызения совести. И второй вывод: не все еще потеряно в нашем Отечестве. Механизмы защиты науки от проникновения в нее случайных людей все-таки действуют. Есть циники, которые утверждают, что ВАК – коррумпированная организация, что диссертации продаются и покупаются. К счастью, циники не правы.

Случай Г.Э. Говорухина другой: тут мы имеем дело не с публицистикой под маской науки, а с текстом, не отвечающим элементарным критериям качества.

---

⁸ Помещен в приложение к настоящей работе.

Обсудим возможные возражения.

Первое возражение. Язык – система гибкая, слова обладают размытым смыслом, кроме того, существуют явления полисемии, омонимии, синонимии, паронимии и т.д. Терминология (особенно в новых науках) бывает неустоявшейся. К тому же сами нормы русского языка допускают разные варианты написания слов, разные варианты пунктуации. В отдельных случаях возможна авторская расстановка знаков препинания. Не предъявляем ли мы чрезмерно жестких и потому невыполнимых требований к авторам? Не является ли требование следовать нормам правописания ограничением свободы научного творчества?

Нет, не является. Смысл такого требования – не в ограничении свободы, а в осуждении произвола. Только то творчество плодотворно, которое основано на граните традиции. Проблема Г.Э. Говорухина в следующем: он не знает и не понимает элементарных вещей, нарушает общепринятые стандарты изложения просто из-за того, что до них не дорос. Он пишет «наиболее оптимальный», потому что не знает, что означает слово «оптимальный». Он не знает, что в выражении «такая огромная территория, как Дальний Восток», перед «как» обязательна запятая. Поставить или нет запятую – это не вопрос выбора между творчеством и следованием рутине, а вопрос элементарной грамотности. Г.Э. Говорухин написал на с. 7 «в течении многих столетий». Следовательно, он не понимает разницы между сочетанием предлога *в* с существительным *течение* и предлогом *в течение*. Гибкость языка и богатство его выразительных средств не освобождают пишущего от необходимости соблюдать нормы орфографии и пунктуации. Наукой, как и любым другим видом творческой деятельности, может заниматься лишь тот, кто обладает необходимым культурным багажом. И не надо элементарную безграмотность выдавать за творческую оригинальность.

Представьте себе на минуту, что примеру Г.Э. Говорухина последовали все. Каждый стал творить, не заглядывая в словари и справочники, подчиняясь только своему внутреннему чувству. Каждый стал писать «этноним», где надо «топоним», «аутентичный» вместо «идентичный», «силлогизм» взамен слова «афоризм», придумывать монструозное «вытекаемое» следствие и чудовищное «застолбление». Что получится в результате? Не находите ли вы, что сумасшедший дом в сравнении с наукой окажется в таком случае образцом порядка и цивилизованности?

Возражение второе. Язык и стиль научного труда не имеют принципиального значения. Да, автор не в ладах с орфографией, пунктуацией, стилистикой и грамматикой, но это несущественно. Язык и стиль – это форма, а в науке главное – не форма, а содержание. Наука – не поэзия, где форма обладает самоценностью, в науке главное – мысль. Поэтому и судить о тексте надо не по количеству содержащихся в нем ошибок, а по глубине и оригинальности изложенных в нем идей.

Эти аргументы – чистейший образец софистики. Не следует забывать, что форма содержательна. Совершенная идея не может быть облечена в уродливую форму. В этом смысле между наукой и поэзией принципиальной разницы не существует. Просто в поэзии форма воспринимается непосредственно, а в науке – нет. Отличить псевдонаучный текст от действительно научного сложно, ибо форма научного текста не столь явно выражена. К тому же понимание научного текста требует специальной подготовки, которая имеется далеко не у всех. Например, если квалифицированный социолог читает текст по филологии, ему нелегко понять, *что* перед ним – добротная научная работа или подделка под нее.

Отсюда следует, что «блехастый» текст не может содержать идей, заслуживающих внимания научного сообщества.

Возражение третье. Ясность и точность – достоинство учебных текстов, а не научных. Задача учебника – популяризировать научные знания, делать их доступными для широкой публики, а вот научный текст обращен к специалистам, к нему требования иные. Здесь ясность и точность – не главные достоинства, здесь основное требование – глубина. Научные тексты пишутся для посвященных, и потому они сложны для восприятия человека, который не имеет специальной подготовки.

В общем и целом это верно, но только в общем и целом. Дело в том, что существуют разные уровни ясности и точности. Если, допустим, в тексте по биологии встречается фраза, которую человек, не являющийся биологом, не понимает, то это еще не говорит о плохом качестве текста. Это, возможно, свидетельствует, о том, что читатель не обладает необходимыми познаниями для понимания соответствующей фразы. Он не знает смысла использованных терминов, ему неведомы закономерности, о которых идет речь. Но этот гипотетический читатель *в принципе может* преодолеть барьер непонимания, если ликвидирует пробелы в своих познаниях по биологии. То

есть тут ситуация такая: содержательный смысл фраза имеет, однако для того, чтобы его уяснить, необходима специальная подготовка. Другое дело, если фраза не имеет содержательного смысла. «Радиус треугольника равен десяти градусам». Понять смысл этой фразы невозможно, поскольку она его не имеет. Бездари в науке обычно прячут пустоту и бессодержательность суждений, сочиняя сложные конструкции, напичканные терминами, как арбуз семечками.

Добротный научный текст понятен любому образованному человеку, по крайней мере, на уровне синтаксиса.

Поясним, что имеется в виду. Возьмем знаменитую фразу «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка», придуманную великим лингвистом Л.В. Щербой. Фраза сконструирована из слов, которых нет ни в одном славянском языке. Но фраза, тем не менее, передает некие отношения, изображает некое событие. Схему этого события мы понимаем: какое-то существо («кудра») является «глоким». Оно произвело некое действие «будланула» с другим существом («бокром»). Причем действие было произведено определенным образом «штеко». У «бокра» есть детеныш («бокренок»), на которого «кудра» как-то воздействует («кудрячит»). Нам остается только узнать смысл непонятных слов, и наступит ситуация полного понимания.

Псевдонаучная абракадабра не может быть понята в принципе.

Вывод для аспирантов: написав текст, проверяйте его на неспециалистах. Если то, что вы написали, не понимают неспециалисты, подумайте, как улучшить написанное. Могу поделиться опытом. Лично я поступаю так. Когда я пишу текст, то представляю себе, что сочиняю письмо. Оно адресовано человеку, окончившему советскую среднюю школу на крепкие тройки. (Советское образование давало целостные знания и приучало мыслить системно.) Надо написать так, чтобы до его сознания моя мысль дошла.

Существует три уровня компетентности. Первый уровень – общекультурная компетентность. Она приобретается в результате получения общего среднего образования. Второй уровень – общепрофессиональная компетентность, которую дает высшее образование. И, наконец, третий уровень – специальная компетентность, обретаемая творчеством в той или иной области культуры. Эти три уровня представляют собой пирамиду, где вышележащие уровни базируются на тех, что расположены ниже. Если человек не овладел обще-

профессиональной компетенцией, он не сможет стать квалифицированным специалистом ни в какой области. Если же он не сумел в должной мере освоить программу средней школы, то, естественно, он не в состоянии получить общепрофессиональную подготовку. (Правда, он может получить диплом о высшем образовании, даже с отличием, но давайте не будем путать наличие диплома об образовании с действительной образованностью.)

Грамотность – исходный, базовый уровень культуры личности. Тот, кто не смог одолеть барьер, отделяющий неграмотного человека от грамотного, не может, разумеется, овладеть более высокими уровнями культурной компетенции. Научное творчество – один из самых сложных и трудных видов человеческой деятельности. Как, скажите, человек, не овладевший навыком грамотного письма, сможет научиться вещам неизмеримо более сложным?

Между мыслью и словом существует отношение соответствия. Мысль может быть выражена только в слове и вне слова не существует. Если словесная форма запутанна, туманна, сугубо неясна и неряшлива, это значит, что и мысль, в ней заключенная, такая же по качеству. Кто ясно мыслит, тот ясно излагает. Это известно всем. Но, соглашаясь с данным бесспорным тезисом, следует сделать из него логический вывод. Он состоит в следующем: косноязычие – верный признак творческого бесплодия.

На этом, собственно, можно было бы закончить нашу работу.

Но, поскольку далеко не все согласятся с этими рассуждениями и у Г.Э. Говорухина всегда найдется довольно адвокатов, которые станут утверждать, что мы слишком категоричны в своих выводах и оценках, что следует «стереть случайные черты» с его текстов и тогда добытые им перлы научной истины засияют во всем своем изумительном блеске, мы продолжим наш нелегкий труд.

1.4 Логическая культура

Толкование текстов Г.Э. Говорухина – чрезвычайно сложная задача не только из-за проблем с языком и стилем изложения. Есть еще одна трудность, о которой необходимо сказать отдельно. Она заключается в том, что автор имеет довольно своеобразное представление о логике.

Обратимся к подлинному высказыванию Г.Э. Говорухина, взятому в качестве эпиграфа к настоящей работе. В нем утверждается, что вахтовый метод освоения Дальневосточного региона является одновременно оптимальным и тупиковым. Мы с нетерпением ожидаем мудреца, который смог бы объяснить, каким образом тупиковый путь может быть наилучшим.

Далее. Ключевым понятием теоретической конструкции, сооруженной Г.Э. Говорухиным, является «пространство». Что это такое? Проанализируем высказывания автора по интересующему нас вопросу. На с. 90 Д1 написано: *«Пространство, в том числе и географическое пространство власти – это символическая реальность, в пределах которой властные отношения могут быть приняты легитимными»*. (Пунктуация сохранена.) Итак, автор выдвигает три тезиса: 1) пространство – символическая реальность, 2) географическое пространство власти – тоже символическая реальность, 3) второе относится к первому как часть к целому. Всё понятно.

Читаем дальше: *«Являясь частью символической реальности конкретного пространства, система властных отношений осуществляет процесс адаптации человека к территории»* (с. 90–91). Здесь утверждается следующее: 1) существует «система властных отношений», 2) она является частью «символической реальности конкретного пространства». Но ведь в предыдущей фразе утверждалось, что пространство – это и есть символическая реальность. Получается, таким образом, что система властных отношений – это часть символической реальности символической реальности. А вот это понять уже невозможно. Пропускаем одну фразу. Читаем: *«Более того, власть, наряду с иными формами социального взаимодействия, осуществляет процесс символизации пространства»* (с. 91). Но ведь пространство, как мы помним, является символической реальностью по определению!

Через несколько страниц обнаруживаем следующее суждение: *«Серьезным испытанием на пути создания символического пространства территории является слабая интегрированность населения в схему осваиваемого пространства»* (с. 97). Понятие «символическое пространство территории» в свете данного Г.Э. Говорухиным определения серьезно озадачивает.

Оказывается, наряду с пространством, существует еще символическое пространство, которое само является символической реальностью. При этом сия символическая в квад-

рате реальность обладает территорией. Территория измеряется в квадратных метрах, километрах и т.п. По указанной причине в созданном воображении Г.Э. Говорухина мире имеют смысл выражения типа «сто гектаров символической в квадрате реальности» или «двести квадратных километров символической в квадрате реальности». Наше недоумение еще более возрастает, когда мы дойдем до страницы 144 первой монографии, где встретим понятие «территориальное пространство». Выражение «пространство территории» имеет следующий смысл: у территории есть признак, именуемый пространством. Понятие «территориальное пространство» содержит уже другой смысл: у пространства есть признак территориальности. Встает закономерный вопрос: так как же соотносятся между собой понятия пространства и территории? Г.Э. Говорухин запутывается здесь в неразрешимых противоречиях, которые усугублены к тому же совершенно ложным и искусственным определением пространства как символической (а не объективной) реальности.

Но ведь и это еще далеко не все. На с. 229 Д2 написано: *«Освоение территории (пространства) становится формой включения этой территории-пространства в реестр четких правил того государства, силами которого идет освоение»*. Получается, таким образом, что понятия «территория» и «пространство» тождественны. Итак, нам предлагается три версии соотношения понятий «территория» и «пространство»: 1) пространство – свойство территории, 2) территория – свойство пространства, 3) территория и пространство – одно и то же.

Но ведь и это не предел. Кроме пространства, так сказать, самого по себе, Г.Э. Говорухин постулирует существование социального пространства (с. 151 Д1). Читатель ждет ответа на вопрос, как эти пространства соотносятся, но так и остается в неведении. Автор дал повод думать, что социальное пространство не является символическим, иначе не было бы смысла использовать два понятия. Но тогда получается, что символ не обладает качеством социальности. Символы в такой системе координат оказываются чем-то вроде природных примет: сгустились тучи – жди грозы. Тогда какой смысл символизировать (т. е. наполнять *такими* символами) пространство? На той же странице автор заявляет, что социальное пространство существует «отдельно от географии». Вероятно, он хотел сказать: отдельно от географического пространства. У читателя возникает вполне

закономерный вопрос: а как обстоит дело с символическим пространством? Ответа на этот вопрос мы не находим. Зато находим на с. 249 Д2 совершенно неожиданный тезис о существовании, наряду с символическим, демографического, административного и экономического пространства. Изумлению читателя нет предела: он еще не уяснил, каково же соотношение социального и символического пространства, а ему предлагается новая теория. Причем это делается мимоходом, как бы между прочим; автор сообщает свою сносшибательную новость так, словно речь идет о чем-то всем хорошо известном, о какой-то банальности. На с. 247 читателя поджидает еще одно пространство – на этот раз семиотическое. И о нем сообщается вскользь, никаких разъяснений не дается, нам остается только гадать: что это за сущность такая – семиотическое пространство? А есть еще, между прочим, и «игровое пространство» (с. 228). В общем, Г.Э. Говорухин имеет в своем распоряжении роскошный букет самых разных пространств, читателю остается только застыть в немом восхищении.

Но сюрпризы на этом далеко не заканчиваются. Открыв Д2 на с. 206, читатель найдет там понятие «символьная реальность». Чем символьная реальность отличается от символической, автор не посчитал нужным нам поведать.

Немало загадок таит в себе и теория освоения, излагаемая Г.Э. Говорухиным. Изложим ее словами автора. *«Собственно освоение, – утверждает он, – является синонимом «описания» или «прописывания». Осваивая территорию, человек осуществляет процесс осмысления неизвестного (в данном случае, именно географического) пространства подобно тому, как осуществляется прописывание или проговаривание явлений, находящихся на уровне ощущений. Человек прописывает то, что находится пока только в его образном представлении. В противном случае, если что-то и без того известно, нет необходимости это вербализовать»* (с. 228). (Пунктуация сохранена.) Во-первых, невозможно понять, что такое образное представление. А разве бывает какое-то другое представление? Разве может существовать представление, не содержащее в себе образа какой-то реальности? И что значит «пока»? Что происходит потом, после «пока»? Нет ответа. Но есть ряд отождествлений, которые выглядят не слишком убедительно. Освоение, по Г.Э. Говорухину, тождественно описанию. Описание почему-то отождествляется с прописыванием. Вообще-то описание и

прописывание – довольно разные действия, язык это чутко улавливает. Так, доктор пациенту лекарства *прописывает*, а болезнь в соответствующих документах *описывает*. Было бы крайне странно, если бы врач поступал наоборот. В процессе освоения, согласно этой теории, происходит осмысление пространства. Но освоение, как мы помним, – это описание (т. е. прописывание). Получается, таким образом, что человек (обыватель, в терминологии Г.Э. Говорухина) сначала описывает неизвестное пространство, а потом – осмысливает. Но как можно описать предмет, не осмыслив его? Может ли врач описать болезнь, не понимая, хотя бы в общих чертах, хотя бы в первом приближении, в чем она состоит?

Уяснив, что освоение и описание – одно и то же, мы вдруг узнаем, что это все-таки *разные* вещи. Как иначе можно толковать следующую фразу: «*Освоение и описание географических объектов дает четкую картину реальности пространства и позволяет получить объективное знание о его границах*» (с. 228–229). Выражение «освоение и описание» допускает только одну интерпретацию: освоение – это *не* описание. На с. 230 нас ждет новый сюрприз. Нас только что убеждали, что освоение – это описание, в ходе которого происходит осмысление пространства. И вдруг мы наталкиваемся на такое утверждение: «*В процессе освоения пространства, в ходе практической хозяйственной деятельности человека происходит закрепление той территории, которая первоначально ему не принадлежала*». Здесь автор совершенно определенно покидает свой идеалистический рудут и переходит на позицию материализма, от которого он всячески пытается откеститься. Оказывается, освоение – это не что иное, как «*практическая хозяйственная деятельность человека*».

В общем, мысль автора нечетка, расплывчата, движется вперед судорожными рывками, он забывает то, что писал прежде, на каждом шагу противоречит сам себе, не дает себе труда согласовать одно утверждение с другим. Как вести полемику на концептуальном уровне, если вместо концепции – рыхлый набор не связанных между собой и противоречащих друг другу утверждений?

I.5. Заголовки

Любая работа начинается с заголовка. Придумать удачный заголовок непросто. С одной стороны, он должен быть информативен, с другой – содержать в себе некоторое обоб-

щение. Необходимо, чтобы заголовок привлекал внимание, но при этом не был чрезмерно эффектен. Всегда следует помнить, что научный труд – не художественное произведение. Читатель, взяв в руки научную книгу, должен по заголовку составить общее представление о том, какая проблема является в ней предметом анализа. Удачный заголовок – если не половина успеха работы, то, во всяком случае, заметная его доля. В качестве классических примеров правильных, соответствующих требованиям науки, заголовков можно привести следующие: «Рассуждение о методе» Декарта, «Наука логики» Гегеля, «Капитал» Маркса, «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленина. Любой может без труда назвать еще десятки удачных заголовков, однако вряд ли кто-то сумеет предложить универсальный рецепт их создания. Но можно на конкретных примерах показать, каких ошибок следует избегать.

Разберем с этой точки зрения обе части диалогии. Итак, возьмем первую монографию (Д1). Она озаглавлена, напомним, так: «Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона». Здесь содержится ошибка. Она настолько очевидна, что мы просто теряемся в догадках: почему она не была замечена при редактировании? Попробуйте произнести название монографии в быстром темпе. Сомневаюсь, что у вас это получится. Дело в том, что слово «осваиваемый», да еще в родительном падеже, относится к числу тех, которые нелегко произнести. Русский язык, конечно, – великое творение культуры, он богат, гибок и выразителен, и нет таких слов, чтобы в полной мере воздать хвалу его достоинствам, но и ему свойственны недостатки. Некоторые слова и словосочетания неблагозвучны или труднопроизносимы, и их следует избегать. Словосочетание «пространство осваиваемого региона» относится как раз к числу тех, что трудно произнести. Можно было бы предложить такой заголовок: «Формирование властных отношений в процессе освоения нового региона».

Согласитесь, название в такой редакции было бы гораздо удачней того, что придумано автором.

Итак, в заголовке первой книги, образующей диологию Г.Э. Говорухина, содержится один недостаток: этот заголовок труднопроизносим. Но в нем нет, по крайней мере, претенциозности. Другое дело – заголовок второй части диалогии (Д2). Первая часть заголовка звучит просто эпически: «Власть политики. Власть пространства». А потом следует

скромное добавление: «Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке». Автор упустил из виду, что понятия «Дальний Восток» и «Дальний Восток России» не тождественны. Дело в том, что для Запада Дальний Восток – это Китай, Япония, Корея, Вьетнам, Таиланд и другие близлежащие страны. А то, что мы привычно называем Дальним Востоком, для Запада – часть Сибири. Впрочем, указанный изъян легко исправим добавлением к заголовку всего одного слова. В новой редакции получается: «Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке России». В таком случае эта часть заголовка в полной мере соответствовала бы требованиям. Она сконструирована по апробированному в тысячах монографий образцу: максимально кратко зафиксирован предмет исследования. Читатель, роаясь в книжных каталогах, сразу поймет, о чем идет речь, и сделает вывод, стоит ли эту книгу заказать. Но вот первая часть названия поставит его в тупик. Что такое власть политики? Политика – это определенный вид власти. Каким таким сверхъестественным образом она оказывается *субъектом* власти? Если соскрести с выражения «власть политики» шелуху, то мы обнаружим, что оно фактически тождественно выражению «власть власти». Но тогда давайте уж будем последовательны и станем говорить о *силе силы, слабости слабости, мощности мощи, величине величины, остроте остроты* и т.п. Далеко же мы зайдем, если встанем на путь такого словесного творчества! Выражение «власть политики» не обладает никаким реальным смыслом, оно представляет собой типичный пример рекламной наживки, единственное назначение которой – намекнуть на некую теоретическую глубину, что якобы скрывается под обложкой. Тот, кто клюнет на эту приманку, будет разочарован.

Изучайте монографию хоть с лупой, хоть под микроскопом, никакого анализа власти политики вы не найдете. Нет определения понятия «власть политики», обсуждения существующих концепций (за полным их отсутствием), классификации видов «власти политики» – то есть всего того, что должно быть в научном исследовании. В первой главе речь идет об эволюции понятия власти в европейской общественно-политической мысли, вторая называется «Символическое пространство сквозь призму формирования властных отношений», третья – «История формирования проточной культуры». И это всё! Рассмотрев текст «сквозь призму формирования» концепции Г.Э. Говорухина, вы не обнаружите

в нем и намек на рассмотрение «власти политики». Это служит убедительным доказательством того, что перед нами – фантом, порожденный чрезмерно богатым воображением автора. (Или отсутствием воображения – тут можно дискутировать.)

Второй элемент первой части заголовка – тоже словесный фантом. В самом деле, какой реальный смысл может иметь выражение «власть пространства»? Пространство – объективная данность, форма бытия материи. Оно не обладает субъектностью и не имеет, соответственно, воли заставить людей поступать определенным образом. Мы погружены в пространство точно так же, как погружены в него все объекты материального мира. В этом смысле нет никакой разницы между мыслителем, сочиняющим неудобочитаемые тексты, и стулом, на котором этот мыслитель восседает в момент творческого вдохновения. На этот тезис возможен такой контраргумент: выражение «власть пространства» необходимо понимать как метафору. Извините, но если это метафора, то она крайне неудачна. Пространство – всеобщее условие бытия вещей, равно как и существования людей. Оно безразлично к свойствам объектов и живых существ и по этой причине не может оказать избирательного воздействия на что бы то ни было и на кого бы то ни было. А власть – это такое отношение, которое имплицитно содержит в себе момент ограниченности. Робинзон властвовал над Пятницей, но его власть уже не распространялась на команду судна, которое причалило к острову, где провел долгие годы герой романа Даниэля Дефо. И потому человек, интуитивно чувствующий материю слова (то есть просто грамотный человек), никогда не согрешит созданием словесных уродцев наподобие «власти пространства». Грамотный человек понимает, что не всякие слова, поставленные в определенном порядке, образуют осмысленные выражения. Возьмем, например, словосочетание «синус интеграла». Грамматически оно безупречно, но семантически пусто. То же – «власть пространства». Как ни трудитесь, вы не сможете найти такой контекст, в котором оно имело бы реальный смысл.

Разумеется, о власти пространства во второй части эпихальной (если судить по объему) диалогии Г.Э. Говорухина, не говорится ни слова. Это и понятно. Нелегко писать о том, чего нет и не может быть в действительности.

В свое оправдание Г.Э. Говорухин может привести следующий аргумент: он не сам придумал «власть пространства»,

а позаимствовал у Д.Н.Замятина⁹. В таком случае, во-первых, сразу же возникает непростой вопрос об интеллектуальной собственности. А с Д.Н. Замятиним это согласовано? Есть письменное разрешение на использование его интеллектуальной собственности Г.Э. Говорухиным? Во-вторых, от того, что неудачное название позаимствовано, оно не становится удачным.

Автор, добросовестно стремящийся довести до сведения читателей результаты своих научных изысканий, не станет вставать на ходули, не станет заявлять в заголовке претензию, которая никак не реализуется в тексте. Добросовестный автор, даже если результаты его исследований неверны по существу, заслуживает уважения, ибо его творчество соответствует канонам научного творчества. (Заблуждения научному прогрессу не помеха, они – естественный и закономерный момент развития науки.) Настоящий ученый не хочет *казаться*, он желает *быть*. Его интересует истина, а не то впечатление, которое он производит на окружающих¹⁰. Когда человек прихорашивается перед публикой, старается всячески ей понравиться, облачает свои тексты в пестрый словесный наряд и вообще всеми возможными способами пытается очаровать читателя, то это верный признак научной несостоятельности. Если автор хочет *казаться*, а не *быть*, то он в науке – человек случайный. Наука – не шоу-бизнес, а бескорыстное искание истины.

Начинающему ученому следует запомнить еще одно. Всякий текст – и научный в этом смысле не исключение – раскрывает характер автора. И чем текст по объему больше, тем объективней свидетельство. Глубину невозможно симитировать, умным нельзя притвориться. Поэтому не следует стараться казаться умней, чем ты есть на самом деле. Пускание пыли в глаза – крайне рискованная тактика. Рано или поздно люди разберутся, кто есть кто, и тогда последует неизбежное разоблачение. Хотите превратиться в посмешище – тогда вставляйте на ходули, оглушайте публику звоном новых терминов, поражайте экзотическими понятиями. Ну, а если у вас нет такого желания, то читайте дилогию Г.Э. Говорухина и делайте соответствующие выводы.

---

⁹ *Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. – М.: (РОССПЭН), 2004. – 352 с. Книга цитируется Г.Э. Говорухиным и упомянута в библиографическом списке.

¹⁰ Но перед публикой надо появляться в строгом костюме, застегнутом на все пуговицы.

1.6. Три введения к одной монографии

Как нами доказано (см. выше), две монографии Г.Э. Говорухина представляют собой два издания одной работы. Во втором издании (Д2) имеется, как это принято, введение, а в первом (Д1) – целых два: одно простое, а другое – «лирическое». Так что получается три введения к одной монографии.

Введение – необходимый элемент работы монографического плана; как правило, оно пишется после завершения основной части труда, в нем автор сообщает читателю необходимые первоначальные сведения: в чем состоит замысел, каково состояние вопроса в современной литературе, какова методология исследования и т.п. Приступая к делу, автор еще неясно различает «сквозь магический кристалл» своего воображения даль будущей монографии. Ясность обретается в процессе работы. И только тогда, когда закончена основная часть исследования, автор пишет введение. Таков объективный закон творчества. Искушенный читатель научных текстов знает этот закон. Знакомясь с введением, читатель имеет возможность составить представление о том, в чем заключается проблема исследования, какие существуют точки зрения на нее, каковы основные идеи автора, в чем состоит реализованный в книге подход к предмету изучения, чего следует ожидать от текста. Введение – это нечто вроде развернутой аннотации, и потому формулировки в нем следует оттачивать с особой тщательностью. Нередко бывает так, что читатель, просмотрев введение, закрывает книгу: ничего интересного. Чтобы такого не случилось с вашими работами, не жалейте времени и сил на шлифовку текста введения.

Г.Э. Говорухин, вероятно, решил, что его первая монография (Д1) будет иметь большой успех, если он напишет, кроме обычного, еще и «лирическое» введение. Такое решение не просто оригинально, оно свехоригинально. Ничего подобного нам встречать не приходилось, да и вряд ли кто-то еще смог бы додуматься до такого шага.

Вменяемый ученый отдает себе отчет в неуместности лирики в научном тексте. Лирика – атрибут искусства. Наука – занятие, чуждое лирике. Поэт изливает публике свою душу, ученый открывает объективную истину, от него никоим образом не зависящую и, возможно, лично ему неприятную. Именно так построено научное изложение: вот вам, коллеги, описание того, что я анализировал, и вот результат, который мною получен. Проверьте, не ошибся ли я в чем-нибудь. Ре-

зультат научного исследования – достояние не отдельного ученого, а научного сообщества. Поэт же раскрывает свой внутренний мир читателю, и это процесс интимный и индивидуальный. Не было бы Пушкина – не было бы «Гавриилиады», «Евгения Онегина», «Медного всадника» и вообще всего того, что великим русским поэтом написано. Не было бы Маяковского – не появилось бы ни «Облака в штанах», ни других творений великого советского поэта. А вот если бы Д.И. Менделеев умер в детстве, периодический закон строения химических элементов все равно был бы открыт.

Культура – это мера. Культурный человек обладает чувством меры и поэтому не переходит грани, отделяющей подлинную оригинальность от фиглярства.

Хотите прослыть фигляром? – Пишите лирическое введение к научному труду.

А теперь почитаем, что же в этом беспрецедентном тексте написано.

Он разделен на две части. Первая часть озаглавлена скромно и непритязательно: «Фанфары идеальной мечте». Что ж, почитаем про фанфары.

Зачин просто ошеломляющий: *«На протяжении многих столетий человечество активно создавало образы идеальных властных систем»* (с.5). Вот это масштаб! Вот это замах! Мысль автора объемлет все человечество, проникает вглубь истории на многие века. Правда, не очень понятно, что такое «властная система». Политическая система – вещь реальная, ее воздействие на жизнь людей можно непосредственно наблюдать. А властная система – это что за чудо такое? Что имеется в виду под «идеальными образами властных систем»? Социальные утопии? Так их было не очень много, и создавало их не человечество вообще, а вполне конкретные мыслители.

Читаем дальше: *«Систем, непохожих друг на друга, но неизменно скрывающих в себе общие черты «правильного», а значит, понятного способа организации жизни»* (там же).

Конечно, частицу «не» в данном случае требуется писать отдельно, а не слитно, но не станем акцентировать внимание на уровне грамотности автора. В этой фразе любопытно суждение о «правильном» и понятном «способе организации человеческой жизни». Во-первых, почему автор заковычил слово «правильный»? Оно употребляется в каком-то особом смысле? Непонятно. Во-вторых, что это вообще такое – ««правильный» способ организации человеческой жизни»? Правильный социально-экономический строй?

Правильная политическая система? И по каким критериям «правильный»? И кому понятный? И почему «правильный» способ обязательно должен быть понятным? Установленный гитлеровцами в Германии «способ организации человеческой жизни» был «правильным» или нет? Если нет, то он, по логике автора, не должен быть понятным. Но как раз социальное и политическое устройство Третьего рейха не составляет большой тайны для исследователей.

Следующая фраза: *«Унификация типов правления, их объяснение и создание на их основе общего образа правильного становилось условием включения таких типов в обжитое пространство цивилизованного человеческого мира»* (там же). Здесь слово «правильный» не поставлено в кавычки. Это как понимать? Оно употреблено уже в ином, чем в предыдущей фразе, смысле? Что за ужимки и прыжки! Далее. Обращает на себя внимание тот факт, что автор со «способа организации человеческой жизни» вдруг перескочил на тип правления. Это что – одно и то же? Или автор вообще не в состоянии удержать предмет анализа в поле зрения?

И с какой стати унификация, объяснение и создание на их основе чего-то правильного – условие включения в это самое «обжитое пространство цивилизованного человеческого мира»? Кстати, правильного чего? О чем таком правильном вообще идет речь? Загадка на загадке.

Читаем дальше: *«За бортом такой правильности оставалось все, что не было описано, а значит, не принималось как естественное и нормальное»* (там же). Туман становится еще гуще. Далее: *«Описанная символизированная реальность властных отношений становилась знаменем, с которым народы шли на завоевание и освоение новых горизонтов»* (там же). Народы вообще-то завоевывали и осваивали не горизонты, а вполне конкретные территории¹¹. Благодаря Г.Э. Говорухину мы теперь знаем, как они это делали: выступали под «знаменем описанной символизированной реальности властных отношений». Остается только расшифровать, что сие означает.

Следующая фраза: *«Горизонтов того мира, который не вписывался в общие критерии «цивилизованных» территории»* (там же). Туман редет. Кажется, Г.Э. Говорухин на своем птичьем языке повествует нам о том, как Западная Европа завоевывала «нецивилизованные» страны, создав в итоге колониальную систему. Следующая фраза подтверждает

---

¹¹ Хотя как метафора это выражение, пожалуй, приемлемо.

нашу догадку: *«Неся высоко знамя (signifer) собственной, конечно же, «правильной» власти, народы шли за несбыточной мечтой сделать другой мир похожим на свой»* (там же). Зачем автор вставил в текст слово на иностранном языке, понять трудно. Но в переводе с говорухинского на русский данная фраза означает: «В колониях устанавливались те же порядки, что и в метрополии». Фактически это неверно, но хоть понятно. Далее автор излагает ту же мысль, только еще более цветисто (но не более грамотно): *«Эта мечта увлекала вперед миллионы людей, заставляя штурмовать крепостные стены страшных чужих миров чужой реальности – с тем, чтобы предложить на захваченных стенах разоренных крепостей нечто для себя родное и знакомое¹², то, что становилось продолжением их собственного мира за пределами ойкумены»* (там же). Цитируем две следующие фразы: *«И здесь, на этих стенах уже было неважно, что мечта других людей получила иное развитие. Развитие, неожиданное для победителей, развитие, нашептанное тенями предков строивших старые крепостные стены»* (там же). Для нас уже неважно, что в двух коротких фразах автор пропустил две запятые. Вероятно, так ему нашептали тени предков. Для нас важно другое: как все это перевести? Предлагаю рабочий вариант: «Однако в колониях порядки, существовавшие в метрополии, не приживались». Кто может предложить вариант лучше – пожалуйста, будем признательны.

Процитируем заключительную часть «Фанфар».

«Так расширялся цивилизованный мир, так разрасталась символическая реальность унифицированного мира, подчиненного правилам универсальной властной системы. С этого момента человечество движется вперед не желанием достижения идеальной властной системы, а сама созданная им система толкает человечество на освоение новых территорий физического и символического мира» (там же).

Движимые желанием достижения правильного перевода, мы предлагаем такой вариант: «Так происходило расширение влияния Запада на остальной мир. Установленная на Западе политическая система представительной демократии позволило ему распространить свое влияние на западный мир».

Заголовок второй части «лирического введения» выглядит довольно экстравагантно: «Победное шествие мечты в мечтах». Что ж, почитаем и про это.

---

¹² Здесь нужно ставить тире, а не запятую.

«Победное шествие властных систем, будь то систем религиозных или светских, экономических или политических, приводит к необходимости осознать причины и структуру власти, найти ответ на вопрос о ее природе» (с.6). Да, фантазия автора поистине не знает предела. О том, что такое властная система, мы уже не спрашиваем. Нас заинтриговало другое: в чем состоит «победное шествие властных систем»? В чем оно проявляется? Как его обнаружить? С каких пор и по какой причине сие шествие началось? И почему вдруг только «победное шествие властных систем» побудило ученых «осознать причину и структуру власти»? До него стимулов к познанию власти не было? Кстати, что такое «структура власти»? «Шествие мечты» вновь завело нас в туман, из которого мы вроде бы потихоньку выбрались к концу «Фанфар».

Следующая фраза облегчения не приносит: *«Изучение власти становится насущной потребностью разгадать природу создания идеального общества»* (там же). Что такое идеальное общество? Что такое «природа создания» этого общества? И почему при изучении власти вдруг возникает потребность эту «природу создания» разгадать? У кого такая потребность возникает?

В следующей фразе всего 7 слов, но смысл ее столь же темен: *«Власть и общество выступали частью одного мира»* (там же). А как бы автор хотел: чтобы общество было частью земного мира, а власть – потустороннего? Или наоборот?

Но если эта фраза всего лишь удивляет, то следующая за ней просто повергает в изумление: *«Казалось, получая власть (в широком смысле слова)¹³ человечество, народ, индивидуум получили право на реализацию мечты о безмятежном и даже блаженном существовании, что сродни магии сакрального мира»* (там же). Что такое власть в широком смысле слова? Чем она отличается от власти в узком смысле? Каким образом человечество и народ могут получить власть? Ведь специфика власти как раз в том и состоит, что она принадлежит не всем. Кто это мечтает о безмятежном существовании? И чем блаженное существование лучше безмятежного? И с какого боку тут приплетена *«магия сакрального мира»*? Чему она сродни? Мечте? Народу? Человечеству? Индивидууму?

Ничего не поняв, читаем дальше: *«Власть и знание (эпистема) становится эманацией священных законов мироздания (миро-здания, миро-творения»* (там же). Ав-

---

¹³ Запятая пропущена не нами.

тор, оказывается, силен не только в современных языках, но и в древних. Замечательно, но неплохо было бы ему знать и то, что по-русски принято писать не «епистема», а «эпистема». Зачем автор подверг расчленению вполне понятное слово «мироздание», для нас загадка. Не менее загадочными выглядят «священные законы мироздания». Ну, назвал бы хоть один такой закон, возможно, читателю полегчало бы. И уж совсем не поддается расшифровке тезис о том, что пресловутая «епистема» вкупе с властью становятся эманацией сих таинственных законов.

Цитируем дальше: *«Обретая власть, люди, народы, человечество приобретают знание об истинном, а не только правильном существовании»* (там же). «Обретая власть, люди приобретают» – неплохо сказано. Нарочно не придумаешь. Народ действительно может покорить другой народ и тем самым «обрести власть». Но над кем может властвовать все человечество? И что такое истинное существование? Чем оно отличается от правильного? И почему соответствующее знание дается только вместе с властью? Как-то иначе нельзя?

В следующей фразе автора снова потянуло в мистику: *«Знание об истинном, так же как и сама власть, становятся нераздельны, и те, кто мог похвалиться, что стал их обладателем, становился подобным богам»* (там же). Лучше так: «и те, кто могли похвалиться, что стали их обладателями, становились подобными богам». Впрочем, не станем предъявлять нереалистичных требований к Демосфену Цицероновичу. Лучше спросим: что такое «знание об истинном»? Мы точно не знаем, но полагаем, что на говорухинском диалекте это означает «истинное знание». С каких пор истинное знание и власть становятся нераздельными? В какой стране столь чудесное событие произошло? И кто эти мудрецы-правители? Назовите хотя бы одного. Или Г.Э. Говорухин дал подписку о неразглашении сведений о богоподобных существах? Мистический надрыв усиливается в следующей фразе: *«Как и боги, они могли передавать в настоящем и будущем историю своей жизни, историю своей власти и историю достижения сакральных прав, дарованных богами»* (там же). Ясно одно: власть дается богами. Ну, а если для этого нужно устроить дворцовый переворот или поднять восстание, так ведь на все воля божья (множества богов или одного бога – нужное подчеркнуть). Цитируем полностью следующую фразу: *«Потребность сохранить в памяти людской этапы сакрализации собственной жизни приводит к возникновению собственно языка власти – языка делопроизводства (иначе – производства дел, отблеска миро-здания) и ее исто-*

рии, без которых все, что имеет отношение к управлению уже не может существовать» (там же). Автор безбожно экономит запяты, но зато какая свежая теория! Оказывается, язык делопроизводства возник не из практической необходимости управлять людьми, а из идеальной потребности «сохранить в памяти этапы сакрализации собственной жизни». При этом не уточняется, чья конкретно жизнь имеется в виду, а также каким образом эта жизнь была подвергнута сакрализации. Полезно было бы также сообщить, что такое сакрализация чьей-то жизни. Причисление к лику святых?

Пропустим три фразы, они содержательны не в большей мере, чем все цитированные. Воспроизведем следующий пассаж: «Однако понимание монолитности такого закона (закона власти) превращается в замок на песке как только человечество предпринимает попытку применить этот закон на практике» (там же). Твердо следуя принципу экономии знаков препинания, автор опять пропустил запятую перед словом «как». Зато он украсил свой труд новым перлом: «Понимание превращается в замок на песке». О том, что такое монолитность закона, мы не спрашиваем. Тени наших далеких предков нашептали нам, что этого делать не следует. Лучше продолжим цитирование: «Тогда возникает ощущение, что власть настолько тотальна, что ее нельзя осязать, либо настолько эфемерна, что она растворяется во всевозможных формах управления всех над всеми» (с. 6–7). Вообще-то власть – не та материя, которая предназначена для осязания. И потому никто, кроме Г.Э. Говорухина, не ставит вопрос в такой плоскости. Кроме того, автор противопоставляет тотальность эфемерности, что вызывает недоумение. Тотальность противостоит фрагментарности, а эфемерность – тяжести, массивности, прочности, основательности. И попробуйте представить социальный порядок, при котором существует «управление всех над всеми»¹⁴. Наше воображение пасует.

Следующая фраза озадачивает не в меньшей степени. «Вместе с тем, власть оказывается ни тем и ни другим»¹⁵ (с. 7). Но ведь в предыдущей фразе речь шла не о том, что представляет из себя власть, а о том, какова она. Цитируем

---

¹⁴ Кстати, существует власть кого-то НАД кем-то (или чем-то), но нет управления НАД людьми или предметами. Слово «управление» в русском языке требует после себя творительного падежа: «управление автомобилем», «управление государством».

¹⁵ А как вам нравится выражение «вместе с тем, власть является ни тем»?

дальше: «Она даже не абсолютная объективная реальность, поскольку не существует как нечто субстанциональное. Власть, которую в течении многих столетий пытаются описать, ухватить и приручить, оказывается всего лишь одной из форм социальной реальности, меняющейся со временем вместе с самим обществом и также, как и общество, практически не определимой» (с. 7). Автор, конечно же, спутал предлог «в течение» и сочетание предлога «в» с существительным «течение»¹⁶. Но это, так сказать, недостаток формы. Теперь о сущности. В первой фразе автор выстраивает такой силлогизм: власть – не субстанция, следовательно, власть – не объективная реальность. (Слово «абсолютная» добавлено для красоты, оно здесь совершенно не к месту.) В этом рассуждении заключена логическая ошибка. Вывод не следует из посылки, потому что свойством объективного существования обладает не только субстанция. Попробовал бы Г.Э. Говорухин на глазах у сотрудника ГИБДД проехать на красный свет! И пусть после этого попытается объяснить представителю закона, что власть – не объективная реальность.

Пусть также заодно растолкует, кто это «в течении столетий» пытается «ухватить» власть. И в чем состоит ее «приручение». И почему она «всего лишь» социальная реальность. Чего бы он, Г.Э. Говорухин, от власти хотел? Любопытно было бы также услышать разъяснения насчет «практической неопределимости» власти. Сущность власти вообще нельзя познать? Или все-таки кое-что мы понять в состоянии? Если верное первое, тогда вся «кратология» оказывается пустым умствованием. Если верно второе, то зачем тогда сожалеть о том, что власть «неопределима»? Цитируем следующую фразу: «Поняв это, человечество предпринимает попытку осмыслить власть как дискурсивное поле, «кочующее» вместе с обществом во времени и пространстве» (с. 7). Под человечеством, надо полагать, подразумевается сам Г.Э. Говорухин, которому пришла в голову столь экзотическая мысль. Дискурс, в переводе с французского языка, – это речь, выступление, рассуждение. Следовательно, дискурсивное поле – это место, где происходит обмен речами. Собрались милые интеллигентные люди, чинно ведут беседу, произносят речи. Это и есть, по Г.Э. Говорухину, власть. Правда, только у кочевых народов. У народов, которые ведут оседлый образ жизни, власти не существует. «Дискурсивное поле» у них же не «кочует»! Таков финал «победного шествия мечты в мечтах».

---

¹⁶ Как уже отмечалось в разделе «О принципиальности в науке».

После этого идет, так сказать, нормальное введение, где автор пытается определить, чему посвящена его работа. Конечно, и здесь Г.Э. Говорухин верен себе: почти каждая фраза содержит в себе либо ошибку, либо нелепость, либо сомнительное утверждение. Поэтому, щадя читателя, не станем цитировать все введение. Поступим иначе: перескажем своими словами содержание текста (насколько это, конечно, возможно).

Основные тезисы автора таковы. В России в начале XXI в. идет процесс стабилизации. Он пока не закончен. Завершенным можно его считать только тогда, когда на территории всей страны утвердятся «единые идеологические паттерны». Хотя власть предпринимает «эшелонированное наступление» на всех фронтах, успеха пока нет. Факты, позволяющие сделать этот вывод, таковы: 1) «ментальное пространство России является лоскутным¹⁷ или дифференцированным»; 2) регионы развиваются неравномерно; 3) существуют перекосы в системе регионального управления. (Ментальное пространство более нигде в работе не появляется, в дальнейшем автор обходится без него.)

Далее идет следующее утверждение, которое мы не сумели перевести на русский язык: «...Перекося в управлении и особая специфика освоения и организации региона фактически определяет общую стратегию региональной политики страны» (с. 9). Поскольку глагол «определять» стоит в единственном числе, то невозможно понять, что именно определяет стратегию региональной политики: перекося в управлении или «особая специфика». Если принять версию, что здесь простая описка и следует читать «определяют», то легче от этого не становится. Получается, что автор поменял местами причину и следствие. Ведь региональная политика ведет к тому или иному способу «освоения и организации» региона, а не наоборот.

Дальше мысль автора более или менее понятна. В бурные 90-е годы каждый регион был предоставлен сам себе, в итоге возникла угроза распада России. Теперь пора «территориального суверенитета» (термин Г.Э. Говорухина) позади, настало время укреплять единство страны.

На Дальнем Востоке все эти процессы видны более отчетливо, чем где бы то ни было, поскольку он присоединен к России (по историческим меркам) недавно, территория к тому же слабо освоена. Поэтому Дальний Восток – подходящий регион для исследования проблемы.

---

¹⁷ Здесь по смыслу требуется запятая.

Далее идет суждение, в котором мы не смогли до конца разобраться. Прочитируем его целиком. *«Еще одним важным фактором изучения Дальнего Востока становится особое обстоятельство включения его в систему российского пространства. Это обстоятельство может быть обозначено как фактор кратического (властного) освоения пространства. <...> В условиях, когда организация паттернов современного пространства государства осуществляется, что называется, сверху, анализ уже имеющихся аналогов был бы необходим. И как нельзя кстати на роль такого аналога подходит именно Дальний Восток, в символическое пространство которого встроены модели властной организации социального взаимодействия»* (с. 10). Аналог автор спутал с чем-то другим, наверное, с образцом. Это понятно. Остальное тонет в тумане. Присоединение Сибири к России происходило точно так же, как присоединение Дальнего Востока. И так же точно государство тратило немало средств и сил на освоение территории Сибири. И везде государство проводит определенную социальную, экономическую и культурную политику. Чем Дальний Восток отличается в этом отношении от других регионов, уразуметь невозможно.

Затем автор дает пояснение, от которого вопрос становится еще менее понятным: *«Эксплицитно неоднородность власти предопределяет и условия неоднородности всего социального пространства России, и, как следствие, делает дальнейшее реформирование социального пространства сверху заведомо неэффективным»* (с. 11). Что такое неоднородность власти? Деление власти на законодательную, исполнительную и судебную? Или деление по уровням ответственности: федеральная, региональная, местная власть? Что такое «условия неоднородности социального пространства»? И почему реформы «пространства» сверху не могут быть эффективными? Реформы «снизу» называются вообще-то революцией. Автор хочет сказать, что только революция – эффективный способ разрешения социальных проблем в России? Этот тезис, конечно, заслуживает обсуждения, но он должен быть четко сформулирован и доказан.

Как автор представляет себе цель исследования?

Пересказ в таких случаях неуместен, нужно цитировать. *«Целью работы является исследование власти и властных отношений в организации и освоении региона. В свою очередь реализация поставленной цели позволила бы проанализировать условия кратической организации пространства всей страны и сделать прогноз относительно будущего этого про-*

странства...» (там же). Не станем спрашивать, что такое «кратическая организация пространства». Самое интересное в данном пассаже – заявка на прогноз. Ценность любой теории как раз в том и состоит, что она дает возможность прогноза. Заглянем в конец монографии. Именно там должен быть помещен прогноз. Как это ни странно для творческого почерка Г.Э. Говорухина, некое суждение о будущем в Заключении действительно есть. Цитирую: *«Как представляется, дальнейшая политика государства по усилению вертикали власти неизбежно приведет к ослаблению его связи с регионами и дальнейшему отторжению этих регионов»* (с. 166). И ЭТО ВСЁ!

Спрашивается, стоило ли ради столь глубокомысленного вывода сочинять целую монографию, да еще с двумя введениями! К тому же вывод лишь косвенно связан с предметом исследования, который обозначен как «кратическая организация пространства» и выглядит весьма сомнительно с точки зрения реального хода событий.

Далее автор формулирует задачи, они таковы:

- 1) *«определение дискурсивных практик оценки кратического пространства»;*
- 2) *рассмотрение механизмов трансформации властных отношений в европейской кратологии (бюрократизация и капитализация власти);*
- 3) *выявление условий формирования сакрализации власти и становления властной символики, транслируемой на социальное и географическое пространство страны и региона;*
- 4) *анализ символического пространства власти и методология исследования;*
- 5) *исследование критериев и факторов формирования социальной реальности на Дальнем Востоке, а также рассмотрение и анализ специфики закрепления пространства»* (с. 12).

Мы точно воспроизвели все формулировки, чтобы нас не обвинили в предвзятом или выборочном цитировании. Читателю остается недоуменно взирать на странные термины: «бюрократизация власти», «капитализация власти», «формирование сакрализации власти» и пытаться расшифровать, что они означают. Нелегко понять фразу «анализ символического пространства власти и методология исследования». Возможно, автор хотел написать: «анализ символического пространства власти и определение методологии исследования»? Но в таком случае это не одна, а две задачи. И почему, скажите пожалуйста, читатель должен гадать о смысле написан-

ного? Если же соскрести с речений Г.Э. Говорухина фальшивую позолоту неудобоваримых терминов, то дело заключается в следующем: он намерен пересказать нам историю западных политических учений в связи с социальными условиями, которые их породили. Таков замысел первой главы. Во второй главе автор обещает на материале Дальнего Востока изложить свою теорию «символического освоения пространства»

А теперь заглянем в третье введение. Оно озаглавлено подчеркнуто скромно: «Вместо введения».

Прочитируем начало: *«Реалиями современной России является дифференциация власти и отсутствие единого пространства управления государством»* (с. 5). В первой же фразе книги – грубая грамматическая ошибка – несогласованность членов предложения в числе: «реалиями является». И одновременно два ставящих в тупик тезиса. Чтобы мы ни понимали под властью, как бы мы ни трактовали дифференциацию, власть *всегда* дифференцирована. Таковы реалии власти в любой стране и в любую историческую эпоху. Так зачем же особо подчеркивать, что власть дифференцирована именно в современной России? И с какой стати автор взял, что в России отсутствует «единое пространство управления государством»? Разве Россия погрузилась в стихию анархии? Разве преступника в Москве судят не по тем же законам, что и преступника во Владивостоке? И разве человек, совершивший преступление в Хабаровске, приехав в Смоленск, может не опасаться местной Фемиды?

Автор явно не понимает смысла своих нелепых утверждений.

Читаем дальше: *«Строго говоря, российское государство сегодня – это политическое объединение слабо сочетаемых друг с другом (экономически, а иногда и символически) регионов»* (там же). Выражение «сочетаться законным браком» нашему разумению доступно, а вот что такое «сочетаться символически», мы не понимаем. «Экономическое сочетание» – это, как мы догадались, «экономическая связь». Вынуждены Г.Э. Говорухина разочаровать: российские регионы в экономическом плане представляют собой целостную систему, они очень даже в этом смысле сочетаются. В Сибири и на Дальнем Востоке добывается сырье, которое экспортируется на Запад. Прибыль от продажи поступает на счета олигархов, проживающих по преимуществу в Москве. (Кое-кто обретается в Лондоне, но это детали.) Гармоничное сочетание, не правда ли?

Дальше идут рассуждения Г.Э. Говорухина о том, как формировалось Российское государство в течение последних

трехсот лет. С его точки зрения, царская Россия как единое целое так и не сложилась, она представляла собой, коротко говоря, пестрый конгломерат слабо связанных между собой территорий. Февраль, а затем Октябрь разрушили эту непрочную конструкцию, но большевистская власть восстановила единство страны в том виде, в каком оно существовало в царские времена. *«По сути дела, – пишет Г.Э. Говорухин, – создана та же «химера политического организма, существующая благодаря активной роли центральных органов управления»* (с. 5–6). Вопрос о том, насколько такая оценка справедлива, рассматривать не будем. За годы советской власти связь между центром и периферией еще более ослабла. *«Административные агломерации, существующие в рамках единого государства, превращаются в политические и хозяйственные автономии»* (с. 6). И такое утверждается по отношению к фактически унитарному государству, каким был Советский союз! Как видим, у Г.Э. Говорухина своеобразное чувство юмора. *«Период начала 90-х годов, – продолжает автор, – проходит под знаменем разрушения уже той системы взаимодействий, которая сложилась в управлении государством в советский период»* (с. 6). Г.Э. Говорухин вновь попотчевал нас двумя стилистическими ляпами в одном предложении. Не будем, однако, отвлекаться. Что же произошло дальше, когда «знамя разрушения» было опущено?

Цитируем целиком: *«Россия 2000-х годов представляет собой страну, в которой только лишь создаются единые символические правила новой политической системы. Эти правила еще слабо прописаны юридически, нечетко определены и модели поведения чиновников. Однако вполне явственно видна сила объективных законов власти и форм ее проявления. По-прежнему, как и почти сто лет назад, существуют единые схемы управления государством. Они существуют независимо от неоднократной смены как политической системы государства, так и всей социальной модели России. В этом можно увидеть логику и закономерность власти как таковой, а также логику того географического пространства, в пределах которого власть реализуется»* (там же). С какой стати автор вспомнил о географическом пространстве, понять невозможно. До этого речи о нем не велось. Кроме того, утверждение о том, что политическая система в современной России не сложилась, неверно фактически. Она не только сложилась, но и законсервировалась на долгие годы. Смущает и то, что автор сожалеет о существовании «единых

схем управления государством». Альтернативой таким схемам является разгул анархии. Автор о нем мечтает?

И главный вопрос: для чего все это пишется? Монография-то посвящена принципам формирования регионального управления на Дальнем Востоке. Где сказано о принципах формирования управления? Где формулировка проблемы? Где обсуждение существующих позиций? Где определение методологии исследования? Какова цель работы? В чем состоят ее задачи? Ни слова, ни полслова.

И это называется введением? Ах, да мы забыли, автор же написал не «введение», а «вместо введения». Придется удовольствоваться тем, что есть.

Текст этого «вместо введения» уже теперь дает нам все основания ожидать от автора следом и какое-нибудь «вместо научного текста».

Работа 2008 года, как нами доказано, – второе издание монографии 2007 года, разве что дополненное и слегка отредактированное. А введения-то – совершенно разные! Это уже само по себе доказывает, что между многочисленными введениями и содержанием работы нет никакой связи.

1.7. Цели, задачи и результаты исследования: декларация и реальность

1.7.1. Заявления о намерениях и отчет о результатах

Заголовок – чрезвычайно ответственный, ключевой элемент научного текста. Заголовок содержит в себе в свернутом виде информацию о содержании научного труда. Приступая к работе над статьей или монографией, мы первым делом изучаем литературу по проблеме. На этой предварительной стадии научного исследования мы работаем с каталогами, отбираем научные тексты с помощью поисковых систем и т.п. Роль заголовка на данном этапе работы невозможно переоценить. Заголовок – сигнал, посылаемый одним автором другому: вот здесь то, что вам нужно, коллега.

Если заголовок заинтересовал потенциального читателя, наступает следующий момент – знакомство с тем, что можно назвать «декларацией о намерениях». Обычно она не выделяется в качестве отдельной структурной единицы, но активно присутствует в любой монографии (и в сокращенном

виде – в статье). Декларация о намерениях включает в себя аннотацию, формулировку цели и сообщение о предмете исследования. Знакомясь с ними, читатель составляет для себя общее представление о работе: о чем она, что конкретно хотел исследовать автор, под каким углом зрения и т.п. В научном труде, который отвечает критериям ремесла, существует соответствие между тем, что автор обещает, и тем, что он реально делает. Если такого соответствия нет, то это очень серьезный изъян, свидетельствующий о низкой научной квалификации автора. Правильно составить аннотацию, определить предмет исследования и сформулировать его цель нелегко. Но наука – вообще занятие не из легких. Начинающему ученому необходимо проникнуться сознанием важности «декларации о намерениях» и не жалеть времени и сил на шлифовку соответствующих формулировок. Должно добиваться не частичного и приблизительного, а полного и точного соответствия обещаний реальности.

Сведем воедино декларации о намерениях и сведения о результатах в Д1. Для удобства обозрения представим их в виде таблицы 3. Каждая позиция отражена в ней в отдельном пункте.

Таблица 3

Цели, задачи и предмет исследования в Д1

№ строки	К чему относится	Аннотация	Предмет (чему посвящено)	Цель	Стр.
1.	Монография	<i>Проводится анализ формирования теоретических моделей властных отношений.</i>			2
2.	Монография	<i>Определяется алгоритм становления социального пространства в условиях освоения новых территорий.</i>			2

№ строки	К чему относится	Аннотация	Предмет (чему посвящено)	Цель	Стр.
3.	Монография	<i>Определяется специфическая роль институтов и структур власти в его (социально-пространства – Р.Л.) становлении.</i>			2
4.	Монография		<i>Рассмотрение дискурсивного пространства власти.</i>		2
5.	Глава 1.		<i>Анализ генезиса властных отношений в социальном пространстве Европы.</i>		13
6.	Глава 1.		<i>О смысле формы и процессов становления кратологического дискурса.</i>		13
7.	Глава 1.			<i>Выявление механизмов трансформации властных процессов.</i>	13

№ строки	К чему относится	Аннотация	Предмет (чему посвящено)	Цель	Стр.
8.	Глава 1.			<i>Определение тенденций их (властных процессов – Р.Л.) эпистемологического описания в ходе истории.</i>	13
9.	Глава 1.			<i>Анализ развития систем управления (властвования).</i>	17
10.	Глава 1.			<i>Определение условий формирования понятия «власть».</i>	17
11.	Глава 2.		<i>Осмысление процессов символического освоения территорий.</i>		87
12.	Глава 2.		<i>Выяснение кратологических (властных) оснований «оформления» территории.</i>		87

№ строки	К чему относится	Аннотация	Предмет (чему посвящено)	Цель	Стр.
13.	Глава 2.		<i>Описание формирования социально-культурного контура осваиваемой территории.</i>		87
14.	Глава 2.			<i>Определение символического пространства власти.</i>	87

При взгляде на таблицу поражает ноу-хау автора: он формулирует цель первой главы не один, а *два* раза, причем, делает это в разных местах. А сами формулировки практически не имеют между собой ничего общего.

Признаемся, ничего подобного нам видеть не приходилось.

1.7.2. Первая глава Д1

Посмотрим с этой точки зрения сначала на аннотацию на первую монографию (Д1). В целях удобства изложения начнем с пункта 4. Он, по правде говоря, озадачивает. Автор сообщает нам, что «монография посвящена рассмотрению дискурсивного пространства власти». Но ведь в заголовке фигурирует понятие «*символическое пространство осваиваемого региона*». Поэтому мы вправе ожидать, что в аннотации будет сказано именно об этом. Поскольку ожидания не совпадают с действительностью, у читателя, естественно, возникает недоумение: о чем же на самом деле идет речь? Или дискурсивное пространство – то же самое, что и символическое? Но в таком случае понятия «дискурс» и «символ» совпадают, чего не может быть.

Подобные аннотации свидетельствуют о том, что автор слабо представляет себе, о чем он пишет, и путает базовые понятия своей науки.

Рассмотрим пункт 1 нашей таблицы. Автор утверждает, что в его работе «проводится анализ формирования теоретических моделей властных отношений».

Изучим первую главу и ответим на вопрос о том, соответствует ли он данной заявке.

Первый параграф озаглавлен «Европейский дискурс власти. Постановка проблемы»¹⁸. В тексте бегло упомянуто множество имен авторов, чьи труды связаны с исследованием проблем политологии. Имена в основном иностранные, но есть и русские: А.Ф. Филиппов, В.Г. Ледяев, В.Ф. Халипов, В.В. Мшвениерадзе, Г.Э. Говорухин. Поверим автору, что здесь действительно имеется «постановка проблемы». Ну, а где же теоретические модели? И где анализ их формирования? И то, и другое отсутствует. Берем второй параграф. Он озаглавлен «Сакральность власти и принципы становления властного дискурса». Насколько можно понять из текста, под властным дискурсом понимается теория власти. Хоть такая терминология, на наш взгляд, не очень удачна, не станет придирааться к словам: властный дискурс так властный дискурс. В начале параграфа обнаруживаем характеристику политических воззрений Платона и Аристотеля. Существуют достаточные основания квалифицировать взгляды этих мыслителей как «теоретические модели». Однако анализа формирования данных моделей мы в тексте не находим. Есть лишь изложение вещей, которые можно прочесть в учебнике по политологии.

Далее следуют рассуждения о том, что «*в античной традиции и традиции раннего средневековья*» «*бог являлся обладателем подлинной власти*» (с. 21). Потом автор касается разных предметов: власти русских князей, русских царей, королей языческих племен, юридических казусов, возникающих при наследовании имущества у греков. Он рассказывает о доминиальном правлении у римлян, о критериях легитимности власти в древнем и средневековом Китае, о гражданстве в Римской империи. В заключительной части формулируется вывод, относящийся к природе власти в условиях средневековья. Мы его разбирать не будем, потому

---

¹⁸ Так в тексте работы. А в оглавлении такое название имеет первый параграф первой главы. Если сравнить оглавление и реальное содержание, то обнаруживается любопытная вещь. Так, в оглавлении первая глава называется «Европейский дискурс власти. История развития понятия «власть»». В тексте первая глава названа иначе: «Власть и властный дискурс: история взаимодействия». Оригинально, не правда ли?

что нас интересует другой вопрос: где же обещанный «анализ формирования теоретических моделей властных отношений»? И тут его нет.

Что же, придется проявить терпение и заглянуть в третий параграф, который озаглавлен «Бюрократизация европейской системы власти». Здесь изложение построено по такой же схеме: автор, со ссылкой на М. Блока, сначала сообщает нам, что *«обретение монархами чудотворной силы происходит и во Франции, и в Англии одновременно с утверждением их власти над баронами в XI–XII веках»* (с. 31). Затем идет описание поведения чиновников во время страшных стихийных бедствий, которые обрушились на Париж 31 января 1408 года, говорится о политическом устройстве и административной системе Венеции (период не указан), о перипетиях борьбы за власть в Византии в 1204 году. Довольно много места уделено изложению взглядов Н. Элиаса на власть. Допустим, это и есть долгожданная «теоретическая модель». Но где «анализ ее формирования»? Увы, его мы не обнаруживаем.

Дальнейшее изложение опять-таки касается самой власти, но никак не теоретических воззрений на нее. Автор упоминает имена П. Вейна, М. Фуко, Т. Гоббса, В.Г. Ледяева, Г. Хопкинса и многих других. Однако того, что он нам обещал, мы так и не получили: Г.Э. Говорухин всячески избегает анализа формирования теоретических моделей властных отношений.

Но, быть может, мы торопимся с выводами? Ведь есть же четвертый параграф «Капитализация бюрократической системы власти». Заголовок, правда, смущает. Что такое капитализация процентов по вкладу, известно всякому образованному человеку. Но что такое капитализация власти? Однако мы уже достаточно знакомы с оригинальной манерой изложения, свойственной Г.Э. Говорухину, чтобы не удивляться. Нормальный человек написал бы: «изменение власти в условиях капитализма» (или: «под влиянием капиталистических общественных отношений»). Но Г.Э. Говорухин измыслил «капитализацию власти». На то и талант, чтобы идти нетороженной тропой. Параграф начинается с упоминания имени Т. Гоббса, затем приводятся цитаты из трудов А. Смита, В. Зомбарта, говорится о *«десакрализации верховной власти»* (с. 50), о *«формальном сращивании свободы и власти»*, которое *«позднее становится рудиментом»* (с. 53). Обещанного анализа по-прежнему нет.

Но вот автор упоминает имя М. Вебера. Воззрения выдающегося немецкого мыслителя представляют собою крупное обобщение, которое действительно может быть квалифицировано как «теоретическая модель». Читатель вправе ожидать, что ему будет представлен анализ формирования этой модели. Но автор приводит три цитаты из сочинений М. Вебера, так и не выполнив своего обещания. Причем одна цитата почему-то взята из работы В.Г. Ледеяева, как будто книги М. Вебера труднодоступны. Две цитаты (на с. 54) отсылают нас к «Избранным сочинениям» М. Вебера, изданным в переводе в 1990 году. В книге М. Вебера 646 страниц, и обе цитаты, как это ни странно, взяты якобы именно с последней страницы. Тот, кто знает, каким образом определяется общее количество страниц в книге, без труда поймет, что автор вводит читателей в заблуждение. Впрочем, не будем отвлекаться. Для нас важно то, что и здесь, когда, казалось бы, настал самый подходящий момент для выполнения своего обещания, Г.Э. Говорухин вновь уклонился от оплаты долга.

От М. Вебера автор переходит к Т. Веблену с его известной книгой «Инженеры и система цен». У Т. Веблена автор обнаруживает «*крайнюю форму технократизации властной системы общества*» (с. 56). В переводе с говорухинского языка на русский цитированная фраза выглядит так: «Т. Веблен стоял на позициях радикального технократизма в понимании природы власти». Мы с нетерпением ждем «анализа формирования теоретических моделей властных отношений». Наши ожидания в очередной раз оказываются обманутыми. Вместо этого нам предлагается элементарная характеристика.

Вслед за Т. Вебленом наступает черед Д. Белла. Читатель имеет возможность ознакомиться с таблицей стратификации и власти, предложенной Д. Беллом (с. 58). Таблица весьма информативна, с ней интересно ознакомиться студенту, изучающему социологию. Научная монография адресована тем, кто азы уже знает, поэтому читатель книги Г.Э. Говорухина ничего нового для себя не найдет. Не сможет он отыскать и того, ради чего предпринял свой каторжный труд, — обещанного «анализа формирования теоретических моделей властных отношений».

Остался последний, пятый, параграф первой главы. Он озаглавлен «Современный кратологический дискурс в XX веке». «Кратологический дискурс» — это, надо полагать, «теории власти». Согласитесь, «теории власти» звучит

очень старомодно. То ли дело «кратологический дискурс»! Правда, во втором параграфе употреблен термин «властный дискурс». Читатель заинтригован: так дискурс властный или кратологический? В чем между ними разница? Поскольку такого разъяснения не дано, остается предполагать, что эти понятия синонимичны. Но ведь кратология – наука о власти. Следовательно, если придерживаться логики Г.Э. Говорухина, наука о власти и сама власть – одно и то же. Автор не видит этого подводного камня, поскольку у него совершенно отсутствует языковая интуиция. Совет для начинающих: если вы страдаете языковой глухотой, не тратьте времени на занятия наукой. Не всем же быть учеными! На свете есть немало полезных профессий, не требующих владения словом. Ну, а если вы все-таки вступили на тернистый путь научного познания, обращайтесь со словом бережно, проявляйте осмотрительность и осторожность.

Но вернемся к пятому параграфу. Сначала автор приводит великое множество иностранных имен: Г. Лассуэлл, Э. Кэплэн, Р. Бершtedт, Х. Саймон, Д. Картрайт, Р. Даль, Дж. Марч. Цитат из этих трудов мы не находим, т. к. сам автор их, как видно из текста, не читал. Зато он читал работы В.Г. Ледяева, в которых сочинения названных авторов проанализированы. В.Г. Ледяев, в свою очередь, ссылается на Дж. Скотта, разделившего все теории власти на две группы: это «секционная концепция власти» и «несекционная концепция власти». Итак, цепочка такая: Дж. Скотт сделал самостоятельное обобщение, В.Г. Ледяев его принял, а Г.Э. Говорухин, в свою очередь, сослался на В.Г. Ледяева. Впрочем, разбор всей этой многоэтажной конструкции мы проводить здесь не станем. Для нас важно другое: есть в работе «анализ формирования» указанных концепций или нет? Всякий, у кого хватит терпения и сил дочитать текст до этого места, сможет убедиться, что нам предлагают совсем не тот товар: вместо «анализа формирования» дается изложение определенных точек зрения на природу власти. На с. 66 Г.Э. Говорухин формулирует следующий загадочный тезис: *«Несуществующая без людей власть приобретает вид самодостаточной объективной реальности, четко осознающей возможные пути своего существования»*. Для начала Г.Э. Говорухину неплохо было бы четко осознать, что частица *не* с причастиями пишется раздельно. Следовало бы также уяснить, что у существования нет путей, а есть виды или формы. Пути есть у развития (эволюции). Довольно нелегко разобраться простому докто-

ру наук и в том, какой смысл вкладывается в понятие самодостаточности.

Впрочем, разбор полетов еще впереди, пока мы, напомним, сверяем декларации о намерениях с реальностью. До сих пор нам не удалось обнаружить обещанного «анализа формирования теоретических моделей властных отношений», хотя до конца первой главы осталось не так уж много. То, что мы видим, – изложение, к тому же чаще всего вторичное, различных концепций власти и собственные авторские комментарии к ним. В роли главного классика выступает В.Г. Ледяев, труды которого обильно цитируются автором. Характеризуются взгляды Н. Лумана, Дж. Хоманса, П. Блау, Б. Берри, Дж. Нагеля, Д. Ронга (как уже понимает читатель, при этом вновь активно привлекаются труды В.Г. Ледяева).

В первой главе есть и шестой параграф, названный несколько загадочно: «Мифология общества – мифология власти». По стилю и содержанию он ничем не отличается от предыдущих параграфов: то же перечисление имен с краткой характеристикой взглядов авторов, которая сопровождается комментарием Г.Э. Говорухина. Те же постоянные ссылки на работы В.Г. Ледяева. Довольно подробно рассказывается о взглядах Т. Парсонса, дается их оценка. Прочитируем соответствующее высказывание: *«Понимание власти в системе структурно-функционального анализа при всей оппозиционности конфликтного ее понимания выражает классическое для XX века видение проблемы»* (с. 76). Смысл этой фразы пониманию поддается с трудом, о чем мы уже писали¹⁹. На следующей странице помещена сентенция, которая еще менее понятна: *«Возникает герменевтический круг, определяющий проблему смысла власти как связанную объективными законами с классическими определениями, вписанными в систему оппозиций каузальности»*. Истинный перл говорухинизма! Мы его разберем несколько позже²⁰.

Автор, между тем, подошел к теме мифологии. Как нам удалось понять, речь идет вот о чем: средства массовой информации создают такое представление о нормальном потреблении, которое далеко не соответствует возможностям большинства людей. Этот эффект описан еще Ильфом и Петровым: просмотрев модный журнал, Эллочка Людоедка включилась в состязание с американской миллиардершей

---

¹⁹ В разделе «Особая специфика» языка и стиля».

²⁰ В разделе «Д1: глава 1».

Вандербильд. В изложении Г.Э. Говорухина дело выглядит так: «В результате (воздействия рекламы – Р.Л.) социальными агентами воспроизводится комплекс отношений, транслируемый из множества социальных групп²¹, и создается не просто коммуникативное, а мифологическое информационное пространство, производящее метафизические ротации²² между социальными группами агентов отношений» (с.78). От мифологичности социального пространства автор плавно переходит к полиреферентности (соотнесению себя с какими-то социальными группами). До конца главы осталось всего 7 страниц, но «анализа формирования теоретических моделей властных отношений» как не было, так и нет. Нет его, разумеется, и на последних страницах.

Итак, с «анализом формирования теоретических моделей властных отношений» мы разобрались. В первой главе, где он вроде бы должен быть, его, увы, нет. А что же есть? О чем фактически идет речь в первой главе? Нам удалось найти ответ на этот непростой вопрос, о чем расскажем несколько позже.

Рассмотрим пункт 2 таблицы 3: «*Определяется алгоритм становления социального пространства в условиях освоения новых территорий*». В первой главе ничего подобного нет, значит, нужно читать вторую (и последнюю).

Тут нас сразу же ожидает сюрприз. На с. 87 читаем: «*Рассмотрев вопрос формирования властного дискурса, а также определив исторические условия развития властных отношений, необходимо помнить о том, что власть имеет свой пространственный ресурс*»²³.

Мы только что одолели (сознаемся, не без труда) первую главу монографии Г.Э. Говорухина и не забыли, что в ней была сделана заявка на «анализ формирования теоретических моделей властных отношений», но ни слова не говорилось о том, что автор собирается «определять исторические условия развития властных отношений». Так «рассмотре-

---

²¹ Откуда «комплекс отношений» транслируется, сказано, а вот куда – нет.

²² Сознаемся честно, мы не знаем, что это такое. И даже не догадываемся.

²³ В любом справочнике по стилистике написано, что выражение «вопрос формирования» является канцеляризмом. В научной речи следует писать «вопрос о формировании». Оцените, кстати, изящество следующего выражения: «рассмотрев вопрос, необходимо помнить».

ние вопроса формирования властного дискурса» и «анализ формирования теоретических моделей властных отношений» – это одно и то же? Почему об этом нас раньше не предупредили?

Теперь становится понятно, в чем дело. Для грамотного человека понятие «модель» имеет вполне определенный смысл. Моделью является не всякая теоретическая конструкция, а только такая, в которой отражаемый объект представлен в более или менее целостном виде. У Платона была теоретическая модель общества, у Аристотеля тоже. Теоретическую модель общества создал, например, Маркс. Можно говорить о модели общества у Макса Вебера. Но вот у Фрейда ее нет. Нет ее и у великого множества других авторов, которые трудились на ниве социальных наук. Отдельные идеи по тем или иным частным вопросам, даже отдельные концепции, моделью назвать нельзя. Но Г.Э. Говорухин этого не ведает, для него модель – это всякое теоретическое построение – в том числе и весьма частного характера и невысокого уровня.

То же касается понятия формирования. Обычные люди полагают, что формирование – это процесс развития от возникновения предмета до обретения им некоторой зрелости. Так, формирование капитализма начинается с разложения отношений личной зависимости и заканчивается тогда, когда безличная (вещная) зависимость становится в обществе господствующей. Для Г.Э. Говорухина понятие формирования никакого четкого смысла не имеет. Фактически во всей первой главе дается характеристика социально-политических воззрений ряда теоретиков самого разного типа и уровня. И вот это понимается автором как «анализ формирования теоретических моделей». Поскольку автор плывет по океану слов без руля и без ветрил, ему не составляет ни малейшего труда «теоретические модели» заменить на «властный дискурс». А потом на «кратологический дискурс». А потом на «дискурс власти». А потом еще на что-нибудь. Никаких ограничений, никаких канонов для него не существует.

Но ведь это путь, гибельный для науки. Он ведет к распаду научного сообщества, к прекращению научной коммуникации. Существование науки как формы духовного освоения действительности сделается невозможным.

Мораль: изложение должно быть подчинено задаче максимально ясного и точного выражения мысли.

1.7.3. Вторая глава Д1

Глава начинается с декларации о намерениях. Сначала автор сообщает нам о вопросах, которые он намерен осветить. *«Настоящая глава, – пишет Г.Э. Говорухин, – посвящена осмыслению процессов символического освоения территории, выяснению кратологических (властных) оснований «оформления» территории, а также описанию формирования социально-культурного контура осваиваемой территории»*. Затем формулируется цель: *«Целью настоящей главы стало определение символического пространства власти»*.

В нашей таблице это, соответственно, пункты 11, 12, 13 и 14.

(Странно, что Г.Э. Говорухин во второй главе ограничился одной формулировкой. А где же творческое своеобразие?). Рассмотрим допущенные ошибки.

Одна ошибка бросается в глаза. Слово «оформление» заключено в кавычки. Грамматический смысл кавычек здесь вполне понятен: слово употреблено в каком-то особом, отличном от общепринятого, смысле. Но такой способ выражения мыслей не всегда уместен. Автор кратко сообщает нам о предмете своего исследования, такая информация – один из ключевых элементов текста. Именно здесь требуется максимальная осторожность и осмотрительность в формулировках, здесь необходимо избегать малейшей неясности. Слово в кавычках требует специальных комментариев, а возможность дать их отсутствует. Вторая ошибка тоже вполне очевидна: отождествление понятий «кратологический» и «властный». Кратология – наука о власти. (Удачен или неудачен данный термин – отдельный вопрос.) Но его смысл именно таков. Власть – объективное отношение между людьми. Нельзя смешивать объект и отражение этого объекта в голове человека. Именно об этом знаменитый афоризм Спинозы: «Сто талеров в голове – не то, что сто талеров в кармане». Третья ошибка проистекает из игнорирования того обстоятельства, что слово «символический» представляет собой омоним. У него не один смысл, а два. Первый смысл таков. Символическое действие – это действие, обозначающее, имитирующее какое-то другое действие, которое имеет более глубокий и основательный характер. Например: «Я выпил чисто символически». «Символически» – значит чуть-чуть, не всерьез, скорее обозначил действие, чем его произвел. Второй смысл этого слова – «имеющий отношение к символу», т. е. к знаку особого рода. Например, космический полет Юрия Гагарина был событием символическим: он наглядно продемонстри-

ривал успехи Советского Союза в развитии науки и техники. Как следует понимать выражение «символическое освоение территорий»? Символическое – в смысле освоение не всерьез или в ином смысле? Поскольку здесь омоним, выражение «символическое освоение» двусмысленно. Таких вещей необходимо избегать. Нужно формулировать свои мысли так, чтобы исключить возможность их неверных толкований.

Аннотация и формулировка цели работы (или отдельной главы, не так уж важно) – далеко не рядовые элементы научного текста. Это элементы основные, принципиальные, вот почему их необходимо четко формулировать. Именно по ним читатель судит о содержании работы. Определяя цель, ученый обозначает тем самым планку своих претензий. В аннотации содержится краткое сообщение о полученном результате. Например, ученый N заявляет, что цель его исследования состоит в изучении такого-то объекта (феномена, события и т.д.) с такой-то точки зрения. В аннотации этот ученый информирует: «Изучен такой-то объект с такой-то точки зрения». Иначе говоря, между аннотацией и формулировкой цели должно быть полное соответствие. Нарушение данного требования свидетельствует о том, что ученый слабо представляет, чем же он занимался. Такие ошибки совершенно недопустимы. Они говорят об отсутствии даже минимальной научной квалификации.

На это можно возразить, что у ученого существует право на ошибку. Да, такое право действительно есть. Наука – это вообще единственная сфера человеческой деятельности, в которой ошибка не влечет за собой статусных, моральных и материальных потерь. Ошибались и великие ученые, причем очень серьезно. Но ошибка ошибке рознь. Одно дело – неверное толкование того или иного феномена, другое – неряшливость в формулировках. Ошибки первого рода обусловлены трудностями процесса познания, ведь истина прячется от человеческих глаз под покровом видимости. Ошибки второго рода – свидетельство непрофессионализма. В науке добросовестность возведена в ранг религиозной святости. Грамотное оформление текста – непременный признак добросовестности автора. Небрежность – свидетельство безответственности и халтурного отношения к делу. Научное сообщество отторгает халтурщиков, ибо они своим присутствием портят атмосферу бескорыстного и трепетного искания истины, а без такого поиска само бытие науки как социального института невозможно. Начинаящий ученый должен проникнуться сознанием того, что небрежность в работе абсолютно недопусти-

ма, что необходимо проверять и перепроверять каждый тезис, каждую фразу, каждую цитату, каждую формулировку.

Но вернемся к тексту. В самом начале второй главы читаем: *«Целью настоящей главы стало определение символического пространства власти»* (пункт 14). Ну, во-первых, о цели не говорят в прошедшем времени, во всяком случае, до начала ее реализации. Во-вторых, цель сформулирована крайне неконкретно. Что понимается под определением? Дефиниция? Но для главы это слишком скромно. На пространстве целой главы надо решать более масштабные задачи. Если под определением понимается что-то другое, то возникает закономерный вопрос: а что именно? Где об этом можно прочитать?

В аннотации написано следующее: *«Определяется алгоритм становления социального пространства в условиях освоения новых территорий...»* (пункт 2). Но в формулировках целей (пп. 7, 8, 9, 10, 14) – ни слова насчет алгоритма становления, ни слова о социальном пространстве. В аннотации (пункт 2) говорится, что *«алгоритм становления социального пространства»* определяется не вообще, а *«в условиях освоения новых территорий»*. В формулировках целей (пункты 7, 8, 9, 10, 14) об этих условиях – полное молчание.

Аннотация содержит утверждение, что в монографии *«определяется специфическая роль институтов и структур власти в его (социального пространства – Р.Л.) становлении»* (п. 3). Но в формулировках целей (пп. 7, 8, 9, 10, 14) понятия «институты власти», «структуры власти», «становление социального пространства» не встречаются.

Одна из бесчисленных нестыковок. Человек, который ступил на стезю науки, не имеет права на такую безалаберность. Все формулировки должны быть выверены, точны, связаны друг с другом. Научная работа требует тщательности. Заявленную цель нужно обязательно соотносить с результатом. Кроме того, если цель определена, вы обязаны ее реализовать. (Отступления в ходе изложения, конечно, возможны, но они должны быть мотивированы логикой исследования, работать на решение его сверхзадачи.)

Но пора ознакомиться с содержанием второй главы и сверить декларации о намерениях с реальностью. А декларации, напомним, таковы.

В аннотации: *«определение алгоритма становления социального пространства в условиях освоения новых территорий»* (пункт 2).

В преамбуле ко второй главе: 1) «осмысление процессов символического освоения территорий» (пункт 11), 2) «выяснение кратологических оснований «оформления» территории» (пункт 12), 3) «описание формирования социально-культурного контура осваиваемой территории» (пункт 13).

В формулировке цели: «определение символического пространства власти» (пункт 14).

Первый параграф озаглавлен «Символическое пространство власти. Определение методологии исследования». По содержанию он неоднороден. Сначала автор ведет речь о пространственном ресурсе власти. Под ним понимается территория, «в пределах которой распространение властных отношений будет считаться легитимным» (с. 87). Проще говоря – территория данного государства. Очень свежая мысль. Через две страницы поясняется, что в пределах территории государства борются разные центры влияния, и эта борьба идет с переменным успехом. (Щадя читателя, мы не цитируем текст оригинала.) Мысль верная, но считать ее теоретическим достижением трудно. Пока ни один из пяти пунктов декларации о намерениях не выполняется. Идем дальше. На с. 90 находим загадочную фразу: «Само собой, пространство, в том числе и географическое, как форма со-бытия предметов в понимании социальных процессов играет важную, но не единственную роль». Каким образом пространство может играть роль в понимании чего бы то ни было? Но, учитывая «особую специфику» языка и стиля Г.Э. Говорухина, можно догадаться о смысле написанного. Вероятно, он хотел сказать следующее: «Социальные процессы определяются воздействием не только географического пространства, но и других факторов». Если под географическим пространством понимать географическую среду, то это верно. О роли географической среды в социальном развитии написано в любом вузовском учебнике по философии. От «географического пространства» автор совершает переход к «символическому взаимодействию агентов коммуникации» (там же). Это, наверное, и есть «определение символического пространства власти». На следующей странице мы находим тезис о том, что власть «осуществляет процесс символизации пространства». Это, надо понимать, уже «осмысление процессов символического освоения территорий». Далее следуют рассуждения о том, как именно это делается. Затем на протяжении трех страниц приводятся исторические сведения о заселении Дальнего Востока России. Чтение этих страниц не

требует напряжения, потому что автор не пытается теоретизировать, а просто излагает факты.

Уважаемый читатель! Мы недаром выбрали труды Г.Э. Говорухина в качестве отрицательного образца. Ведь не часто же встретишь текст, в котором автор демонстрирует неспособность согласовать грамматический род употребляемых слов. Для нашего героя это обычное дело. Так, на странице 96 помещена такая сентенция: *«С этого момента концептуальным становится необходимость поддержки переселенцев и удержание территорий за Россией»* (выделено нами – Р.Л.). «Концептуальным становится необходимость» – просто образцовый говорухинизм. Через несколько страниц находим такой пассаж: *«Более конкретно это выглядит так: любой фрагмент социальных отношений, будь то архитектурные изыски городской застройки или формы организации комьюнити, может быть проанализировано в аспекте социальной реальности страны в целом»* (с. 120, выделено нами – Р.Л.). «Фрагмент проанализировано» – кто осмелится утверждать, что это не оригинально? Впрочем, автору не дается согласование не только в роде, но и в числе. Вот высказывание на с. 137: *«В этом случае любое описание или определение пространства сегодня будет проходить в том же ряду принятых в современной автору-исследователю, или авторам-исследователям, картине мира»* (выделено нами – Р.Л.). «В ряду принятых картине мира» – просто очаровательно, не так ли?

Впрочем, согласование слов в падеже – задача, которую Г.Э. Говорухин тоже не всегда решает успешно. Вот текст на странице 116: *«Такие нормы есть результат картины мира и выражают коллективную оценку людей пространства»*. «Что это за «люди пространства»?» – подумаете вы, пытаясь понять написанное. Но если вы поставите слово «люди» не в родительный падеж, а в творительный, все станет на свои места. Речь идет об оценке пространства *людьми*.

Не часто встретишь текст, в котором самые простые мысли излагаются столь же топорно, сколь и витиевато. Нормальный человек написал бы: «С этого момента государство осознает необходимость поддержки переселенцев и удержания территории». Г.Э. Говорухин же глаголет: *«Концептуальным становится необходимость поддержки переселенцев и удержание территорий за Россией»*. Читайте классика и учитесь, как не следует писать.

Но не будем отвлекаться. Продолжим знакомство с дилогией. Фразу на с. 97 имеет смысл процитировать полно-

стью: *«Основной трудностью в изучении символизации пространства становится отсутствие в социологическом дискурсе понятийного аппарата, способного прописать ментальные основания становления символической реальности пространства»*. В переводе на русский это означает: в современной социологии нет понятий, с помощью которых можно было бы описать «символизацию пространства». Г.Э. Говорухин не догадывается, почему это так. Может быть, все дело в том, что социология – наука серьезная, изучает реальные процессы и фантомами не занимается? Но, поскольку Г.Э. Говорухин свято верит в свою теорию, он, конечно, желает дополнить социологию понятиями, без которых она до сих пор прекрасно обходилась.

Далее идут рассуждения о том, на кого бы можно было в этом деле опереться. Автор возлагает надежды на Э. Гуссерля, Ж.-Ф. Лиотара, А.М. Пятигорского, М.К. Мамардашвили, А. Шюца, Г. Зиммеля, П. Бергера, Т. Лукмана. Вслед за ними наступает черед М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. Компания солидная, что и говорить.

Мы оставим разбор написанного Г.Э. Говорухиным на этих страницах на будущее, ведь наша задача на данном этапе, напомним, – сопоставление деклараций и действительности. Наш анализ показывает: текст со страницы 97 по страницу 105 действительно может быть расценен как «определение методологии исследования». Правда, свое желание определить эту методологию автор никак не продекларировал. Поэтому соответствующего пункта нет в нашей таблице. На с. 106 автор переходит к вопросу о методике социологического исследования, хотя ни в заголовке параграфа, ни в одном из пунктов «декларации о намерениях» о ней речи не шла. Начинающему ученому важно уяснить, что таких ошибок делать не следует, иначе вы дадите повод думать, что не различаете методологию и методику. Автор упоминает *«предложенную Лассуэлом методику фреймовых замеров»* и *«работу, которую вел Девит по ассоциативным образам символики»* (там же). При этом, как вы понимаете, ни работ Лассуэла, ни работ Девита (без имени) в библиографическом списке нет. Причем имя первого автора уже упоминалось Г.Э. Говорухиным на с. 15, но там оно написано с двумя «л» на конце: Лассуэлл. Из этого факта следует такой вывод: автор трудов Лассуэлла в руках не держал. Скорее всего, вычитал в каком-нибудь учебнике по социологии. Заметим попутно, что свободное обращение с именами – атрибут говорухинского стиля.

Далее автор делает следующее заявление: *«Очевидно, что наиболее результативным выступает гибрид предложенных методов»* (с. 107). Почему очевидно, остается тайной.

Начинающим ученым следует помнить, что в научном тексте более уместны слова и выражения «вероятно», «как нам кажется», «можно предположить» и т.д. А вот такие слова, как «несомненно», «бесспорно», «очевидно», нужно употреблять с большой осторожностью. То, что очевидно для вас, может быть не очевидным для других.

Затем следуют пассажи о *«структуре регионального развития власти»* (кстати, что это такое?) и о необходимости *«апеллировать к исследователям, использующим методики, направленные на изучение именно символики городского пространства»* (с. 107–108). Автор употребляет слово «апеллировать» вместо подходящего в данном контексте глагола «обращаться». Причем не к исследователям, а к исследованиям. Подобная легкость в выражениях необыкновенная производит на свежего человека просто удручающее впечатление.

Затем упоминаются труды А. Чешковой о пространственном распределении населения в городе, а также работы У. Уорнера, *«прибегавшего к социально-структурному подходу»* (с. 109). («Прибегавшего к подходу» – до этого ведь не всякий додумается!) Следующим иностранным автором, имя которого было удостоено чести появиться на страницах диалогии, стал J. Rex. Именно так: латинским шрифтом. Заглыбываем в конце монографии. Соответствующий источник приведен: Rex J., The Sociology of a Zone of Transition// Bell, C., Newby, H. (eds.) The Sociology of Community: A Selections of readings. – London: Frank Gass and Company ltd., 1973. – PP. 175 –190. Ошибок против английского нет, сей факт заставляет нас сделать вывод, что английский автору ближе, чем русский. Наше предположение перерастает в уверенность, когда мы видим далее, что общины называются словом коммьюнити.

На с.110 мы узнаем, что *«человеческие черты экспонируются на ландшафт городского пространства»*. Поскольку автор перешел на чуждый ему русский, то опять выдал шедевр путаницы и дурновкусия. Экспонировать означает выставлять. То, что является результатом такого действия, именуется экспонатом. Мы теряемся в догадках, что именно хотел сказать автор, с каким словом он перепутал слово «экспонировать». А *«ландшафт городского пространства»* – это просто жемчужина косноязычия, достойная самого Вик-

тора Степановича. Заключительная часть первого параграфа содержит еще немало подобных свидетельств необычайного глубокомыслия автора, но мы не станем на них задерживаться. Констатируем: речь идет о методике проведения социологических исследований в пределах города, что можно считать более или менее соответствующим заголовку параграфа. В «декларациях о намерениях» и в аннотации ни слова не сказано ни о методике, ни о методологии.

Ознакомимся с содержанием второго параграфа. Он озаглавлен *«Символизация. Условия символизации пространства»*.

Логично было ожидать, что параграф начнется с определения сущности символизации. Так пишутся нормальные научные тексты: автор сначала дает дефиницию исходного понятия, чтобы читатель имел представление, о чем далее пойдет речь. С авторской дефиницией другие исследователи могут и не соглашаться, но для изложения это не имеет принципиального значения. Принципиально в данном случае то, что автор делает свою мысль понятной для других ученых и, следовательно, доступной для научной критики.

Г.Э. Говорухин начинает с заявления, что *«символизация позволяет организовать пространство»* (с.116). Возможно, так оно и есть, но для начала неплохо было бы узнать, что такое символизация. Полезно было бы также уразуметь, что понимается под организацией пространства.

Обманув ожидания читателя, автор выдвигает тезис, что *«условия символизации пространства связаны с процессами, влияющими на формирование картины мира»* (там же). Совет начинающему ученому: избегайте таких логических скачков. Необходимо разворачивать свою идею последовательно. В данном случае нужно было бы поведать читателю, что понимается под условиями символизации. И только потом переходить к вопросу о том, с какими процессами эти условия связаны.

Затем автор делает попытку определить, что такое картина мира. Единственным авторитетом здесь для него оказывается М. Хайдеггер. Что ж, М. Хайдеггер – звезда первой величины в мировой философии, однако это не избавляет Г.Э. Говорухина от обязанности обосновать свой выбор. В тексте вновь богатая россыпь говорухинизмов: *«Это пространство (Западной Европы – Р.Л.) в той или иной степени просматривается в символике прибавочного продукта и проходит сквозь призму символизма денежных отношений»* (с. 118). *«Пространство проходит сквозь призму»* –

да представляет ли себе автор, что такое призма? (Добавим в скобках, что у автора наблюдается какое-то особое влечение к призме. Мы уже ознакомились с «призмой формирования» (с. 88 Д2), призмой машинерии (с. 257 Д2), теперь к ним добавилась еще и призма символизма.) Не будем, однако, отвлекаться.

Далее следует заявление, которое даже человека закаленного способно поставить в тупик: *«Математика – это без всякого сомнения важный фактор организации пространства, но его важность не содержится в принципах универсальности науки математики»* (с. 119). Нам не разъяснено, что такое организация пространства, не сказано, какое пространство имеется в виду, но уже сообщается, что математика (да еще и без всякого сомнения!) – важный фактор данного процесса. Мы не знаем, согласиться с автором или нет, потому что из изложения невозможно понять, о чем идет речь. Мы помним, что автор обещал нам описать *«условия символизации пространства»*. Пока упомянуто только об одном факторе, но не символизации, а организации пространства. Когда же будет исполнено обещание? На с. 119 этого не сделано. Зато мы узнаем, что *«символизация пространства, будь то символизация в результате властных отношений, или в целом всего комплекса социальных отношений, формируется вследствие коммуницирования людей друг с другом»* (там же). Автор проявил излишнюю щедрость по части запятых, но недостаточное милосердие по отношению к читателю. Мы ждем, что нам расскажут об *условиях символизации*, а нам предлагается сентенция о ее *причине*.

Быть может, обещание выполнено на странице 120? Читаем: *«Рассматривая вопрос символизации пространства, перед нами, как, впрочем, и перед другим исследователем, встает вопрос о возможных эмпирических основаниях анализа символизации»*. «Рассматривая вопрос, перед нами встает вопрос» – как такое издевательство над языком вынести нормальному человеку? Но дело не только в корявой форме изложения. Когда же речь пойдет об условиях символизации? Эмпирические основания анализа – это все-таки не условия. Изучаем текст на страницах 121 и 122. Об условиях ни слова. Наконец, в самом конце страницы 123 находим: *«При описании деятельности человека и раскрытии условий обоснования символизации единицей рассмотрения²⁴ будет являть-*

---

²⁴ Шесть существительных подряд – еще один шедевр изящной словесности.

ся текст, в котором модусы освящения символической реальности будут превалировать». Автор собирался раскрыть условия символизации, а тут речь идет об условиях обоснования символизации. Или на говорухинском языке это одно и то же? Откуда взялись «модусы освящения символической реальности»? Интересно было бы также знать, что это такое. И почему эти модусы должны непременно превалировать? И над чем превалировать? Предположим, Г.Э. Говорухин употребил слово «освящение» вместо «освещение», т. е. в очередной раз спутал паронимы. Но ведь и тогда его фраза не становится понятней! В чем нельзя отказать Г.Э. Говорухину – так это в умении поставить читателя в тупик.

Потом идут цитаты из Гесиода, который, согласно Г.Э. Говорухину, говорит нам о «*ста-но-влении пространства*» (с. 124). Тщательно вглядываемся в расчлененное слово. Быть может, вся причина в нашей непродвинутой и косности, но не видим мы здесь никакого дополнительного смысла, не видим! И находим в таких вивисекторских экспериментах только нелепое подражание Хайдеггеру.

Страница 124 примечательна, пожалуй, только тем, что на ней мы находим еще один дивный говорухинизм. Цитирую: «*Фигурирование времени – золотого века просматривается вполне отчетливо – это время, когда люди жили беззаботно, но что в этом случае пространство?*». «Фигурирование времени» – неплохо сказано, не правда ли? На следующей странице приведено еще две цитаты из Гесиода, которые украшают монографию. Все-таки нормальная человеческая речь, хоть и архаичная. На с. 126 читателю рассказывается о путешествии конунга Хигелака из страны гаутов в страну данов к дворцу Хеорот. Об условиях символизации пространства ничего нет. Наконец на с. 127 мы находим обещанное: автор сообщает нам об условиях символизации пространства. Вот эта фраза: «*В целом условия символизации пространства предопределены деятельностью действующего²⁵ и преобразующего мир героя, при этом формируя поступки самого героя так же, как хронотоп реки, героического пространства-ристаллица предопределяют действия людей*». Итак, мы узнаем, что 1) хронотоп реки предопределяет действия людей, 2) героическое пространство-ристаллица тоже предопределяет действия людей, 3) деятельность действующего и преобразующего мир героя предопределяет условия символизации пространства, 4) де-

---

²⁵ «Деятельность действующего» – типичная тавтология.

тельность действующего и преобразующего мир героя формирует и поступки самого героя. Все эти новости несколько озадачивают. О хронотопе реки до сих пор речи не шло, как и о хронотопе вообще. Возможно, что он действительно обладает тем свойством, которое ему приписывает автор. Но как в этом удостовериться? Насчет героического пространства-ристаналища можно сказать то же самое. Чтобы судить о справедливости третьего сообщения, нужно знать, в чем состоят условия символизации пространства. Четвертое сообщение содержит в себе логический круг. Что такое деятельность? Это непрерывный ряд поступков. Так каким же образом ряд поступков может формировать поступки?

Идем дальше. На с. 127 и 128 автор ведет речь о переселенцах, приезжающих на Дальний Восток, об их *«интеграции в местные социально-территориальные паттерны»*. Хорошо, пусть будут паттерны. Мы уже имели возможность убедиться в том, что русский язык автору не так близок, как английский. Эти переселенцы обнаруживают, что *«существует²⁶ две реальности символизации обживаемого им пространства»* (с. 128). Одна – «сугубо мифологическая», другая – «естественная, привычная» (там же). Быть по сему. Где же «условия символизации»? В чем они заключаются?

Нет ответа. Зато на с. 129 находим следующий пассаж: *«Все три фактора позволяют составить общий смысловой ряд о пространстве, согласуясь с ожидаемым гносеологическим представлением обывателя»*. Какие три фактора? В предыдущем тексте о них ничего не сказано. Как перевести на русский *«общий смысловой ряд о пространстве»*? И что такое *«гносеологическое представление обывателя»*? В чем оно заключается? Кстати, было бы интересно узнать, кто такой обыватель. Вот, например, сам Г.Э. Говорухин – обыватель или нет?

На с. 130 автор толкует о «пересимволизации», под которой, как можно понять, он подразумевает изменение представлений о пространстве в результате перемещения в другую местность. Новое погружение в античность. На этот раз речь заходит об «Илиаде» и «Одиссее», потом – об «Энеиде» Вергилия. Конечно, и здесь нас ждут новые ляпы вроде *«провиденциалистского смысла пространства»²⁷*. Потом нам расска-

²⁶ Несогласованность членов предложения в числе. Нужно: «существуют две реальности».

²⁷ В тексте читаем: *«...Провиденциалистский смысл пространства для Энея раскрывается в будущем величии Рима»* (С.133). Здесь нужно было написать: провиденциальный смысл пространства. Г.Э. Говорухин спутал провидение и провиденциализм.

зывают об Апулее и Горации. Автор демонстрирует также свое знакомство с творчеством Павсания. Очень хорошо. Когда же, наконец, будут раскрыты «условия символизации пространства»? На с. 136 приводится цитата из книги Э. Ауэрбаха «Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе» об испытании Авраама. *«Из этого отрывка, – пишет Г.Э. Говорухин, – можно вывести заключение о различности условий символизации пространства»* (с. 137). (Вообще-то вместо слова «различность» следовало употребить слово «различие».) Но как можно говорить о различии условий, когда не определено, в чем эти условия состоят?

Далее идут суждения о пространстве, вызывающие у читателя ряд недоуменных вопросов. Например, вот такая сентенция: *«Пространство – это пунктир, линия от одного объекта до другого»* (с. 139). Почему слова «пунктир» и «линия» идут через запятую? Нет никакого пунктира, а есть пунктирная линия, т.е. линия, состоящая из точек, разделенных промежутками. Автор трактует пространство как пунктирную линию? Идем по тексту дальше: *«Причем, зачастую линия, если на ней не указываются конкретные объекты, является символической лакуной, т. е. просто линией ничем не заполненной»* (там же). Читатель, вы можете себе представить линию, которая ничем не заполнена? Линия – это ряд точек. Если точек нет, то и линии нет. Лакуна – это пробел, провал, перерыв. Если следовать Г.Э. Говорухину, существуют такие линии, которые являются пробелом. Собрав все вместе, получаем следующую картину: пространство – это пунктирная линия, которая зачастую становится пробелом. «Через меру» оригинальное представление!

Такое в высшей степени своеобразное понимание пространства Г.Э. Говорухин обнаруживает в средневековых текстах. Пропустим этот сюжет, ведь наша задача – понять, в чем состоят условия символизации пространства. Текст на странице 140 не приближает нас к решению этой задачи. На следующей странице – тоже. А на с. 142 речь заходит об *этапах заселения (освоения) пространства*. И так продолжается до начала третьего параграфа на с. 151. Таким образом, во втором параграфе нам было предложено несколько суждений относительно символизации пространства, но главный вопрос – в чем же эти условия состоят? – оказался обойденным.

Начинающий автор должен усвоить следующее: нельзя обманывать ожидания читателя. Если вы озаглавили параграф «Условия символизации пространства», то будьте добры сначала раскрыть, каковы эти условия, а потом – проанализировать, от чего эти условия зависят, как они влияют

на интересующий вас процесс и как они меняются от эпохи к эпохе. Тогда ваша работа будет соответствовать критериям добротного научного исследования.

Вернемся к вопросу о том, насколько декларации о намерениях соответствуют действительности.

Определен ли *«алгоритм становления социального пространства в условиях освоения новых территорий»* (пункт 2)? Пока на этот вопрос следует ответить отрицательно. Но есть еще надежда на третий параграф. Можно ли утверждать, что автор предложил нам *«осмысление форм и процессов символического освоения территорий»*? (Формулировка из преамбулы ко второй главе. Пункт 6). Да, предложил. В этом пункте действительность соответствует декларации. Другой вопрос – каково качество этого осмысления.

Выяснил ли автор *«кратологические (властные) основания оформления территории»* (пункт 12)? Определенные суждения на этот счет в тексте есть, но они носят характер отдельных замечаний и в систему не складываются. Описал ли автор *«формирование социально-культурного контура осваиваемой территории»* (пункт 13)? На данный вопрос придется ответить отрицательно. В ходе изложения автор поставил другую задачу, о которой не было сказано ни слова в декларации о намерениях, – раскрыть условия символизации пространства, но ее не решил. Он отвлекался на всякие побочные сюжеты, однако самого главного не сказал.

Об *«определении символического пространства власти»* (пункт 14) мы пока вопроса не ставим, ведь это цель всей главы, а она содержит еще третий параграф. Он озаглавлен *«Власть и письменное символическое оформление пространства»*.

Начинается параграф заявлением, которое, пожалуй, стоит процитировать: *«Организация пространства и отношение к организации пространства людей меняет символику взаимодействия между акторами, меняет и саму социальную организацию людей»* (с. 151). В одном предложении три раза употреблено слово «организация». Кроме того, фраза построена крайне неудачно. Из нее невозможно понять, что имеется в виду под «отношением к организации пространства людей». Где здесь логическое ударение: на слове «люди» или на слове «отношение»? Далее следует иллюстрация, которая должна разъяснить загадку. Автор ссылается на работу М. Уотерса (о которой он прочитал, по собственному признанию, у В.Н. Фурса), где говорится о том, что глобализация ослабляет ограничения, налагаемые географией

на социальное и культурное устройство общества, и это ослабление людьми осознается. Мысль верная, хоть ее нельзя считать каким-то глубоким обобщением. Но под пером Г.Э. Говорухина она превращается в головоломку. Глобализацию он заменил «организацией пространства». К самой «организации пространства» присовокупил «отношение к организации пространства». Вместо слова «влияет» употреблено слово «меняет», что, согласитесь, не одно и то же. Мысль М. Уотерса ясна и понятна. Г.Э. Говорухин же «сугубо темен». На той же странице автор делает весьма оригинальный вывод: *«В связи с этим²⁸, можно говорить о формировании отдельно от географии пространства, пространства социального».*

Ординарный человек никогда не додумается до идеи, будто социальное пространство (что бы под ним ни понималось) может существовать *отдельно* от географического. Но не так Г.Э. Говорухин.

Читаем дальше: *«В таком пространстве может формироваться магия политического представительства (П. Бурдьё, 1993), где возможны классы на бумаге деятельность на бумаге, и пр.»* (с. 151–152). Г.Э. Говорухин в одном месте сэкономил запятую, в другом поставил лишнюю, что ж, не в первый раз. Ну, а если оценивать результат его «символической деятельности» по существу, то он свидетельствует о непонимании автором элементарных вещей. Чтобы существовали «классы на бумаге», нужна как минимум бумага. А откуда она берется? Не из древесины ли? А откуда берется древесина? Географическое (т. е. физическое) пространство имеет какое-либо отношение к производству бумаги? В реальности дело обстоит так: пространство – объективная данность, в которой протекает вся деятельность человека – как практическая, так и духовная. Его мы называем либо физическим, либо географическим пространством. (В зависимости от того, какой аспект желаем подчеркнуть.) Продукты духовной деятельности существуют в той или иной материальной форме. Например, в форме звучащего слова или в форме слова написанного. Мы можем сугубо условно называть совокупность продуктов духовной деятельности пространством, но она все равно будет существовать как аспект человеческой деятельности, которая протекает в физическом пространстве. Надо обладать чересчур богатым воображением, чтобы всерьез полагать, будто создан-

---

²⁸ Лишняя запятая. Детерминант «в связи с этим» по правилам не обособляется.

ная человеком духовная реальность существует *отдельно* от реальности физического мира.

Понятие «социальное пространство» имеет смысл лишь в том случае, если оно обозначает социальную реальность (социальную систему). Понятие «социальное пространство» можно использовать, чтобы подчеркнуть тот факт, что в обществе действуют специфические законы. Не считаем мы пустым и понятие «символическое пространство», т. е. пространство знаков, символов. Это не что иное, как совокупность знаков, которыми оперирует человек. Совокупность знаков существует не наряду с материальным миром, а в нем и через него. И «классы на бумаге», равно как и «деятельность на бумаге» существуют не *отдельно* от физического (или географического) пространства, а в нем как результат духовной деятельности людей.

На с. 152 автор пытается обосновать следующий тезис: «...*Освоение пространства осуществляется²⁹ первоначально в результате письменного разъяснения целесообразности такого освоения*». Этот тезис является выводом из одного частного факта, приводимого Г.Э. Говорухиным: генерал-губернатор Приамурского края П.Ф. Унтербергер (занимавший эту должность с 1906 по 1910 год – Р.Л.) заявил, что правительство Российской империи приняло меры к заселению (дальневосточного – Р.Л.) края русским элементом. По Г.Э. Говорухину выходит так: не было («первоначально»!) «разъяснения» – не было никакого заселения. Дал высокий начальник ценное указание – заселение началось.

Извините, а как его превосходительство господин П.Ф. Унтербергер мог бы сделаться генерал-губернатором, если бы край не был заселен? Возможно, в результате его целенаправленной политики темпы заселения возросли, но само заселение началось вовсе не благодаря ценным указаниям начальства, а под давлением жестокой нужды, которая гнала российских крестьян на свободные земли.

Урок для начинающих ученых: проверяйте свои утверждения здравым смыслом. Если одно с другим не сходится – ищите, где заключена ошибка.

Далее на той же странице делается такое удивительное заявление: «*Само пространство предопределяет условия возникновения письменности, и опять-таки, как следствие, – появление привилегированного класса людей, способного писать*».

---

²⁹ «Освоение осуществляется» – типичный канцеляризм. Таких выражений в диалогии – великое множество.

Мы опечалены необходимостью констатировать, что Г.Э. Говорухин и в данной фразе не смог справиться с грамматикой: поставил лишнюю запятую после слова «письменности» и употребил прилагательное «способный» не в том числе. Нужно было написать: «класса людей, способных писать». Класс не пишет, пишут люди, составляющие класс³⁰. И автор, судя по его *способности писать*, никак не может быть причислен к этому «привилегированному классу». Впрочем, и сам процитированный тезис о возникновении письменности полностью противоречит здравому смыслу. Письменность возникает на определенной стадии эволюции общества, когда в том появляется практическая надобность. Само пространство ничего не предопределяет. Оно – лишь внешний фактор бытия человека и общества. Родоплеменная организация общества не требовала никакой письменности, оно держалось на обычае, на традиции, на авторитете вождей – то есть на факторах, не нуждавшихся в специальной фиксации. Усложнение общественных отношений, возникновение политической организации общества потребовали фиксации норм, регулирующих общественную жизнь. Чаще всего это происходило на той же территории, где прежде проживали не ведавшие письменности племена.

На с. 153 нам сообщается не менее удивительная весть о том, что *«цари в древних обществах предпочитали людей, обладающих грамотой держать подальше от управленческих ролей в государстве»*. Г.Э. Говорухин наивно полагает, что слова «обладать» и «владеть» – абсолютные синонимы. Нет, это не так. Человек, обладающий языковой интуицией, никогда не напишет «обладать грамотой», ибо он ею *владеет*. Владеющий грамотой человек к тому же автоматически выделит причастный оборот с обеих сторон. По существу же это утверждение Г.Э. Говорухина является *ложным*. В Древнем Китае именно грамотеи составляли привилегированное сословие шэньши, которое совмещало в себе функции дворянства, духовенства и бюрократии³¹. Далее автор обнаружил, что адаптация населения к окружающему пространству ведет к созданию принципиально

---

³⁰ На это можно возразить, что В.В. Маяковский понимал данный вопрос иначе: «Ну, а класс-то жажду заливает квасом?// Класс он тоже выпить не дурак». Но Маяковский писал не научные трактаты, а стихи. Между первым и вторым существует некоторая разница.

³¹ О чем написано, в частности, в превосходной работе Л.С.Васильева, выдержавшей множество изданий. См.: Васильев Л.С. История религий Востока. Учебное пособие для вузов. 8-е изд. – М.: КДУ, 2006. – С. 579–581.

нового, искусственного, пространства, которое представляет собой *«символическую реальность, делающую пространство легитимным в понимании определенного социума, но далеким от возможного истинного ощущения конкретным человеком физического пространства и физической реальности»* (с. 154). От людей, не владеющих говорухинским языком, требуется некоторое усилие, чтобы понять, что сие означает. В переводе на русский мысль автора заключается в следующем: «Те люди, которые собрались переселяться на новую территорию или уже переселились туда, составляют суждения о ней на основе письменных текстов. Однако суждения, почерпнутые из этих текстов, могут оказаться не соответствующими действительности». Это, конечно, отчасти верно. (Отчасти – потому что источником сведений о новых краях может быть и устная молва.) Но стоило ли для изложения столь простой мысли городить замысловатый огород из *«символической реальности»*, *«легитимного пространства»*, *«истинного ощущения конкретным человеком физического пространства и физической реальности»*?

Какими мотивами руководствовалась царская, а потом и советская власть, организуя переселение людей из Центра на Дальний Восток?

На неподражаемом говорухинском новоязе ответ звучит так: *«Общая идея переселения людей на Дальний Восток сводилась к политическим причинам»* (с. 156). Та же мысль в другой аранжировке: *«Политические проблемы – это главная позиция властной риторики по переселению людей»* (с. 157). В переводе на русский это означает: «Организуя заселение Дальнего Востока, власть руководствовалась политическими мотивами». Это опять-таки верно лишь отчасти. Отчасти по той причине, что ждать экономических выгод от эксплуатации отдаленной от сложившихся промышленных центров, слабозаселенной и лишенной инфраструктуры территории в ближайшей перспективе не приходилось. Но власть (сначала царская, а потом советская) рассчитывала в будущем превратить Дальний Восток в экономически сильный регион, вносящий весомый вклад в экономику страны.

В 1991 году власть меняется. Социализм уходит в прошлое, в России происходит реставрация капитализма. (Согласно другой точке зрения, наша страна «возвращается в лоно мировой цивилизации».) Вставшая у руля государства команда радикальных либерал-реформаторов отказывается от прежних политических и экономических приоритетов. Дальнему Востоку предоставлено право самостоятельно выживать в бурном море рынка. (Такая установка находится

в полном противоречии с коренными интересами страны и региона, поэтому она не может быть последовательно проведена.) На говорухинском наречии эти общеизвестные вещи изложены так: *«Альтернативой политической освоения и формой политической символики освоения региона становится предложение об экономической целесообразности всего Дальнего Востока»* (с. 157). И еще одно суждение: *«Совершенно очевидно, что попытка в начале 90 годов XX века перевести города Хабаровского края на систему экономического взаимодействия с центром России привела к возникновению дестабилизации в регионе...»* (с. 157).

Пропустим несколько страниц рассуждений, которые ничем не отличаются от прочих в книге Г.Э. Говорухина ни с точки зрения красноречия, ни с точки зрения новизны. Пора ознакомиться с предварительным выводом. На с. 160 читаем: *«Общий итог: символика той политической реальности, которая формируется в качестве объективных легитимных условий заселения пространства Дальнего Востока, является приемлемой лишь для истеблишмента, политической элиты царской России, но не самого населения»*. Автор благоразумно обходит вопрос о политике постсоветской власти по отношению к Дальнему Востоку. Кроме того, его вывод никак не обоснован в ходе рассуждений. Скажите на милость, с какой стати переселенец, прибывший на Дальний Восток из Тамбовской губернии, должен протестовать против *«символики политической реальности»*? Да, Российская империя заселяла земли по Амуру, исходя из политических соображений. И чем же такая установка плоха для тамбовского (пермского, орловского, рязанского) крестьянина? Что в ней бьет по крестьянским интересам?

С нашей точки зрения, политика русских царей в отношении Дальнего Востока была весьма дальновидной и мудрой, хотя порой и недостаточно энергичной.

Параграф еще не закончен, продолжим чтение.

«Хотя вся атрибутика поселений региона повторяет общие идеологические штампы типичного городского пространства России, общие принципы российской социальной и хозяйственной специфики в регионе мало отличаются от специфики других регионов» (с. 160). Итак, *«принципы специфики мало отличаются от специфики»*. Очень свежо. Скажем спасибо автору хотя бы за то, что ему не пришла в голову формулировка *«принципы специфики мало специфичны в сравнении со спецификой»*.

Затем следует изложение концепции Д.Н. Замятина, который выделил несколько типов государственного управления. (Причем ссылка на работу Д.Н. Замятина приведена в соответствии с требованием проверяемости, что для стиля Г.Э. Говорухина совершенно нетипично.)

Далее текст построен так, что невозможно понять, чьи мысли излагаются: Г.Э. Говорухина или Д.Н. Замятина. Читаем: *«Отработанные формы общегосударственной политики в этих зонах «натываются» на специфические условия ландшафта и в целом физические, географические условия пространства или уже существующие этнокультурные и цивилизационные установки. На основании предлагаемых типов (государственного управления – Р.Л.) формируются паттерны (определенная обобщенная последовательность действий и решений в какой-либо ситуации или предметной области) управления территориями»* (с. 161).

Мысль вполне здравая, хоть и не очень оригинальная. Г.Э. Говорухин пытается приложить ее к эмпирической действительности, что само по себе правильно. Однако то, как это сделано, опять-таки вызывает недоумение.

Как, например, оценить такое положение: *«В процессе освоения Дальнего Востока повторяются механизмы, дублирующие условия символизации пространства?»* (с. 162). В чем состоят условия символизации пространства, автор нам так и не поведал, хотя этому вопросу посвятил большую часть предыдущего параграфа. Ничего не понятно. Будем читать дальше. А далее нам рассказывается о том, что прибывшие из центральных областей страны «обыватели» перемещались по территории региона и, обнаружив место, удобное для проживания, основывали там поселение. Деятельность эта протекала стихийно, не направлялась органами власти. Ну, и что тут особенного? Как говорится, дело житейское. Но, оказывается *«это и есть трудно обнаруживаемые административными бюрократическими органами пространственные лакуны»* (с. 163). *«Такое пространство, – пишет Г.Э. Говорухин, – находится вне поля легитимной хозяйственной деятельности человека»* (там же). Во-первых, выражение «административные бюрократические органы» – типичный плеоназм. Во-вторых, загадочно звучит фраза о том, что новые поселения находятся вне поля легитимной хозяйственной деятельности. К «нелегитимной хозяйственной деятельности» относятся грабеж, разбой, мошенничество. Новые поселения сплошь состоят из грабителей, разбойников и мошенников? А откуда берется в таком случае общественный продукт, который эти социальные пара-

зиты присваивают себе силой и обманом? Ведь в слабозаселенной местности количество производимых материальных благ не может быть велико.

В общем, разъяснения ничего не разъясняют, туман делается еще гуще.

Но параграф пока не закончился, остался еще один абзац. Быть может, он позволит нам понять, каковы механизмы, которые дублируют условия символизации пространства, и почему эти механизмы повторяются.

Автор сообщает нам, что по Айгунскому и Тяньцзинскому³² договорам 1858 года китайцам было предписано в течение трех лет переправиться на китайскую территорию. Однако не все китайцы поспешили исполнить этот пункт договора. Некоторые общины китайцев остались в России. Власти пришлось организовать контроль над ними³³. *«Такие меры собственно и выступают способом ликвидации пространственных лакун»* (с. 163). Автор сэкономил запятые, но труд его был не напрасным. Теперь понятно, что такое «пространственная лакуна». Это такое поселение, которое не стало еще объектом административного регулирования.

Однако тайну повторяющихся механизмов, которые дублируют условия символизации пространства, Г.Э. Говорухин так и не выдал.

Третий параграф закончился, нужно подвести некоторые итоги.

Нас интересовал вопрос о том, определен ли, согласно аннотации, *«алгоритм становления социального пространства в условиях освоения новых территорий»* (пункт 2.). На это вопрос мы должны ответить отрицательно. Определенная последовательность шагов такого освоения описана, но алгоритм – это нечто большее, чем просто последовательность действий. Это также и правило, закон деятельности. Дело в том, что автор лишь приблизительно знает смысл слова «алгоритм» (как, впрочем, и многих других слов).

Приблизились ли мы к концу главы к пониманию *«кратологических (властных) оснований оформления территории»?* (пункт 12). Предпринятый нами анализ заставляет ответить на этот вопрос отрицательно. Если бы автор разъяснил, что такое «властные основания «оформления» террито-

---

³² В данном месте Г.Э. Говорухин именует Тяньцзинский трактат Тяньзинским договором.

³³ У Г.Э. Говорухина «контроль ЗА китайцами». Правильно «контроль НАД китайцами».

рии», то, возможно, можно было понять, о чем идет речь. Но ясность изложения текстам Г.Э. Говорухина, увы, совершенно чужда.

Приходится констатировать, что и обещание «описать формирование социально-культурного контура осваиваемой территории» (пункт 13) им не выполнено.

Чтобы иметь компактную, обозримую картину полученных нами результатов анализа, сведем их в таблицу.

Таблица 4

Сопоставление деклараций и реальности в Д1

№ строки	К чему относятся	Аннотация	Предмет (чему посвящено)	Цель	Итог анализа
1.	Монография	<i>Проводится анализ формирования теоретических моделей властных отношений.</i>			Анализ отсутствует. Вместо него, согласно собственному признанию автора, «рассмотрение вопроса формирования властного дискурса и определение исторических условий развития властных отношений» (С. 87).
2.	Монография	<i>Определяется алгоритм становления социального пространства в условиях освоения новых территорий.</i>			Описывается определенная последовательность шагов, но алгоритм не раскрывается.
3	Монография	<i>Определяется специфическая роль институтов и структур власти в его (социального пространства – Р.Л.) становлении.</i>			Не выявлено.

№ строки	К чему отно- сится	Аннотация	Предмет (чему посвящено)	Цель	Итог анализа
4			<i>Рассмотрение дискурсивного пространства власти.</i>		Не выявлено.
5.	Глава 1.		<i>Анализ генезиса властных отношений в социальном пространстве Европы.</i>		О генезисе нет ни слова. Имеются определенные суждения относительно изменения типа власти в процессе исторического развития.
6.	Глава 1.		<i>О смысле формы и процессов становления кратологического дискурса.</i>		Пункт сформулирован неконкретно, в тексте не удастся найти суждений относительно формы становления «кратологического дискурса». Понять, в чем состоит «процесс кратологического дискурса» не удастся.
7.	Глава 1.			<i>Выявление механизмов трансформации властных процессов.</i>	Не определено, что такое механизм трансформации властных процессов. Сами механизмы не названы.
8.	Глава 1.			<i>Определение тенденций их (властных процессов – Р.Л.) эпистемологического описания в ходе истории.</i>	О тенденциях «эпистемологического описания» ничего не сказано. Фактически речь идет о зависимости политических теорий от социально-экономического строя.

№ строки	К чему относится	Аннотация	Предмет (чему посвящено)	Цель	Итог анализа
9.	Глава 1.			<i>Анализ развития систем управления (властьования).</i>	Анализа развития нет, есть попытка описания типов власти.
10.	Глава 1.			<i>Определение условий формирования понятия «власть».</i>	Не выявлено.
11.	Глава 2.		<i>Осмысление процессов символического освоения территорий.</i>		Соответствует.
12.	Глава 2.		<i>Выяснение кратологических (властных) оснований «оформления» территории.</i>		Не выявлено.
13.	Глава 2.		<i>Описание формирования социально-культурного контура осваиваемой территории.</i>		Не определено, что такое социально-культурный контур.

№ строки	К чему относится	Аннотация	Предмет (чему посвящено)	Цель	Итог анализа
14.	Глава 2.			<i>Определенные символического пространства власти.</i>	Пункт сформулирован слишком абстрактно. Если под определением понимать дефиницию, то она имеется на с. 87.

В общем, итог получается просто удручающим. Автор плохо представляет себе, чем же он занимается, какие идеи предлагает, в чем состоит его вклад в науку. Ключевые понятия не определены. Один пункт не согласуется с другим, формулировки пунктов не соответствуют реальному содержанию текста. Обсуждаются вопросы, не заявленные ни в аннотации, ни в декларации о намерениях. (Например, вопрос о методологии исследования, при этом понятие методологии смешивается с понятием методики.) В тексте делается заявка на анализ условий символизации пространства, но она так и не выполняется.

Какие уроки следуют из нашего анализа для аспиранта? При подготовке кандидатской диссертации необходимо добиваться чеканной четкости формулировок. Необходимо ясно и точно сформулировать цель исследования (и единственный раз, конечно). Требуется столь же ясно и точно определить его задачи. Между задачами и достигнутыми результатами должно быть полное и точное (а не частичное и приблизительное) соответствие. В ходе изложения обычно затрагиваются и побочные сюжеты, имеющие для исследования подчиненное значение. Обычно это анализ литературы по проблеме и определение методологии исследования. Можно их выделить в отдельные пункты плана. Не будет лишним упомянуть в тексте о том, что эти задачи в рамках исследования являются служебными.

Все употребляемые понятия, в особенности ключевые, требуется четко определять. Чего вправе ждать читатель от книги Г.Э. Говорухина? Вот в ней написано: *«Определяется алгоритм становления социального пространства в условиях освоения новых территорий»*. Следовательно, в книге

должны содержаться ответы на следующие вопросы: 1) что такое социальное пространство, чем оно отличается от пространства физического, географического, символического и т.д.; 2) что такое становление социального пространства; 3) в каком смысле употреблено понятие «алгоритм»; 4) в чем конкретно состоит алгоритм становления социального пространства? Поскольку ничего этого не сделано, претензия автора повисает в воздухе.

Когда настанет момент защиты диссертации, все нестыковки, неясности, непродуманные места работы могут обнаружиться. И тогда весьма велика вероятность того, что диссертационный совет отклонит диссертацию. Но и положительное решение совета – это еще не все. После голосования совет принимает заключение о диссертации. В нем указывается, в чем состоит вклад диссертанта в науку, характеризуется новизна полученных им результатов, указывается, каково теоретическое и практическое значение работы. Если в тексте диссертации нет соответствующих четких формулировок, составить такое заключение – задача невероятной трудности. Но ведь мало составить заключение, нужно еще добиться его принятия советом. По итогам обсуждения заключение принимается открытым голосованием, и нередко случается так, что дискуссии затягиваются надолго. Заключение совета о диссертации вместе с другими документами (диссертация, автореферат, стенограмма заседания совета и др.) посылается в ВАК. Эксперты ВАКа анализируют все документы, при этом самое пристальное внимание обращается на заключение совета. Если в нем содержатся неясные, нечеткие, не стыкующиеся друг с другом формулировки, то это – серьезное основание для отказа в присвоении диссертанту ученой степени.

I.7.4 Аннотация на Д2

В Д1 Г.Э. Говорухин формулировал в каждой главе цель исследования (а в первой, напомним, так даже дважды). В каждой главе он также считает нужным сообщить, чему она посвящена. Есть еще аннотация на всю книгу, в результате в «декларацию о намерениях» вкуче с отчетом о полученных результатах вошло целых 14 пунктов. Мы проанализировали их выше. Теперь необходимо проделать ту же работу с Д2. Наша задача существенно облегчается тем, что в тексте мы не

находим ни упоминания о цели исследования, ни информации о том, чему оно посвящено. В нашем распоряжении имеется только аннотация.

Процитируем ее: «*В настоящей монографии автор рассматривает теоретические позиции властной символики в аспекте их реализации, поднимает вопросы властных взаимодействий в дальневосточном регионе. Автор обращает внимание на слабоизученные стороны современного провинциального города на примере г. Комсомольска-на-Амуре*». Далее идут слова о том, для кого предназначена работа, мы их цитировать не станем.

Данная аннотация является хорошим примером того, как не следует писать такого рода тексты.

Посмотрим еще раз на название работы: «Власть политики. Власть пространства. Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке». Где в аннотации хоть слово, хоть полслова о принципах формирования регионального управления? Где упоминание о Дальнем Востоке? В названии нам обещано рассмотрение проблем всего Дальнего Востока, а не отдельного провинциального города. То же касается и первой части заголовка работы. Она никак не отражена в аннотации. Причины мы проанализировали выше: они заключаются в том, что понятия «власть политики» и «власть пространства» – фантомы, пустышки. Они пригодны для словесных развлечений, но не для научного анализа реальных процессов. Потому-то в аннотации мы не встречаем формулировок наподобие таких: «выявлена сущность власти политики, проанализированы ее основные формы, рассмотрены исторические типы власти пространства». Этого ожидает читатель, посмотрев на название книги, ему же предлагают совсем другое блюдо. Любопытный читатель также спросит: «А что такое *«теоретические позиции властной символики»*? Теоретические позиции могут быть у Кузнецова, Петрова, Брауна, Смита, но не у предметов и явлений. Символика воплощена в материальных предметах, например, в статуе Ленина на центральной площади практически любого города России. У статуи есть теоретические позиции? Автора в очередной раз подвела его языковая глухота. Поскольку не имеет смысла выражение «теоретические позиции властной символики», постольку повисает в воздухе и вторая часть фразы насчет «аспекта реализации».

А как понимать тезис о том, что «автор *поднимает вопросы властных взаимодействий*»? Поднимать вопрос – это

задача не ученого, а журналиста. Ученый же рассматривает, анализирует, исследует, описывает, изучает, предлагает теорию (модель, концепцию, методику) и т.п. А «обращать внимание» это еще хуже, чем «поднимать вопросы». Когда подчиненный пишет своему начальнику служебную записку, он употребляет стандартную формулу: «Уважаемый NN! Обращаю Ваше внимание на...». Но ведь научный труд – не докладная записка, будьте добры соблюдать требования жанра.

Посмотрим внимательно на формулировку «теоретические позиции властной символики в аспекте их реализации». Она очевидным образом относится к первой главе, которая, как мы уже знаем, практически целиком взята из Д1. Но ведь в аннотации на Д1 о той же первой главе написано что в ней *«проводится анализ формирования теоретических моделей властных отношений»*. И это не единственная формулировка. На с.87 Д1 читаем: *«Рассмотрев вопрос формирования властного дискурса, а также определив исторические условия развития властных отношений, необходимо помнить о том...»*. Поскольку это написано в самом начале второй главы, понятно, что *«рассмотрение вопроса формирования властного дискурса»* и *«определение исторических условий развития властных отношений»* относятся к содержанию первой главы.

Итак, получаем три разных декларации, *относящиеся к одному и тому же содержанию.*

1. Рассмотрены теоретические позиции властной символики в аспекте их реализации.
2. Проведен анализ формирования теоретических моделей властных отношений.
3. Рассмотрен вопрос формирования властного дискурса и определены исторические условия развития властных отношений.

Читателю-то как быть? Какая из трех разных формулировок соответствует действительности?

Теперь сопоставим аннотацию и реальное содержание Д2. Нам следует ответить на вопросы 1) Действительно ли автор *«поднимает вопросы властных взаимодействий в дальневосточном регионе»*? 2) Правда ли, что он *«обращает внимание на слабоизученные стороны современного провинциального города на примере г. Комсомольска-на-Амуре»*?

Внимательное изучение текста привело нас к утвердительному ответу на первый вопрос: да, автор на самом деле

на протяжении полутора сотен страниц «поднимает вопросы властных взаимодействий в дальневосточном регионе». Другой вопрос – является ли такой результат достойным научной монографии.

Теперь относительно *«слабоизученных сторон современного провинциального города»*. Абсолютная языковая глухота автора не позволила ему понять, что в его формулировке пропущено одно совершенно необходимое слово. По-русски будет: «слабоизученные стороны *жизни* города». Наш анализ текста показал, что в третьей главе Д2 (в последнем параграфе) речь действительно идет о жизни современного провинциального города, конкретно – Комсомольска-на-Амуре. И автор действительно «обращает внимание» на эту жизнь. Не станем дискутировать по поводу степени изученности тех вопросов, которые в монографии рассматриваются. Такого рода дискуссии всегда отдают бесплодной схоластикой.

Мораль: молодой ученый должен ясно понимать, что его задача – не «поднимать вопросы» и «обращать внимание», а исследовать, анализировать, изучать, выявлять причины, описывать, предлагать методiku и т. п. Учитесь на чужих ошибках, уважаемые коллеги.

II.1. Еще раз о языке и стиле

До сих пор наш анализ касался в большей мере формы, чем существа диалоги Г.Э. Говорухина. Мы рассмотрели, насколько удачны заголовки обеих частей, разобрали текст с точки зрения его соответствия нормам русского языка, сверили аннотации с действительным содержанием, сопоставили декларируемые цели и то, что получилось в действительности; нас интересовал также вопрос о том, насколько понимание автором предмета своего исследования адекватно реальности.

Теперь необходимо проанализировать интересующий нас труд с точки зрения его идейного содержания.

Эта задача не относится к числу легких, но не потому, что в сем труде скрываются какие-то непостижимые глубины, а из-за фатального косноязычия автора.

Если ученый пишет ясно и четко, понимание его теории не составляет большого труда. (Другое дело – соглашаться с ней или нет.) Понять мутный текст значительно сложнее. Текст Г.Э. Говорухина именно таков. Нелегко уразуметь, что же хочет сказать человек, если он не знает или плохо знает значения слов русского языка. Это касается и простых случаев. Вот, например, на с. 189 Д2 читаем: *«Такая небрежность выражалась в отсутствии официальных документов о международном соглашении по разграничению пространства»* (России и Китая – Р.Л.). Во-первых, фраза переусложнена. Речь должна идти не об «отсутствии официальных документов о соглашении», а просто об отсутствии соглашения. Во-вторых, слово «пространство» здесь явно не на месте. Следовало написать «территории». Где вы видели соглашение о разграничении пространства? А вот соглашений о разграничении территории – великое множество. Возьмем текст на с. 204 Д2: *«Отсюда возникает вопрос: что заставляет консервативные крестьянские семьи менять территорию оседлости, и как следствие – отказаться от наработанных веками символов социального взаимодействия внутри родного пространства?»* Запятая здесь не на месте, не выделен оборот «как следствие», но не в этом дело. Скажите,

с какой стати автор вообще завел речь об оседлости? Не существует никакой «территории оседлости», а есть «территория оседлого проживания». Была также «черта оседлости», но она к делу не относится. Следовало написать: «Что заставило крестьян покинуть родные места?». Г.Э. Говорухин, как мы уже отмечали, путает аутентификацию и идентификацию, силлогизм и афоризм, обстоятельство и свидетельствование, цепь и линию, экстрарецепторную систему и интерорецепторную, странность и особенность, слова «доминантй» и «доминирующий»; употребляет в неведомом смысле слова «экспонировать», «рефрен», «знаменатель», «перверсия». Он придумал «золоторазведывательные экспедиции» (с. 243), интенсивность у него обладает свойством активности (с. 243), численность сосредотачивается (с. 237), процесс коммуникации у него стягивается в треугольник (с. 283), у пространства появляются ландшафтные особенности (с. 214), пространство к тому же занимается хозяйственной деятельностью (с. 246), миграция артикулирует (с. 222), а территории, как уже упоминалось, мигрируют и т.д. и т.п. Его творческое воображение произвело на свет таких словесных бастардов, как «администратизация» (с. 234), «окрестьянизация» (с. 201), «земледельчество» (с. 197), «процентность» (с. 220), «макроисторичность» (с. 211), уже упоминавшиеся «застолбление» и «вытекаемый». Льву Николаевичу Толстому хватало слов русского языка для выражения своих мыслей. Григорию Эдуардовичу Говорухину их почему-то мало. У вас нет никаких гипотез, объясняющих сей странный факт?

Если бы Г.Э. Говорухин неверно употреблял слова, но при этом всегда придерживался принятого (им лично) значения, то это было бы полбеда. А то он иногда употребляет слово в одном, правильном, смысле, а иногда в другом. Так, на с. 260 Д2 Г.Э. Говорухин использует выражение «топонимика мест». Это выражение является плеоназмом (поскольку топоним – название места), но все-таки можно заключить, что само слово «топоним» автор понимает правильно. На с. 231 Д2 он также употребляет слово «топоним» в общепринятом смысле. Но в другом месте слово для обозначения места он именует уже не топонимом, а этнонимом. Выше уже отмечался один такой случай (с. 146 Д1)³⁴. Вот другой такой пример. На с. 267 Д2 читаем: «*Часть районов имеет свой этноним, например, «Красный» и «ДК ЗЛК», «Пивной завод» и «Шестой учас-*

---

³⁴ В разделе «Особая специфика» языка и стиля».

ток». Но на с. 249 Д2 слова «этноним» и «топоним» идут через запятую! Итак, нам предлагается считать, что 1) слово, обозначающее название места, – это топоним, 2) слово, обозначающее название места, – этноним, 3) слова «этноним» и «топоним» – синонимы. Если у автора такая каша в голове, то как понять, что же именно он хочет сказать?

Кстати о плеоназмах. Ими текст Г.Э. Говорухина засорен сверх всякой меры. Выше уже назывались некоторые из них: «особая специфика» (с.9), «номинальный титул» (с. 21 Д1), «теория концепции» (с. 77 Д1), «эпическая сага» (с. 142 Д1). Вторая монография содержит в дополнение к ним следующие плеоназмы:

1. «Интерактивное взаимодействие» (с. 204, 208, 271). Интеракция – в переводе с латыни – взаимодействие. Поэтому «интерактивное взаимодействие» – это «взаимодействующее взаимодействие».
2. «Рефлексивное реагирование» (с. 213). Рефлекс – ответ на внешнее раздражение. Слово «реагирование» означает фактически то же самое.
3. «Управленческий бюрократический аппарат» (с. 215). Понятия «управленческий аппарат» и «бюрократический аппарат» синонимичны, поэтому выражение «управленческий бюрократический аппарат» явно избыточно.
4. «Смысловое значение» (с. 230). Понятия «смысл» и «значение» близки по семантике. Тот же случай.
5. «Пространственная лакуна» (с. 251). Всякая лакуна занимает определенное пространство, поэтому в данном выражении также содержится избыточная информация.
6. «Лакунарное пространство» (с. 251). Лакуна – пространство определенного вида. Поэтому выражение «лакунарное пространство» имеет тот же смысл, что и «пространственное пространство».
7. «Коммуникативное взаимодействие» (с. 253). Взаимодействие непременно включает в себя момент коммуникации, поэтому в данном выражении имеется смысловая избыточность.
8. «Топонимика мест» (с. 260). См. выше.

Есть, конечно, и другие плеоназмы, оба издания монографии содержат их в изобилии.

Но и этого мало. Наш анализ показывает, что Г.Э. Говорухин неверно понимает устоявшиеся общепринятые термины.

Возьмем, например, термин «кондоминиум». Он имеет ряд значений. «Википедия» дает такую справку: «**Кондоминиум** (лат. *con* – вместе и *dominium* – владение) – совместное владение, обладание единым объектом, чаще всего домом, но также и другим недвижимым имуществом. Понятие «кондоминиум» получило большое распространение на Западе, в частности в США.

Товарищество собственников жилья (ТСЖ) – российский эквивалент кондоминиума. Это юридическое лицо для обеспечения эксплуатации многоквартирного дома, находящегося в совместном владении собственников помещений этого дома»³⁵.

В диалогии под кондоминиумом понимается «спальный район, куда входят жилые здания, детские сады, школы, магазины и пр.» (с. 271 Д2).

Сравните и делайте выводы.

На с. 216 Д2 читаем: «*Эти агенты власти – местные органы управления – осуществляют надзор за территорией, что составляет основу прямого управления этой территорией*». Итак, *местными органами власти* осуществляется прямое управление. В действительности управление территорией можно назвать прямым только в том случае если оно осуществляется через голову местной власти, непосредственно из центра. Так, по крайней мере, понимают суть дела люди, не читавшие труда Г.Э. Говорухина.

На с. 225–226 Д2 имеется любопытный пассаж. Протицируем его полностью: «*После революции привязка к земле теряет свой смысл*³⁶ *и ценным становится заполнение организуемого пространства различными социальными слоями общества, рекрутированными для ведения определенной деятельности. В этом случае переселение осуществляется по тому же принципу проточности. Маятниковые миграции проходят повсеместно и затрагивают не только Дальний Восток, но и Сибирь*». Итак, под маятниковой миграцией автор понимает «проточное» движение населения: люди приезжают на Дальний Восток, а потому уезжают назад; на смену им прибывают новые переселенцы. Но в социологии под маятниковой миграцией понимается нечто совсем иное. В «Википедии» приводится справка: «**Маятниковая миграция** – условное название регулярных (обычно – ежедневных)

---

³⁵ Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Кондоминиум.

³⁶ Запятая пропущена не нами.

поездок населения из одного населённого пункта (места жительства) в другой – на работу или учёбу и обратно. Маятниковая миграция является результатом несоответствия размещения производства и расселения людей. Особенно развита маятниковая миграция в пригородных зонах крупных городов, городских агломерациях, мегалополисах. Маятниковую миграцию не относят к миграции населения»³⁷.

Вы думаете, это все? Нет, нас ожидает еще одно фундаментальное социологическое открытие. На с. 223–224 читаем: *«Важным фактором сдерживания населения в новых городах становилась политики поощрения дальневосточников путем «широкомасштабного субсидирования потребительских товаров, жилья и коммунальных услуг» (Берлинер, 2004:12). В этом случае маргинальное население, направляемое на новые земли, не являлось гастарбайтерами, а представляло собой слой вахтовиков, поселение которых на данной территории было явлением временным»*. Итак, согласно автору, вахтовики – это те люди, которые приезжали в дальневосточные города на некоторое время. Период точно не указан, но понятно, что речь идет не о неделях, а о годах, ибо в противном случае не имеет смысла создание для дальневосточников привилегированных условий. Но все, кроме Г.Э. Говорухина, понимают вахтовый метод иначе. Статья 297 Трудового кодекса РФ гласит: *«Вахтовый метод – особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания»*.

– Вахтовый метод применяется при значительном удалении места работы от места нахождения работодателя в целях сокращения сроков строительства, ремонта или реконструкции объектов производственного, социального и иного назначения в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями»³⁸.

Статья 299 содержит такой пункт: *«Продолжительность вахты не должна превышать одного месяца»*³⁹.

Такие города, как Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре, Магадан, Петропавловск-Камчатский никак не могут быть отнесены к необжитым районам. И люди в них работают там, где проживают. А вах-

---

³⁷ Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Маятниковая_миграция.

³⁸ Режим доступа: <http://www.jobway.ru/trudkodeks/?id=117>.

³⁹ Там же.

товый метод предполагает, что люди работают вдали от того места, где постоянно проживают. Работают недолго, не более месяца.

Человеку, который решится погрузиться в чтение трудов Г.Э. Говорухина, следует учитывать еще одно немаловажное обстоятельство: стремление Григория Эдуардовича блеснуть знанием иностранных слов. Вот, например, он нигде не употребляет слово «сообщества». Повсюду он пишет о коммьюнити (например, с. 120 Д1, 212 Д2). Но чем «коммьюнити» лучше «сообщества» (или «общины»)? Да только тем, что демонстрирует приобщенность автора к англоязычной культуре. Есть такие авторы, которые «словечка не скажут в простоте, все образованность хотят показать». Г.Э. Говорухин – один из типичных представителей этого племени.

Так, на с. 194 Д2 написано: *«Здесь важен тот локал пространства, на котором размещается тот ресурс, ради которого переселенцы приезжают»*. Что такое локал? Честное слово, нам это неведомо. Словари хранят молчание. Зачем вообще нужен этот претенциозный «локал»? Без него никак нельзя мысль изложить?

Едва оправившись от «локала», читатель налетает на «позит». На с. 198–199 Д2 читаем: *«Подобная тенденция может означать, что освоение Дальнего Востока русскими переселенцами осуществлялось за пределами земледельческих смыслов позитов»*. Тот редкий читатель, который осилит текст до этого места, будет несказанно удивлен: что такое «позит»? Ни один словарь, ни один справочник ответа на этот вопрос не дает. Ну, нет в них такого слова, и все тут. Тогда попробуем выяснить смысл из контекста. Находим еще одно высказывание, содержащее слово «позит». Вот оно: *«Появление идеологем применительно к городу связано с трудовым подвигом его строителей. Активно популяризируемый подвиг ложится в основу властных позитов государства и определяет формы управления городом»* (с. 258). Итак, получаем в итоге, что 1) у позита есть смысл, 2) позитами владеет государство. Понятно, что ничего не понятно. Естественным образом возникает вопрос: а без «позита» как-нибудь можно обойтись? Ведь обходятся же другие авторы, которые пишут на те же темы. Правда, у них и с орфографией все в порядке, и с пунктуацией, да и со стилистикой и грамматикой тоже.

Но на «локале» и «позите» словесные сюрпризы не закончились.

Нас ждет еще «иллокуция». Цитируем текст на с. 229 Д2: *«Важно, что эти формы приходят из метрополии (точки*

отсчета освоения пространства) именно иллокутивно, т. е. население осваиваемого пространства только воспроизводит эти указания, не вдаваясь в смысл указаний метрополи». На с. 230 содержится следующая сентенция: «Важен принцип включения осваиваемого пространства в единую коммуникативную сеть государства. Как следствие – формирование общих коммуникативных отношений, в которых были бы возможны иллокуции между дальневосточным регионом и центральной частью России». Что такое иллокуция? Заглядываем в справочную литературу. В «Оксфордском толковом словаре по психологии» находим следующую статью: «Речевой акт. Способ выражения речью того, что человек намерен с помощью слова сообщить, сделать так, чтобы что-то совершилось, или так, чтобы кто-то что-то совершил. Распространенными речевыми актами являются: коммисивы, декларативы, директивы, экспрессивы и репрезентативы, см. подробнее каждый из этих терминов. Изучение речевого акта обычно осматривается как часть большей области – прагматики. Синоним – иллокутивный акт»⁴⁰. Находим еще одно относящееся к делу суждение: «Иллокуция – это действие при помощи говорения: вопрос, побуждение (приказ или просьба) и утверждение. Перлокуция – это действие, которым говорящий пытается осуществить некоторое воздействие на слушающего: «льстить», «удивлять», «уговаривать» и т. д. *Речевой акт* можно определить как минимальную осмысленную (или целесообразную) единицу речевого поведения. Каждый речевой акт состоит из локутивного, иллокутивного и перлокутивного акта»⁴¹.

Итак, мы выяснили, что иллокуция – аспект *любого* речевого акта. В таком случае забота о том, чтобы она была возможна во взаимоотношениях периферии и центра, выглядит излишней. Иллокуция неизбежна.

Зададимся вопросом: а зачем вообще нужно было привлекать все эти филологические материи к изложению социологического материала? Они что-нибудь добавляют к существу дела?

Если вы думаете, что это всё, то ошибаетесь. Напоследок автор выстреливает в читателя термином «нодальный». На с. 276 мы имеем возможность прочитать следующее: «Фо-

---

⁴⁰ Режим доступа: vocabulary.ru/dictionary/487/word/ИЛЛОКУТИВНЫЙ+АКТ

⁴¹ Режим доступа: http://www.mari-el.ru/mmlab/home/AI/2_3/

кус опоясан транспортной сетью, он является узловым (нодальным) транспортным центром, что и приводит к созданию вокруг него «вихревых потоков» населения то уезжающих, то возвращающихся на данную территорию». Неуклонно следуя своему правилу «ни фразы без ошибки», автор приписал вихревым потокам свойство уезжать. Не поставил он также запятую после слова «население». Однако в данном случае не это главное. Что такое «нодальный» – вот в чем вопрос. Делаем соответствующий запрос. В «Википедии» имеется статья «нодальная точка». Читаем: «Нодальная точка – точка пересечения оси объектива и его главной плоскости»⁴². «Большой медицинский словарь» указывает на такое значение: «Нодальный (nodalis; лат. nodus узел) относящийся к узлу, напр. лимфатическому»⁴³. Теперь перечитаем фразу снова и зададим себе вопрос: а с какой стати автор использовал в своем тексте термин, применяемый в оптике и медицине? Что это слово прибавляет к смыслу сказанного? Да, к смыслу – ничего, но зато дает читателю еще раз ощутить свое невежество и восхититься глубиной познаний Г.Э. Говорухина.

Зачем автор стремится прикрыть свое безнадежное косноязычие фальшивыми цветами экзотических терминов, нам понятно. Непонятно другое: почему он по-русски пишет, как иностранец? Ответ на этот нелегкий вопрос нам удалось найти, когда мы заглянули в список литературы. Там мы нашли 29 источников на иностранных языках! И не каких-нибудь мелких заметок и статей, а в основном солидных монографий. Для провинциального автора – блестящее достижение. Судя по списку освоенной литературы, автор свободно владеет английским, французским, немецким и итальянским языками. Так вот чем объясняется «особая специфика» его стиля! Постоянно упражняясь в иностранных языках, он не имел досуга толком овладеть русским. И потому пишет на не известном остальному миру говорухинском языке, который с трудом поддается переводу.

Но ведь переводить-то как-то надо! Попробуем предложить свою версию. Если наша интерпретация покажется кому-то неверной, заранее приносим извинения: говорухински-русского словаря пока еще не создано, грамматика никому не известна, приходится полагаться на интуицию.

---

⁴² Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Нодальная_точка

⁴³ Режим доступа: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/20453/Нодальный

II.2. Д1: Глава 1

Первый параграф начинается с констатации той малоизвестной истины, что существует множество определенных власти. В качестве примеров называются концепции В.Г. Ледяева, Р. Эмерсона, М. Вебера. «*В результате, – пишет Г.Э. Говорухин на своем неподражаемом языке, – понимание власти и властных отношений оказывается через меру употребимым и мало применимым для исследовании эмпирических данных*» (с. 13). Через какую меру это понятие «употребимо», не поясняется. Трудно понять также, почему многозначность понятия власти мешает исследованию эмпирических данных.

Далее следует такой пассаж: «...*Нельзя не признать тот факт, что существует единая междисциплинарная формулировка понятия власти, которая может быть сведена к схеме субъект-объектных отношений. Власть определяется как система отношений двух сторон: субъекта, осуществляющего властные взаимодействия, и объекта, по отношению к которому применяются властные воздействия*» (с. 13–14). Что-то подобное нам уже приходилось читать. Открываем учебник политологии. Находим следующие слова: «Власть – это «вероятность того, что один актер в рамках социальных отношений окажется в состоянии реализовать собственную волю вопреки сопротивлению» (М. Вебер)⁴⁴. Разница, конечно, есть. В учебнике мысль изложена коротко и ясно, у Г.Э. Говорухина, как обычно, многословно и коряво. Продолжим чтение монографии. Далее автор пишет: «*Субъект обладает властью над объектом в той мере, в какой он может заставить его делать то, что он сделал бы иным образом*» (с. 14). И эта мысль нам уже встречалась. Открываем тот же учебник и находим следующую фразу: «Субъект А обладает властью над субъектом В той мере, в какой он может заставить В делать то, что В сделал бы другим образом» (Р. Даль)⁴⁵.

Затем мы имеем удовольствие ознакомиться с суждением, смысл которого нелегко понять: «*Каузальные критерии власти, в настоящем рассмотрении, персонифицированы*

⁴⁴ Тургаев А.С., Хренов А.Е. Политология: ответы на экзаменационные билеты. Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/aleksandr_turgaev/politologiya_otvetiy_na_yekzamenacionniye_biletiiy/read_online.htm l?page=1

⁴⁵ Там же.

с личностными мотивами акторов субъект-объектных отношений властного пространства» (с. 14). В данном пассаже автор в очередной раз проявил излишнюю щедрость по части запятых, употребил, как водится, не то слово («рассмотрение» вместо «исследование»), к таким вещам мы уже привыкли. Озадачивает другое: что такое каузальные критерии? Чем критерии каузальные отличаются от простых, с какими нам приходилось иметь дело. И что означает выражение «персонифицировать что-то с чем-то»? В «Википедии» написано следующее: **«Персонифика́ция** (от лат. *persona* «лицо», лат. *facio* — «делаю») — представление природных явлений, человеческих свойств, отвлечённых понятий в образе человека. Распространена в мифологии, сказках, притчах, художественной литературе»⁴⁶. Вот другое определение понятия персонификации: «Процесс действия по знач. несов. глаг.: персонифицировать. 2. Поэтический прием, состоящий в наделении неодушевленных предметов свойствами одушевленных существ...» (Современный толковый словарь русского языка Ефремовой⁴⁷). Как видим, в говорухинском языке слово «персонификация» означает совсем не то, что в русском.

Тем не менее, автор уверен в том, что он сумел найти верный ключ к решению задачи. *«Вне всякого сомнения, – пишет Г.Э. Говорухин, – принимаемая формулировка позволяет очертить горизонты употребления понятия власти и определить контуры политического пространства этого явления, что в свою очередь помогает оформиться позиции исследователя»* (с. 14). На этот раз автор запятые решил сэкономить, не выделив вводный оборот «в свою очередь». Добавил к букету пространств, и без того роскошному, еще и политическое пространство.

Что ж, посмотрим, как ему удалось «персонифицировать критерии с мотивами».

С нетерпением ждем продолжения. Вот оно: *«Согласно предложенной формулировке, можно вывести несколько наиболее существенных значений понятия власти: 1) способность, право, а так же возможность различных лиц, органов, учреждений распоряжаться кем-либо, чем-либо; оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность людей, их общностей и институ-*

---

⁴⁶ Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Персонификация

⁴⁷ Режим доступа: dic.academic.ru/dic.nsf/business/9814

тов с помощью различных средств – права, авторитета, воли, принуждения, что признается реляционистскими концепциями власти, заявленными в теориях «сопротивления» (Д. Катрайт, Дж. Френч, Б. Рейвен); «обмена ресурсами» (П. Блау, Д. Диксон, К. Хайнц), «раздела зон влияния» (Д. Ронг); <...> 2) государственное, политическое, общественное, экономическое и иное господство над людьми, вытекающее также из реляционистской концепции власти; 3) система соответствующих государственных или иных управленческих органов, принадлежащая общеполитическому дискурсу; 4) учреждения, органы, лица, облеченные определенными властными и иными полномочиями, производное из веберовской концепции власти; 5) форма абсолютистского единоличного распоряжения судьбами и жизнями многих людей монархом, полководцем и т.д., концепция особого типа поведения во многом выраженного в бихевиористской теории власти (Ч. Мерриам, Г. Лассуэлла, Дж. Кетлина и др.); 6) всеобщее господство, преобладающее влияние, способность подчинять себе, распространенное в жизни в целом, живой природе как принцип всеобщего закона природы (с. 15). Такое длинное предложение – и всего лишь три ошибки и две описки⁴⁸.

Если заглянуть в учебник по политологии, мы увидим в нем фактически ту же классификацию концепций.

Вот цитата из одного учебного издания.

«РЕЛЯЦИОНИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ»

Слово происходит от англ. relation отношение. Характеризуют власть как отношение между двумя субъектами, при котором один из них оказывает определяющее влияние на другого. Можно выделить три основных варианта теорий реляционной интерпретации Власти: теории “сопротивления”, “обмена ресурсами” и “раздела зон влияния”.

В теориях «сопротивления» исследуются такие властные отношения, в которых субъект власти подавляет сопротивление ее объекта. Разрабатываются классификации различных степеней и форм сопротивления.

Момент сопротивления объекта властных отношений отмечает в своем определении М. Вебер:

---

⁴⁸ Ошибки: «так же» вместо «также», пропущен предлог *к* после слова «принадлежащая», не выделен причастный оборот «во многом выраженного в бихевиористской теории власти». Описки: «полководцем» и «Катрайт» (вместо Картрайт).

Власть это «любая возможность проводить внутри данных общественных отношений собственную волю, даже вопреки сопротивлению, вне зависимости от того, на чем такая возможность основывается».

В *теориях «обмена ресурсами»* внимание акцентируется на ситуациях неравного распределения ресурсов между участниками социального отношения. В этом случае индивиды, располагающие «дефицитными ресурсами», могут трансформировать их излишки во Власть, уступая часть ресурсов тем, кто их лишен, в обмен на желаемое поведение.

Теории «раздела зон влияния» предлагают при оценке природы существующих отношений Власти принимать во внимание не каждое действие в отдельности, а рассматривать их в совокупности. Подчеркивается момент изменчивости ролей участников взаимодействия. Если в одной ситуации Властью обладает один индивид по отношению к другому, то с трансформацией сферы влияния позиции участников меняются.

В рамках реляционистских концепций можно рассмотреть *бихевиориалистский* подход к власти. Он также трактует власть как несимметричные отношения между людьми, но при этом акцентирует внимание на мотивах поведения людей в борьбе за Власть. Стремление к власти считается доминирующей чертой человеческой психики, следовательно, определяющей формой политической активности человека. В частности, Г. Лассуэл⁴⁹ определяет власть следующим образом:

«А имеет власть над В в отношении ценностей К, если А участвует в принятии решений, влияющих на политику В, связанную с ценностями К».

Г. Лассуэл считает, что первоначальные импульсы для возникновения Власти дает присущее индивидам стремление (воля) к власти и обладание «политической энергией». Человек видит во власти средство улучшения жизни, приобретения богатства, престижа, свободы, безопасности и т.д. В то же время власть это и самоцель»⁵⁰.

Таким образом, «персонификация критериев с мотивами» привела к тому, что автор воспроизвел общеизвестные истины из учебников по политологии. Констатируем: эвристическая эффективность такой «персонификации» оказалась им несколько преувеличенной.

---

⁴⁹ Здесь это имя написано почему-то с одним «л» на конце. Явная опечатка.

⁵⁰ http://www.nscs.ru/docs/Vlast_WEB1.htm

Что же дальше? А далее делается вывод о том, что «*смысл властных процессов оказывается по-прежнему размытым*» (с. 16). В переводе на русский это означает: «Общепринятого понимания власти до сих пор не выработано». Но ведь тремя страницами ранее автор утверждал, что «*существует единая междисциплинарная формулировка понятия власти*». Если она существует, то «смысл процессов» не так уж и размыт. Если он действительно размыт, тогда такой формулировки не может быть.

У автора серьезные проблемы с логикой. Впрочем, для нас это не новость.

Следующая фраза: «*Абстрактность формулировки выводит понимание власти за пределы объективной закономерности, определяя только дискурсивное пространство властного семиозиса, но не социокультурную реальность*» (с. 16). Из текста невозможно понять, о какой формулировке идет речь. Если не известно, что это за формулировка, то мы не можем ничего сказать о том, в чем состоит ее абстрактность. Что такое властный семиозис? Что такое дискурсивное пространство властного семиозиса? Почему это пространство противостоит социокультурной реальности? Темна вода...

На всякий случай заглядываем в словарь: «**СЕМИОЗИС** (греч. *sema* — знак) – термин, принятый в семиотике; обозначает «процесс интерпретации знака», или процесс порождения значения»⁵¹.

Ну и какое же отношение имеет этот термин к проблеме власти? И с какого боку тут приплетена объективная закономерность? Что из нее «выводится» – сама власть или ее понимание? Автор хоть сам-то понимает, что он написал?

Вот очередной перл на той же странице: «*Формулировки понятия власти, предлагаемые на протяжении всей истории человечества, направлены на поиск различных подходов к самому определению понятия*» (В.В. Мшвениерадзе, 1989). Страницы не указаны, проверить цитату невозможно, но мы твердо уверены в том, что В.В. Мшвениерадзе такого не писал. Только Г.Э. Говорухин мог сказать, что «формулировки понятия направлены на поиск подходов к определению понятия».

Подобные перлы встречаются практически в каждой фразе, и если мы будем разбирать все ляпы, нам придется написать труд, превосходящий объемом диалогию. Пропустим

---

⁵¹ Режим доступа: www.countries.ru/library/semiotic/semiosis.htm

несколько фраз. Вот следующее достойное внимание высказывание:

«Отсюда рассматривая вопросы структуры власти в конкретном регионе страны, как объект исследования, понимая под властью политическую и экономическую форму воздействия субъекта на объект, мы не вправе претендовать на категориальный абсолютизм, воссоздавая универсальные критерии системы властного управления» (с. 17).

Всего лишь пять ошибок: 1) пропущена запятая после «отсюда», 2) поставлена лишняя запятая перед «как», 3) употреблен нелепый оборот «вопросы как объект исследования», 4) нагромождение деепричастий: рассматривая, понимая, воссоздавая, 5) использован плеоназм «властное управление».

Что такое «категориальный абсолютизм», сказать трудно. Рабочий перевод фразы на русский язык: «Предметом нашего интереса является функционирование власти на региональном уровне, поэтому мы не станем углубляться в проблему универсального определения власти».

Следующая фраза: *«Наша задача сводится к определению и обоснованию наиболее существенных факторов влияющих на структуру властного управления региона и, как следствие, освещение наиболее жизненно необходимых форм власти региона»* (там же).

Три ошибки: 1) не выделен причастный оборот, 2) употреблен тот же плеоназм, 3) слово «освещение» поставлено в именительном падеже, а нужно в дательном: «освещению».

Смысл первой половины фразы ясен: задача автора – анализ факторов, оказывающих влияние на принятие управленческих решений на региональном уровне. Что касается «наиболее жизненно необходимых форм власти региона», то это словосочетание мы не сумели перевести.

На этом первый параграф закончился. Читатель пребывает в недоумении: зачем нужно было столь занудно толковать о «европейском дискурсе власти», если задачи автора лежат в другой плоскости?

Следующий параграф «Сакральность власти. Принципы становления властного дискурса» начинается с изложения политического учения Платона. Мы избавим читателя от сомнительного удовольствия читать суждения Г.Э. Говорухина о вопросе, который тысячекратно освещен в литературе – как научной, так и учебной. Потом наступает черед концепции Аристотеля. И ее мы пропустим. Следующий на очереди – Августин Блаженный – тоже не самый забытый

автор. Правда, из него приводится только одна цитата, зато высказывается сентенция, звучащая еще более таинственно, чем те, с которыми мы уже познакомились.

С. 21: *«В античной традиции и традиции раннего средневековья осуществляется жесткое позиционирование понятия и дискурса власти, которые приобретают форму категорического императива в объективном подчинении мировым (в том числе физическим) законам»*. Что ж, попытаемся расшифровать. Итак, есть понятие власти, а есть дискурс власти, т. е. рассуждение о власти. И с тем, и с другим «осуществляется жесткое позиционирование». Что такое позиционирование, не говорится. Автор явно переоценивает интеллект своих читателей. Понятие власти и дискурс власти приобретают форму категорического императива. Не объясняется, правда, они приобретают эту форму до «позиционирования» или после него. Категорический императив – создание Канта, который жил в 1724–1804 гг., т. е. через 14 веков после Августина Блаженного (354–430 гг.). Каким образом понятие и дискурс власти могли приобрести форму категорического императива, которого тогда не существовало? Эти две сущности («понятие власти» и «дискурс власти») попадают в «объективное подчинение мировым (в том числе и физическим) законам». Кто бы смог нам объяснить, как *понятие* может быть подчинено *физическим* законам. Оно обладает массой? Имеет длину и ширину? Тогда возникает закономерный вопрос: «Почем килограмм понятия власти?»

Далее Г.Э. Говорухин радуется нас такой сентенцией: *«Только будучи наделенным божественными функциями⁵² можно было бы претендовать на власть над людьми»* (там же).

Не объяснено, что значит «божественные функции». Что такое «божественная красота», мы понимаем. А вот что такое божественные функции?

В общем-то понятно, что Г.Э. Говорухин хочет сказать: в древности правитель опирался не на свой личный авторитет, а на авторитет бога (богов). До публикации диалогии этого, конечно, никто не знал.

Далее идет вставная новелла о природе власти русских царей, которая *«обладала некоторыми признаками сакральности»* (с. 22). Затем следуют общие рассуждения о сущности власти в Средние века. Отмечается, что правители опирались на авторитет не только христианского бога,

---

⁵² Запятая пропущена не нами.

но и дохристианских языческих божеств. На говорухинском языке эта мысль выражена так: *«Принцип средневековой сакральности власти не несет под собой только христианские мотивы»* (с. 23).

Затем автор касается темы юридического оформления права на власть. Как всегда многословно, косноязычно и путано, перескакивая с одной темы на другую, Г.Э. Говорухин на протяжении целых восьми страниц, т. е. до самого конца второго параграфа, рассуждает о разных аспектах проблемы соотношения власти и закона. Конечно, на читателя изливается бурный поток имен и цитат, долженствующих засвидетельствовать обширную эрудицию автора. Но мы, правда, так и остаемся в неведении о том, каковы принципы становления властного дискурса. Ни одного принципа не названо. (Впрочем, не сказано и о том, что же такое властный дискурс.)

Третий параграф автор посвятил «бюрократизации европейской системы власти».

Начинается он так: *«Помимо сакральной власти короля в эпоху средневековья формируется власть бюрократического аппарата, работа которого равносильна обладанию властью»* (с. 31). «Работа равносильна обладанию» – столь смачной речи позавидовал бы и Бенья Крик. Дальнейший ход рассуждений автора таков. В средние века народ верил в то, что некоторые люди связаны с высшими силами. Знаком такой связи была способность совершать чудеса, например, лечить золотуху. Поэтому и во Франции, и в Англии в XI–XII веках монархи обретают репутацию чудотворцев. И эта репутация дает им право на власть. (Вопреки, пишет Г.Э. Говорухин, *«человеческим (так! – Р.Л.) корыстолюбивым планам баронов»* (с. 31).) Позднее условия изменяются, и власть меняет свою природу. В этих новых условиях *«власть состоит в возможности и праве производить определенную работу»* (с. 32). Фактически речь идет вот о чем. Власть реализуется через управление. По мере увеличения населения, усложнения общественной жизни ценность умения лечить золотуху падала. Зато возрастало значение государственного аппарата, который состоит из чиновников. Такое изменение автор именует «бюрократизацией европейской системы власти». Правда, поскольку мысль его постоянно колеблется, как пламя свечи на ветру, он сбивается с изложения этой идеи (здравой самой по себе) на частности, ненужные примеры, побочные сюжеты и т.п. Так, на с. 33, со ссылкой ра-

боту Ж. де Виллардуэна, нам рассказывается об устройстве венецианской административной системы, хотя это не имеет отношения к «бюрократизации власти». В венецианской системе, как явствует из изложения, управление было делом выбранных лиц, каковыми чиновники (бюрократы) не являются по определению. Единственное назначение данной ссылки – показать, что автор знаком с трудами Ж. де Виллардуэна. Далее автор сбивается с темы бюрократизации власти на тему символического пространства. Оно определяется как «*пространство претензий на владение теми или иными атрибутами власти*» (с. 34). Вменяемый человек сказал бы просто «претензии на обладание атрибутами власти». Но Г.Э. Говорухин для каждого отдельного случая изобретает новое пространство. На этот раз он измыслил «пространство претензий». Умение лечить золотуху с которых пор перестало в этом пространстве котироваться, зато возросло значение таких качеств, как справедливость и мягкосердечие. Теперь короли обосновывают свои претензии на власть, демонстрируя как раз эти качества. А жестоковыйный и несправедливый правитель теряет моральное право на власть. О том, теряет ли правитель при этом саму власть, Г.Э. Говорухин не посчитал нужным нам поведать.

Далее Г.Э. Говорухин сообщает нам о том, что «*именно символическое⁵³ или смысловое пространство власти определяет коридор применения этой власти*» (с. 35). «Коридор применения власти» заключается вот в чем: отныне «*Законной Властью понимается то, что символически принимается социальным большинством*» (с. 35–36). Стиль аляповат, но мысль понятна. Надо полагать, что до «бюрократизации власти» ничего подобного человечеству не было известно.

Положение вещей, при котором легитимность власти обеспечивается тем, что ее принимает большинство населения, Г.Э. Говорухин оценивает как «социальный курьез» (с. 36). На него, если верить автору, обратил внимание Н. Элиас, предложивший схему «*обратно пропорциональной монополизации власти*» (там же). Эта самая «обратно пропорциональная монополизация» заключается в росте зависимости правителя от государственного аппарата. Итак, в чем состоит курьез, нам понятно. А что же в таком случае норма? В следующем абзаце вроде бы должен содержаться ответ на этот вопрос, но разъяснения, увы, нет.

---

⁵³ Запятая пропущена не нами.

Чтобы не быть голословным, процитируем соответствующие высказывания: *«Монополия на власть в эпоху древности и в период средневековья, таким образом, свидетельствует о недостаточном контроле этой властью больших групп людей»*⁵⁴ (с. 36). Но монополия (в данном контексте) по определению – бесконтрольная власть. Каким образом бесконтрольную власть может свидетельствовать о недостаточном контроле, является очередной тайной Г.Э. Говорухина. *«Такая власть устанавливает институциональные правила между амбивалентными группами дифференцированного общества»* (там же). Что такое «амбивалентные группы общества»? У нас есть подозрение, что автор, подобно браво-му солдату Швейку, снова употребил незнакомое иностранное слово. Заглядываем в «Википедию»: **«Амбивалентность** (от лат. *ambo* — «оба» и лат. *valentia* — «сила») — двойственность отношения к чему-либо, в особенности двойственность переживания, выражающаяся в том, что один объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства. Термин введен Эйгеном Блейлером. По его мнению, амбивалентность — основной критерий шизофрении»⁵⁵. Наше подозрение подтвердилось. Никаких «двойственных» групп населения не существует.

Далее следует такой пассаж: *«Социализация власти, т. е. наделение властными функциями некоторых ее представителей, осуществляется тогда, когда снимается напряжение между политическими группами и усиливается контроль над большей частью общества. Дифференциация власти, или ее социализация, может возникнуть только в условиях возникновения денежных поощрений и отмены практики наделения за службу землей, в результате чего вновь усиливалась независимость, и, как следствие, амбивалентность политических групп государства»* (с. 37). Без ошибок, конечно, не обошлось. Запятая после слова «независимость» не нужна, выражение «возникнуть в условиях возникновения» – типичный говорухинизм. Вдумаемся в смысл. В первой фразе вводится понятие «социализация власти». Оно определяется как «наделение властными функциями некоторых представителей власти». Но ведь представители власти обладают ею по определению. Затем нам предлагают считать, что дифференциация власти – это и

---

⁵⁴ Правильно: «контроль над большими группами людей».

⁵⁵ Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Амбивалентность

есть ее социализация. Вот и попробуйте понять, что же такое социализация власти. Попробуйте также разобраться, что такое «политические группы государства», в чем состоит их «амбивалентность» и от кого у них «вновь» усиливается независимость.

Идем дальше: *«Предложенная Н. Элиасом схема позволяет понять формы политического маркирования горизонтов власти, но не раскрывает механизмы ее эпистемологического формирования»* (там же). Что такое горизонт власти? В чем состоит «политическое маркирование» этих горизонтов? И каков смысл понятия «эпистемологическое формирование»? Заглянем по обычаю в словарь, чтобы узнать смысл слова «эпистемологический».

«Гносеоло́гия (от др.-греч. γνῶσις — «знание» и λόγος — «учение, наука»); **эпистемоло́гия** (от др.-греч. ἐπιστήμη, «знание» и λόγος — «слово, учение») — теория познания, раздел философии.

Термин «гносеология» был введён и активно применялся в немецкой философии XVIII века; «эпистемология» был введён и активно применялся в англо-американской философии XX в. В русской философии в XIX и 1-й половины XX в. преобладал первый термин, а со 2-й половины XX в. начал преобладать и сейчас преобладает второй. Термин «эпистемология» более узкий, чем «гносеология», эпистемология рассматривает строго научное познание⁵⁶. Итак, эпистемологический – это теоретико-познавательный. Таким образом, Г.Э. Говорухин толкует о каком-то механизме теоретико-познавательного формирования власти. Ничуть не удивительно, что схема Н. Элиаса не раскрывает эти механизмы. Ни один теоретик не в состоянии проанализировать механизмы того, чего не существует в природе.

Так же как ни один мудрец не сможет объяснить, что такое *«домениарное управление»*, о котором пишет Г.Э. Говорухин все на той же 37-ой странице. Слова «домениарный» нет ни в одном словаре.

Далее идет ссылка на работу Ле Гоффа, что в очередной раз показывает читателю, насколько основательно полученное автором образование. Страница 37 интересна также тем, что Г.Э. Говорухин вводит в оборот еще одно пространство – на этот раз *«эпистемологическое пространство формирования власти»*. Если попытаться перевести выражение

---

⁵⁶ Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Гносеология

«единое эпистемологическое пространство формирования власти» с говорухинского на русский, то получится вот что: «В феодальном обществе каждое сословие выполняло определенную функцию. Власть принадлежала феодалам, они же управляли обществом». Чрезвычайно глубокое наблюдение.

«...Такая традиционная модель управления даже не будирует мысль правящего заручаться поддержкой управляемыми» – продолжает златоуст на с. 38. Но это, конечно, не единственный перл на указанной странице. Далее мы находим «*верховный пост*», «*с точки зрения пристального рассмотрения*» и под конец вот такой шедевр: «*Изменение понимания роли власти приводит к тому, что с течением времени понимание привычных ее институтов становится, что называется, непривычным*». Извините, мы поторопились: в самом конце есть еще «*смысловой дрейф властного явления*».

Затем автор, отвлекшись от темы эволюции власти, вновь возвращается к истории политических учений, которая была оставлена, как мы помним, на Августине Блаженном. Теперь речь зашла о Т. Гоббсе. Г.Э. Говорухин приводит несколько цитат из Гоббса, дабы могли убедиться в том, что великий мыслитель на его стороне.

Утверждается, что в эпоху «бюрократизации власти» возникает институт профессиональных чиновников, который (будто бы) принципиально отличается от аналогичного института в Древнем мире⁵⁷. Такой же слой чиновников возник и в церкви. О «*религиозных чиновниках*» автор рассуждает на с. 41, 42, 43 и 44. В конце страницы 44 он открывает «*объединение двух ветвей власти – светской и религиозной*». Непродвинутое человечество привыкло думать, что понятие «ветвь власти» применимо («употребимо», на говорухинском сленге) лишь к исполнительной, законодательной и судебной власти. Г.Э. Говорухин и здесь впереди планеты всей. Кроме того, само это объединение – плод его фантазии.

---

⁵⁷ «*Существующий в древности, как бы мы сейчас назвали, класс управленцев, чаще всего представлял собой институт париев, который был исключен из системы политического воспроизводства*» – пишет Г.Э. Говорухин на с. 40. Запятые расставлены неправильно, но в целом мысль понятна. Из дальнейших рассуждений становится ясно, что речь идет о евнухах. Но парии – это отверженные. Евнухи же в силу обладания ими властью и собственностью таковыми не являлись. Да, они были исключены из системы воспроизводства, но отнюдь не политического, а демографического.

Ни в Западной, ни в Восточной Европе церковная иерархия не слилась с государственным аппаратом⁵⁸. Это мифическое объединение *«приводит к осознанию алгоритма действия власти, как института коллегиального и деперсонифицированного»* (с. 44). Сравнения здесь нет, запятая перед «как» не нужна. Деперсонификацию⁵⁹ он спутал с деперсонализацией (обезличиванием), что нас давно уже не удивляет. Удивляет другое: с каких это пор власть стала институтом обезличенным? На всех этажах бюрократической пирамиды функции распределены между конкретными исполнителями. Иначе этот аппарат просто не может функционировать. Далее автор заводит речь об условиях формирования бюрократического аппарата и «класса чиновников». Они таковы: 1) *наличие денежной, а не земельной формы оплаты труда* (с. 45); 2) *ориентация не на преданность, а на компетентность* (с. 46); 3) *создание системы воспроизводства чиновников в процессе образования*⁶⁰ (там же); 4) *смена системы наследования системой назначения* (с. 47).

Довольно интересно, но возникает вопрос: а какое это отношение имеет к заявленной теме? Работа озаглавлена «Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона». Каким образом обсуждение вопроса о становлении бюрократического аппарата в Средние века может способствовать более глубокому пониманию «символического освоения пространства» в современной России? Тем более что все изложение строится на западноевропейском материале, а отечественные исследования даже не упоминаются.

На этом Г.Э. Говорухин оставляет тему бюрократизации власти и переходит к теме ее капитализации. Капитализацию он понимает не так, как остальное человечество, а как влияние капитализма на власть. Недаром во втором издании монографии название параграфа было изменено. Редактор дал параграфу заголовок, который не колет глаз: «Система власти в эпоху развития капитализма».

Начинается параграф так: *«Сложившиеся к XVII веку исторические условия политической и административной*

---

⁵⁸ Хотя в отдельных случаях церковь непосредственно подчинялась государству. Например, в России в результате реформ Петра I.

⁵⁹ Персонификация – олицетворение. А что такое деперсонификация?

⁶⁰ Автор, по-видимому, считает, что воспроизводство чиновников происходит каким-то иным образом, чем воспроизводство других людей.

системы управления предопределяют форму понятийного определения власти» (с. 48). Итак, «условия системы» «предопределяют форму определения». Правда, не простого определения, а понятийного. (Выражение «понятийное определение» – плеоназм, но нам к этому не привыкать⁶¹. Тем более что на той же странице автор порадовал читателя «концептуальным пониманием».)

Ознакомимся с описанием «условий системы». Это невозможно пересказать, придется цитировать. *«В легальной практике управления времен сакрализации власти нет официального понимания того, что те, кем управляют или над кем властвуют, могут быть с этим не согласны. Они вообще лишены этого права согласия по слабости человеческой природы. Другое дело в системе бюрократического государства. Чиновник, в социальном смысле, это равный нам всем человек, он лишь волей судеб наделен правом управления. Его задача – постоянно показывать, что он действительно имеет право на такое управление. Именно по этой причине ему необходимо понимание того, что его готовы принять и оценить те, кем он управляет. Именно такую сентенцию, окончательно закрепившуюся в социальной практике к XVII веку, фиксирует Т. Гоббс»* (с. 48). Слово «сентенция» здесь употреблено невпопад, стиль, как всегда, тяжеловесен и аляповат, но не станем на этом останавливаться. Читаем дальше: *«Каузальная практика власти, отмечаемая Т. Гоббсом, также свидетельствует о сращивании чиновника с государством, а уже через него⁶², с подданными этого государства»* (с. 48). Итак, чиновник сращивается с подданными государства. Интересно было бы посмотреть, как это выглядит на «каузальной практике». Кстати, что такое каузальная практика? Вводим запрос в справочную систему. **«Каузальность** (лат. *causalis*) – т. е. причинность; причинная взаимообусловленность событий во времени. Детерминация, при которой при воздействии одного объекта (причина), происходит соответствующее ожидаемое изменение другого предмета, объекта (следствие). Одна из форм отношения, характеризующаяся генетичностью, необходимостью»⁶³. По-

---

⁶¹ Определение – логическая операция раскрытия содержания понятия или значения термина. (Гетманова А.Д. Логика: Учебник для педагогических учебных заведений. – 6-е изд.. – М.: ИКФ Омега-Л; Высшая школа, 2002. – С. 35.)

⁶² Запятую здесь ставить нельзя. Интонационное тире – можно.

⁶³ Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Каузальность

лучается, таким образом, что «каузальная практика» – это «причинно обусловленная практика». А иная разве существует? Потому-то человечество, о благе которого так заботится Г.Э. Говорухин, довольствуется понятием «практика», не присовокупляя к нему излишний признак каузальности. В общем, третий плеоназм на одной странице.

Свое собственное изобретение автор приписывает Т. Гоббсу. Однако в тексте классического произведения Т. Гоббса «Левиафан» слова «каузальный» нет вообще. Мы это специально проверили по электронному варианту книги.

Читаем дальше: *«Такое сращивание становится звеном огромной цепи капитализации европейской экономики»* (с. 48–49). Итак, существует «огромная цепь капитализации европейской экономики». И «сращивание чиновника с подданными государства» становится звеном этой цепи. Но сращивание – это процесс, а звено – вещь. Как, спрашивается, процесс может стать вещью?

В приблизительном переводе на русский язык все это означает следующее: 1) в условиях капитализма чиновники получают равные юридические права с другими подданными, 2) бюрократический аппарат начинает обеспечивать выполнение государством не только политических, но и экономических функций.

Отсюда автор делает такой вывод: *«В условиях капиталистических отношений властная модель ориентирована не на какую-то отдельную социальную группу, а на «большое общество» в целом»* (с. 49). Перевод: «В условиях капитализма государство теряет свой классовый характер и становится выразителем интересов всего населения». (По существу это, конечно, неверно. Надклассового государства не может быть по определению.) Такое государство, по Г.Э. Говорухину, *«и вся государственная машина в лице его бюрократической системы занимает ту нишу социальных отношений, которая всегда пустовала. Это ниша национального технического развития производства»* (там же). Поэтому «машина в лице системы» начинает вкладывать деньги в промышленность. Вопрос о том, почему сия машина не вкладывала деньги в промышленность, например, Древнего Египта, автор не поднимает. Может быть, потому что там не существовало промышленности? То есть не было «пустующей ниши».

Далее формулируется следующий тезис. При капитализме *«властные отношения из символического ресурса сак-*

ральности переходят в символический ресурс экономики» (с. 50). В переводе на русский это означает: «В докапиталистических общественно-экономических формациях власть рассматривалась как дарованная свыше, государь правил от имени высших сил; в условиях капитализма государство опирается на свою экономическую мощь». Фактически последнее верно лишь отчасти. Правящие классы никогда не отказывались от услужливой помощи церкви, внушающей народу: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»⁶⁴.

Изменение характера власти в эпоху капитализма Г.Э. Говорухин называет «деформацией властной системы» (с. 50). Почему здесь имеет место деформация, а не эволюция, не объясняется. Скорее всего, автор просто не понимает смысла слова «деформация».

Читаем дальше: «Многие представители парламентской бюрократии как части новой властной системы представляли первоначально малоэффективный способ социальной вертикальной мобильности» (с. 51). Итак, «представители представляли способ». (Кстати, что такое «парламентская бюрократия»? Парламентарии – не чиновники, парламент – элемент законодательной власти, а не исполнительной.) Для автора «очевидно», что «*благосостояние чиновника зависит от благосостояния государства. Именно это заставляет чиновника вкладывать средства в развитие национальной экономики*» (там же). Очень интересные суждения, особенно актуально звучащие в современной России, где коррупция превратилась в национальное бедствие.

На с. 52 находим любопытное утверждение: «*Констатация изменений системы управления, отмеченная Т. Гоббсом как каузальная, отмечает лишь две грани системы управления*». Итак, «констатация отмечает». Еще одна языковая находка. Цитируем дальше: «*Это грани, что называется, конструктивные, определяющие конструкт властного взаимодействия между субъектом и объектом власти и фиксирующие сакральность легитимной власти <...>, но есть и другие грани*» (там же). Итак, «конструктивные грани определяют конструкт». Два раза употреблено слово «власть» (наряду с прилагательным «властный»). Дважды встречается слово «грани». Три стилистических недочета

---

⁶⁴ Римл., 13:1.

в одном предложении. Фраза не поддается переводу, потому что никто не знает, что такое «конструкт властного взаимодействия». Затем идет нечто просто запредельное. «Другие грани» – это, оказывается, «сращивание власти и свободы» (там же). Получается, таким образом, что в докапиталистических общественно-экономических формациях власть и свобода существовали раздельно. А вот при капитализме они «срослись». Поскольку власть, как мы помним, в капиталистическом обществе принадлежит чиновникам, они, следовательно, обрели свободу. Все остальное население ее, получается, потеряло. Но ведь нас на странице 48 уверяли, что (в Западной Европе) происходит «сращивание чиновника» и с государством, и с его подданными». Или одно другому не противоречит, и срастается всё: чиновники, государство, подданные, власть, свобода?

Автор спешит нас успокоить: оказывается, такое противоестественное состояние длилось не очень долго и уже после XVIII века «становится рудиментом» (с. 53).

Именно тогда возникает «новая модификация власти», которая «получает отражение в концепции М. Вебера» (там же). Далее следует изложение теории М. Вебера. Она не относится к числу забытых или малоизвестных, о концепции М. Вебера написано в любом учебнике по политологии, и притом без ошибок.

После восемнадцатого века Г.Э. Говорухин сразу перешел к двадцатому. «*Двадцатый век уже четко обозначает, что власть – это не объективная реальность⁶⁵ существующая вне субъективных законов социальных отношений*» (с. 55). Каковы эти законы, не сообщается. Почему эти законы вступили в силу только в XX веке, а до того никак себя не проявляли, не говорятся.

Затем автор пишет: «*Власть, как и принцип ее исследования, начинает меняться. Одним из критериев такого изменения становится условие рационализации общественной жизни, как это четко определяет Даниил Белл*» (там же). Американцу Дэниелу Беллу автор почему-то дал имя Даниил, условие получило статус критерия⁶⁶. Пожалуй, эта фраза больше ничем не примечательна. Идем дальше: «*Формы рационализации общественной жизни констатируются*

---

⁶⁵ Запятая пропущена не нами.

⁶⁶ Нужно было написать: «Одним из признаков такого изменения стала рационализация общественной жизни»

еще в кантонианскую эпоху. Однако состояние этого рационализма, а главное, распространение его в системе властных отношений осуществляется лишь к концу XIX века. И только к середине XX века рационализм становится неотъемлемой частью социальных отношений» (там же). Ничтоже сумняшеся, Г.Э. Говорухин заменил понятие «рациональность» понятием «рационализм» и приписал этому последнему свойство быть частью общественных отношений, употребил два канцелярских оборота («состояние осуществляется» и «распространение осуществляется»). Четыре ляпа в одной фразе – далеко не рекорд. Так что же понимается под рационализмом как «частью общественных отношений»? А то, что в XX веке ключевым фактором социального прогресса становится производство знаний, в результате чего роль работников науки и техники в обществе усиливается. Данное изменение находит свое отражение в технократических концепциях власти, в частности, в концепции Т. Веблена. В противовес технократизму постмодернизм объявляет власть фикцией, «симулякром» (Ж. Бодрийяр). Об этом говорится на страницах 56 и 57, только, конечно, по-говорухински, а не по-русски.

На с. 58 приводится никак не названная таблица, взятая из статьи В.Ф. Халипова⁶⁷. (Конечно, с опiskeй, как же без нее?). В связи с книгой Д. Белла говорится, что развитие постиндустриального общества *«может констатироваться как результат кардинального изменения социальной структуры общества»* (с. 59). На наш взгляд, «может констатироваться» тот факт, что Г.Э. Говорухин перепутал причину и следствие. Развитие общества – причина изменения социальной структуры, а не наоборот. Так, индустриализация привела к раскрестьяниванию, а не раскрестьянивание стало причиной индустриализации.

Упомянув марксистскую концепцию классов, автор характеризует подход к типологии власти, свойственный «Даниилу» Беллу (с. 60). Приводится соответствующая таблица (там же). Г.Э. Говорухин усмотрел сходство («смысловые оттенки идентичности») между концепцией Д. Белла и теорией В. Зомбарта. В чем эти «оттенки» состоят, нам понять не удалось. Заключительный абзац параграфа дешифруется без

---

⁶⁷ Во втором издании монографии таблица получила название «Изменение принципов пополнения властных структур в различные периоды времени» (с. 58). Описка исправлена.

особого труда. Речь идет вот о чем: в XX веке карьера чиновника оказывается вполне надежным путем обретения высокого социального статуса и материального достатка. Но для успешной карьеры необходима соответствующая профессиональная подготовка. Автор упоминает в этой связи работу М. Вебера «Хозяйство и общество», но забывает сделать соответствующую ссылку. Нет данной работы и в библиографическом списке.

Так завершается повествование о «капитализации бюрократической системы власти».

Пятый параграф «Современность и кратологический дискурс в XX веке» посвящен уже не столько развитию политических (в терминологии Г.Э. Говорухина – властных) отношений, сколько самим политическим теориям («кратологическому дискурсу»). Основной источник знаний Г.Э. Говорухина по этому вопросу – труды В.Г. Ледяева. Автор называет немало имен: Г. Лассуэлл, Э. Кэплэн, Р. Бершtedт, Х. Саймон, Д. Картрайт, Р. Даль, Дж. Марч, С. Льюкс, Э. Гидденс, Х. Арендт. Говорится об определенной схеме классификации политологических теорий. Дж. Скотт предложил разделить концепции власти на «секционные (групповые)» и «несекционные». Это предложение было принято В.Г. Ледяевым, а Г.Э. Говорухин последовал его примеру.

«Основанием для первой концепции (секционной – Р.Л.) является идея власти как управления» (с. 62). «Дискурсивным разломом двух концепций, – заявляет автор, – является отношение к проблеме конфликта в системе власти» (там же). Читатель, естественно, заинтригован: а каково основание второй концепции? В чем конкретно состоит «дискурсивный разлом»? Одолеваем страницы 64, 65, 66, 67, 68 – никаких сведений о ней не находим. На с. 69 сообщается о том, что в 60–70-е годы XX века формируется новое направление в социально-политических науках – бихевиоризм. Но оно тоже «принадлежит секционной концепции власти». (Автор не в первый раз⁶⁸ пропустил предлог *к*, потому что не понимает разницы между выражениями «принадлежать к чему-то» и «принадлежать кому-то».) Кроме того, существует еще теория обмена. В рамках этого направления выделяются «теория рационального выбора» и «социальная психология групп». Но всё это пока «секционная концепция власти». Где же альтернативная ей? На странице 69 ничего не находим. На с. 70

---

⁶⁸ Такая ошибка была допущена автором на с.15. Ту же ошибку мы видим на с. 147.

речь идет о теории обмена Дж. Хоманса. На с. 71 – о варианте этой теории, предложенном П. Блау. В конце говорится еще об одном варианте теории обмена – концепции Б. Берри. На с. 72 автор заявляет о том, что *«на основании предложенных теорий «секционной концепции власти» начинают формироваться представления о потенциальности и актуальности властного взаимодействия»*. На с. 73 излагается теория Д. Ронга. Осталась одна страница – уже последняя. Но и она обманывает наши ожидания. Неужели читателю так и придется остаться с «дискурсивным разломом» в душе, не узнав, что такое «несекционная концепция»? Быть может, она рассмотрена в последнем параграфе?

Слава богу, так и есть. Начинается параграф с изложения концепции Т. Парсонса (в основном, в интерпретации В.Г. Ледяева). Т. Парсонс, в полном соответствии с основными положениями разработанной им концепции структурного функционализма, понимает власть как некий ресурс, которым располагает общество в целом. Интересы отдельных социальных групп различны, однако это не должно становиться поводом для конфликта. Меньшинство обязано подчиняться государству, выражающему волю большинства, ведь в противном случае в обществе наступит разлад. Вся соль теории Т. Парсонса – в утверждении необходимости избегать социального конфликта ради поддержания стабильного функционирования социальной системы. На говорухинском языке эта мысль выражена так: *«Осуществление кредитования доверия является процессом обоюдовыгодным и для «управленцев» (условно)⁶⁹ и для управляемых, поскольку качественно выполняемые властные полномочия способствуют достижению коллективных целей»* (с. 76).

Теория Т. Парсонса исходит из допущения, что общество – это система, в которой люди действуют рационально, подчиняясь принятым законам. В говорухинском оригинале данный тезис выглядит так: *«В этом случае, говоря об институтах власти, идет разговор⁷⁰ о смысловой правомерности и смысловой легитимности властного воздействия одних социальных конструкций на другие»* (с. 76).

Т. Парсонс, который предлагает концепцию, альтернативную «секционной» (где подчинение понимается не как доб-

---

⁶⁹ «Осуществление кредитования доверия» – какая необычайная легкость слога! Запятая пропущена не нами.

⁷⁰ Об ошибках в приведенных фразах сказано в разделе ««Особая специфика» языка и стиля».

ровольное согласие с законами, а как повиновение одних людей другим против воли), в общем и целом не порывает с прежней традицией понимания власти. Главное состоит в том, что Т. Парсонс не отрицает необходимости принуждения. Приведем соответствующее высказывание на говорухинском языке: *«Ключевым объектом исследования выступает материально неоформленный, но вербализованный смысл, формирующий между объектом-властью и субъектом-социальным агентом условие их взаимодействия. Он канализирует границы распространения легитимного воздействия объекта на субъект, что восстанавливает и определяет институциональное властное пространство в структуре каузальности отношений. Каузальность, в свою очередь, и расстановливает все в порядке объективного следования означающего и означаемого»*⁷¹ (с. 76).

Но не все в говорухинском тексте нам удалось расшифровать. Вот, например, фраза на с. 77: *«Возникает герменевтический круг, определяющий проблему смысла власти как связанную объективными законами с классическими определениями, вписанными в систему оппозиций каузальности»*. Мы ее уже приводили в разделе «Д1: глава 1», но разбор отложили на некоторое время. Сейчас оно настало. Итак, давайте по порядку. 1. Герменевтический круг определяет проблему смысла власти. 2. Эта проблема связана объективными законами с классическими определениями. 3. Указанные определения вписаны в систему оппозиций каузальности. С грамматикой разобрались. А вот смысл все равно остается неуловимым. Заглянем в «Википедию»: **Герменевтический круг** — одно из основных понятий философии герменевтики. Понятие введено Шлейермахером. Герменевтический круг — это принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого: понимание целого складывается из понимания отдельных его частей, а для понимания частей необходимо предварительное понимание целого»⁷². Каким образом принцип понимания текста может определить проблему смысла власти? И вообще что означает выражение «определить проблему смысла» чего бы то ни было? О каких объективных законах идет речь? Что за классические определения имеются в виду? Что такое «оппозиции каузальности»? В чем они состоят? И сколько их? Каким образом определения вписаны в систему

---

⁷¹ Об ошибках в приведенных фразах сказано в разделе «Особая специфика» языка и стиля.

⁷² Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Герменевтический_круг

оппозиций каузальности? Желательно бы также знать, что означает в данном случае слово «вписать». Что такое вписать абзац в документ, понятно. А что такое вписать определения в систему оппозиций?

Дальше следуют рассуждения о том, что в современном обществе с помощью СМИ формируются мифы, что люди воспринимают их некритически, верят в них, что посредством СМИ навязываются нереалистичные потребительские стандарты (этого вопроса мы уже касались⁷³). На с. 78 появляется новый термин – полиреферентность. Определение этому термину дается такое: «*Необходимо уточнить, что процесс деполитизации – это процесс формирования полиреферентности <...>, т. е. отнесения себя не к какой-то социальной общности, как, полагаем, верно отмечал А.И. Пригожин, говоря о человеке политическом, а сопоставляя себя со всеми*» (с. 78–79). Итак, понятно: «полиреферентность – это отнесение себя не к группе, а сопоставляя». Мы еще раз убеждаемся в том, что деепричастие – самая трудная для Г.Э. Говорухина часть речи. Переведя на русский, получаем: полиреферентность – отказ считать себя членом какой-то социальной группы или общности, претензия на то, чтобы принадлежать к обществу как целому.

Читаем дальше: «*Полиреферентность означает также, что в обществе формируется принцип равных возможностей: перед социальным агентом открыта возможность карьерного роста и перехода в более привлекательную социальную группу*» (с. 79). Но это же совсем другое понимание вопроса! Полиреферентность здесь меняет свой статус, она трактуется уже не как субъективная претензия, а как общезначимая норма. Одна из бесчисленных нестыковок в диалогии. Что касается фактической стороны вопроса о «принципе равных возможностей»... Принцип, вероятно, есть. Только равных возможностей нет.

Далее следует вот такое интересное заявление: «*Социальные процессы, происходящие в современном обществе, это процессы практически полного разрушения внешних (узусальных) признаков дифференциации общества*» (с. 79). Во-первых, пропущено тире перед словом «это». Во-вторых, совершенно не к месту употреблено слово «узусальный». Узусальный – это не внешний, а обычный, повторяющийся (в отличие от необычного, редкого). Опять ложная красивость. В-третьих, где автор узрел «разрушение внешних признаков диффе-

---

⁷³ В разделе «Первая глава Д1».

ренциации общества»? Может быть, в том, что одни ездят на «Хаммерах» и «Бентли», а другие – на муниципальном общественном транспорте по пенсионному удостоверению? Или в том, что одни проживают в стареньких «хрущобах», а другие – в роскошных дворцах? Или в том, что одни одеваются на китайском рынке, а другие – в элитных магазинах?

И как мы должны воспринимать теоретика, демонстрирующего такую исключительную социологическую наблюдательность?

На с. 80 автор одаривает нас еще одним пространством, мифологическим. На той же странице находим такую сентенцию: *«Семиосфера является эпистемологическим обоснованием существования общества, поскольку трансляция знаков от общества к человеку является условием обнаружения самого общества»* (с. 80). В одной короткой фразе три раза употреблено слово «общество» – отличный результат, хотя возможности для совершенствования еще не исчерпаны. Пусть вас не пугает «эпистемологическое обоснование». Пора уже привыкнуть к тому, что в говорухинском «дискурсе» слова обозначают не то, что в русском языке. Речь идет вот о чем: человека окружает мир знаков, и только благодаря этим знакам человек открывает для себя, что он живет в обществе. Эта теория, правда, не отвечает на вопрос о том, почему человек способен прочесть знаки.

Далее автор пишет, что *«пространство мифа – это пространство денотативных смыслов»* (с. 81). Это следует трактовать так: люди понимают смысл мифа буквально. Данное утверждение, конечно же, – сильное преувеличение. Наивное восприятие мифа свойственно только детям. Затем Г.Э. Говорухин несколько смягчает свою позицию. Автор допускает, что миф понимается «обывателями» не только буквально. Стремясь соединить два этих утверждения, Г.Э. Говорухин заявляет следующее: *«Таким образом, налицо парадокс о присутствии в коммуникациях и денотативного, и метафорического (коннотивного) означаемого»* (с. 81). О том, что правильно писать «парадокс присутствия», а не «парадокс о присутствии» мы уже упоминали⁷⁴. Отметим другое. Автор уверен, что понятия «коннотативный смысл» и «метафорический смысл» тождественны. Обратимся к справочной системе. Вот что мы в ней находим: «В логич. семантике, вслед за Фреге и Чёрчем, принято разделять, во-первых, предметное (экстенциональное) значение — имено-

---

⁷⁴ В разделе «Особая специфика» языка и стиля».

вание денотата и, во-вторых, дополнит. (интенциональное) значение, собственно смысл, — информацию о типологии и иных свойствах денотата. Применительно к культурным смыслам выделяют также денотативные (непосредственно указывающие на денотат, характеризующие его) и коннотативные (непосредственно не связанные с характеристикой денотата) значения»⁷⁵. Итак, коннотативный смысл — это не метафорический, а дополнительный.

Дальнейшие рассуждения о пространстве мифа, за пределами которого «обнаруживается сама метафоричность», не заслуживают внимания просто потому, что автор не понимает, что такое метафора.

Текст на с. 82 поддается дешифровке с трудом. Предлагаем рабочий вариант. В обществе существует система официально одобряемых взглядов. Однако не все люди эти взгляды разделяют. Есть и такие люди, что придерживаются других воззрений, делятся своими мыслями в частных беседах и т.п. В интересах власти добиться всеобщего единомыслия, но оно фактически недостижимо. *«Возможное разрешение вновь возникшей проблемы, — пишет Г.Э. Говорухин, — можно обнаружить в самом механизме властвования»* (с. 82). С интересом ждем разгадки. Она заключается в следующем: государство предлагает индивиду *«долгосрочную образовательную программу»* (с. 83). Но индивид может эту программу проигнорировать, поскольку получение образования — дело трудное, не открывающее легкого пути к повышению своего социального статуса и материального достатка. Тогда человек пытается отыскать более легкий путь, например, участие в азартных (коммерциализированных, на говорухинском наречии) играх. Власть с этим борется. В заключение высказывается сентенция, которую мы не в силах расшифровать: *«В этой связи, полагаем, полем соприкосновения власти и человека является пространство, которое по своей сути является апофатическим (отрицающим) к пространству собственно человека или власти»*⁷⁶ (с. 83). Итак, 1) существует пространство собственно человека или власти, 2) существует другое пространство, которое его отрицает, 3) имеется поле соприкосновения власти и человека, 4) это последнее является тем самым пространством, которое отрицает первое пространство. Грамматически все

---

⁷⁵ Режим доступа: culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/472.htm

⁷⁶ Об ошибках в этой фразе написано в разделе «Особая специфика» языка и стиля».

понятно, но смысл уловить не удастся. Нет, не доросли мы до того, чтобы вкушать зрелые плоды «победного шествия мечты в мечтах».

Следующий абзац чуть более понятен. Автор хочет найти рецепт согласования двух систем взглядов (дискурсов): официально одобряемой и частной, индивидуальной, которая с ней расходится. Этот рецепт – «*трансформация общественного сознания*» (с. 84). Автор забыл нам сказать, на каких принципах должна происходить эта трансформация, кто ею будет заниматься, по какой причине она должна оказаться успешной, откуда взять на нее деньги.

Завершается разбор «несекционной теории» изложением концепции Х. Арендт. В нем привлекает внимание следующее суждение: «Насилие по своей сути инструментально, оно всегда нуждается в руководстве и оправдании через те цели, которые достигает. Власть же консенсуальна, она не нуждается в оправдании, но она всегда нуждается в легитимности. Власть не есть средство достижения чего-то; это «цель в себе», она обеспечивает инструментализацию общей воли и общественное согласие» (с. 85). Ни одной ошибки, грамотная, культурная речь, фрагмент выглядит просто чем-то чужеродным в той вычурно-претенциозной зауми, через которую нам пришлось пробиваться. В чем дело? Внимательно присматриваемся к тексту. Оказывается, это не собственные слова Г.Э. Говорухина, а цитата из работы В.Г. Ледяева. Теперь становится понятным, откуда автор черпает свои познания о концепции Х. Арендт, а также и то, почему он неправильно пишет ее фамилию.

Затем подводятся итоги. Прочитируем соответствующий фрагмент: «*Проводя анализ понятию «власть», анализируя становление и развитие властного дискурса, основной нашей целью было распознать те социальные изменения, которые происходили в меняющемся обществе, и следствием которых становилось появление новых кратологических теорий*» (там же).

Итак, «проводя анализ и анализируя, нашей целью было». Без комментариев. Так «распознал» автор социальные изменения? Мы следов такого «распознавания» не обнаружили. Нашли лишь констатацию того, что за феодализмом следует капитализм, а в XX веке наука и техника становятся ключевыми факторами развития общества. Что касается «кратологических теорий», то мы их не увидели. Речь шла о политических учениях, которые тысячу раз проанализированы в

научной литературе и на нормальном русском языке описаны в литературе учебной.

Как сам автор представляет себе результаты своего «распознавания»? Об этом он поведал в самом конце параграфа. Мы поступим следующим образом: переведем весь этот фрагмент на русский язык.

Таблица 5

Перевод заключения первой главы

По-говорухински	По-русски	Наш комментарий
<i>Власть и сами отношения, связанные с системой власти, представляют собой реальность символических отношений, констатируемых исследователями.</i>	Власть и властные отношения по своей сущности являются знаковыми, что отражается в научных исследованиях.	В действительности власть – объективное отношение между людьми.
<i>Не существует объективной природы власти, которая могла бы быть распознана в качестве абсолютной достоверной системы отношений.</i>	Природа власти непознаваема.	Неверно фактически.
<i>Отсюда не существует и объективно-достоверной социально-политической природы власти, которая максимально полно выражала бы основные положения данного явления.</i>	Нет универсальной политической системы, каждая система индивидуальна.	Трюизм.
<i>Всякая теория становится результатом исторических процессов и способна обозначить те процессы в кратологии, которые наиболее выпукло проявляются в современной для исследователя социальной среде.</i>	Всякая политическая теория является отражением конкретных исторических условий.	Совершенно верно, но противоречит п.п. 1 и 2.
<i>Вместе с тем, существуют, так называемые, типы властных взаимодействий, и эти взаимодействия способны определить исторические границы «узнавания» явления «власть».</i>	Несмотря на то, что каждый тип власти индивидуален, родовая сущность власти неизменна.	Трюизм.

По-говорухински	По-русски	Наш комментарий
<i>В рамках этих границ те или иные политические взаимодействия людей могут быть обозначены как властные.</i>	Это дает нам возможность выделить власть как социальный феномен из ряда других феноменов.	Служебное утверждение. Самостоятельной смысловой нагрузки не несет.
<i>Так, можно говорить о сакральном и рациональном типах власти, которые определяют символику политической конъюнктуры власти.</i>	Например, существует власть, апеллирующая к авторитету высших сил, и власть, опирающаяся на рациональные аргументы.	У Вебера об этом сказано лучше.
<i>Совершенно четко выявляются докапиталистический (добюрократический) тип власти и период капиталистического (профессионально бюрократического) его становления.</i>	Между властью в докапиталистическом обществе и властью в обществе капиталистическом существует принципиальное различие. Вместе с капитализмом возникает и бюрократия.	Бюрократия – не изобретение капитализма. Серьезное упрощение.
<i>Эти типы позволяют говорить об экономической конъюнктуре власти.</i>	Это говорит о том, что бюрократия – результат действия экономических причин.	Верно частично.
<i>В условиях современного общества просматривается иной аспект власти, условно обозначим его как психологический.</i>	В современном обществе на первый план выходит психологический аспект власти.	Этот аспект был важен всегда.
<i>Важным условием конституирования власти становится выделение публичного и частного пространства, определяющих условия взаимодействия субъекта и объекта».</i>	При этом происходит разделение сферы общественной жизни и частной жизни человека.	Такое разделение свойственно не только современному обществу.

Читать труды Г.Э. Говорухина – все равно, что идти в тайге по бурелому. Приходится тратить массу времени и сил на преодоление бесчисленных завалов. Мы проделали эту работу. Мы погрешили бы против истины, сказав, что она доставила нам большое удовольствие. Мы старались понять, в чем же состоит послание Г.Э. Говорухина граду и миру. Не всё удалось дешифровать, но расшифрованные фрагменты дают основание для определенных выводов. В главе прослеживаются два сюжета: история эволюции политических отношений и история политических учений. Первый сюжет затрагивается во втором, третьем и четвертом параграфах, второй – в пятом и шестом. Изложение ведется по вторичным источникам. Там, где текст удается соотнести с реальностью, мы обнаруживаем либо ошибку, либо трюизм, либо сомнительное утверждение.

Ничего действительно нового в сравнении с тем, что написано на эти темы в учебной и справочной литературе, нам найти не удалось. Студенту, который захочет ознакомиться с вопросом, можно порекомендовать обратиться к учебникам. Там все изложено по-человечески. А **квалифицированный политолог в первой главе диалогии Г.Э. Говорухина жемчужного зерна не отыщет.** Да и вряд ли станет искать.

II.3 Д1: Глава 2

Глава начинается с заявления, что у власти есть *«пространственный ресурс»* (с. 87). Таким ресурсом являются территории, *«в пределах которых распространение властных отношений будет считаться легитимным»* (там же). Если не считать того, что автор опять все помянул пространство, тезис не вызывает возражений. Да, каждое государство имеет территорию, и его законы действуют только на ней. Кому это не известно? Дальше говорится следующее: *«В рамках такого пространства существует единый экономический эквивалент материальных и нематериальных объектов, наделенный общими для субъекта и объекта власти смыслами...»* (там же). Читатель заинтригован: что это за эквивалент? Один такой всеобщий эквивалент материальных и нематериальных ценностей всем известен – деньги. И все их смысл понимают одинаково. Неужели существует еще какой-то? Но автор нам этой тайны так и не открыл.

Последующие рассуждения автор строит таким образом. На одной и той же территории (извините, в одних и тех же

«границах пространства власти») могут происходить коренные политические и экономические изменения. В результате этих изменений «границы пространства власти» порой меняются. В качестве примера приводится история перестройки в Советском Союзе и российских реформ. *«Переставая контролировать, или не начав контролировать определенные виды деятельности, – пишет автор, – государство сужает свое пространство властного воздействия на граждан, зато формируется пространство асоциальных и агосударственных⁷⁷ структур»* (с. 88). Из приведенного высказывания видно, что Г.Э. Говорухин подменил понятие пространства как территории понятием пространства как сферы влияния. Потом (надо полагать, после октября 1993 года) государство спохватывается и *«начинает интересоваться налогами»* (там же). Такое изменение означает, что *«увеличивается властное пространство государства и сокращается властное пространство криминальных структур»⁷⁸* (там же).

Оставив эту тему, Г.Э. Говорухин переходит к вопросу о взаимоотношениях центральной власти с регионами. Ситуацию начала 1990-х в России он описывает следующими словами: *«...Пространство государственного управления⁷⁹ и критерии легитимного воздействия централизованной власти формально существуют, но они сдвинуты в область номинального присутствия»* (с. 89). Автор по своему обыкновению спутал слова «централизованный» и «центральный»⁸⁰, но смысл понятен: в тот период власть Кремля над регионами была в большей степени номинальной, чем реальной. Далее идет следующий пассаж: *«По мере создания вертикали власти <...> предполагается, что центральная, строго говоря, государственная, федеральная власть вытеснит власть сепаративных регионов»* (там же). В одной фразе – два открытия. Оказывается, центральная и государственная власть – одно и то же. Интересная идея, вы не находите? Автор также открыл существование «сепаративных регионов» и тем самым внес крупный вклад в политологию.

Борьба между различными социальными группами ведется с переменным успехом, в результате возникает «пуль-

---

⁷⁷ Неологизм Г.Э. Говорухина.

⁷⁸ Коллекция пространств пополнилась еще одним экземпляром.

⁷⁹ А вот и еще одно пространство.

⁸⁰ Ошибка смешения паронимов.

сация» «властного пространства». Так происходит в том случае, если *«система власти состоит из множества очень часто связанных между собой, но самостоятельных сегментов, например, криминальная власть, федеральная власть с центральной вертикалью и региональная власть с местной вертикалью»* (там же). Таким образом, уголовники, государство и регион – это «самостоятельные сегменты системы власти». И у каждого такого «сегмента» есть свое пространство, которое *«то увеличивается, то уменьшается»* (с. 89). Читателю остается только оценить глубину и остроумие этой теории. Надо воспринимать уголовное отребье не как враждебную обществу силу, деструктивный фактор, представляющий опасность для народа и государства, а как самостоятельный субъект власти, наряду с государством.

Первый абзац на с. 90 – корявое и многословное изложение простой мысли: государство на своей территории обладает всей полнотой власти⁸¹.

Затем автор пытается изложить некоторые идеи своей любимой теории символизации пространства. Ввиду важности этого вопроса придется цитировать. *«Являясь частью символической реальности конкретного пространства, система властных отношений осуществляет процесс адаптации человека к территории. Власть конституирует социальные сети в конкретном пространстве и создает модель оптимальной или приемлемой формы социальных взаимодействий. Более того, власть, наряду с иными формами социального взаимодействия, осуществляет процесс символизации пространства. Власть в этом случае представляет собой референционное (информационное) воздействие на индивида и предлагает варианты интеграции в окружающую среду»* (с. 90–91). Итак, существует «система властных отношений», она представляет собой «часть символической реальности конкретного пространства». «Система властных отношений» «осуществляет процесс адаптации человека к территории». С «системой властных отношений» разобрались. Теперь нужно разобраться с понятием власти. Согласно Г.Э. Говорухину, власть выполняет две функции: 1) «конституирует социальные сети в пространстве», 2) создает модель формы социальных взаимодействий. Понятие «референционное воздействие» здесь нужно как пятое колесо в телеге. Кроме того, «модель формы» звучит не очень-то

---

⁸¹ Что противоречит тезису о существовании «трех сегментов» власти.

по-русски, поскольку понятия «модель» и «форма» в значительной мере синонимичны, однако не будем «через меру» строги. В приведенном высказывании обращает на себя внимание тот факт, что автор в очередной раз подменил понятия. В первой части он ведет речь о «системе властных отношений», а во второй – о власти. А это, в соответствии со всей его конструкцией, – не одно и то же. К тому же нам не объяснено, что такое символическая реальность, но уже постулируется, что «система властных отношений» – ее часть.

Продолжим цитирование: *«Примером такого рода отношений становится освоение новой территории, которое чаще всего происходит под воздействием принимаемых властных решений»* (с. 91). Властные решения, как мы уже догадались, – решения государственных органов. Здесь частный случай выдается за некое общее правило («чаще всего»). Освоение Нового Света происходило совсем не так: поток переселенцев из Европы хлынул туда после открытия Америки стихийно. А уж потом в дело вмешалась власть. Как себе автор представляет сам механизм такого освоения? Читаем: *«Так, осваивая территорию, власть в лице государства, министерства, чиновника и пр. рекрутирует людей для определенных видов работ, определяя освоение пространства в контурах конкретной хозяйственной деятельности. <...> Таким образом, освоение территории начинается происходить в заданных символических границах рекрутируемых представителей конкретных социальных групп, а сама осваиваемая территория наделяется символикой, привнесенной именно этими людьми и социальными (профессиональными) группами»* (там же). Автор сумел в двух недлинных фразах употребить 4 однокоренных слова; кроме того, противоестественный порядок слов заставляет предполагать, что существуют символические границы «рекрутируемых представителей социальных групп»; само слово «рекрутировать» здесь совершенно не к месту, следовало написать: «привлекать» или «нанимать». Три ошибки в двух предложениях – уровень безграмотности здесь ниже обычного. Да и по сути не всё верно. Наделение символикой (т. е., проще говоря, означивание) происходит разными путями. В одних случаях названия объектам действительно дают «обыватели», в других – государственные органы. Пример названия первого типа – река Силинка, протекающая через Комсомольск-на-Амуре. А вот проспект Сталина или улица Лермонтова – это уже названия второго типа.

Приведем заключительную часть абзаца: *«Отсюда мы сталкиваемся с проблемой детерминированности властью не только схемы освоения пространства, но и формирования социального узуса этого пространства»* (там же). «Отсюда мы сталкиваемся» с косноязычием автора, не умеющего грамотно выразить элементарную мысль. Зачем потребовалось приплести «детерминированность», когда можно было бы написать просто: «власть осваивает пространство в соответствии с определенным планом (схемой)»? А социальный узус – это что за зверь такой? Смотрим в справочник: «*Узус* (от лат. *usus* — применение, обычай, правило) — общепринятое носителями данного языка употребление языковых единиц (слов, устойчивых оборотов, форм, конструкций)»⁸². Таким образом, понятие «узус» относится к сфере языковых явлений, употреблять его за пределами указанной сферы не следует. Не надо всем понятную «социальную норму» заменять экстравагантным «социальным узусом».

Процитируем следующую фразу: *«Говоря о пространстве и о географии в целом, необходимо вести речь о том, что вид символа приобретает все, в том числе и физическое пространство, как только оно попадает в орбиту социальной реальности»* (там же). Говоря о стиле автора, необходимо вести речь о том, что он страдает абсолютной языковой глухотой. Человек мало-мальски грамотный никогда не напишет: «говоря, необходимо вести речь». Физическое пространство не может принять вид символа и попасть в орбиту социальной реальности. Автор не понимает, что такое физическое пространство. Грамотный человек написал бы: «Физические объекты могут получить название, а эти последние пополняют список топонимов». Если прочитать следующую фразу, то станет ясно, что речь идет именно о создании топонимов. Г.Э. Говорухин пишет: *«Примером такой символизации становится процесс картографирования...»* (там же). При картографировании не происходит никакой «символизации», картограф дает конкретным географическим объектам названия. Это можно трактовать как означивание, но ни в коем случае не как символизацию. Ошибка автора состоит в том, что он вкладывает в понятие символа «через меру» широкий смысл. Всякий символ есть знак, но не всякий знак – символ. Для Г.Э. Говорухина *«совершенно очевидно, что процесс нанесения на карту физических объектов означает*

---

⁸² Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Узус.

символическое включение этих объектов в хозяйственную деятельность человека» (с. 91–92). То, что совершенно очевидно для автора, совсем не очевидно для читателя. Существуют карты не только земной поверхности, но и карты Луны, карты Марса. Если следовать логике Г.Э. Говорухина, наличие таких карт говорит о том, что человечество «символически включило» соседей нашей планеты по солнечной системе в хозяйственную деятельность. В действительности это никакое не «символическое включение в деятельность», а всего лишь описание на языке графических знаков. Будет или не будет это описание практически использовано, сказать наперед невозможно. Но человек не может жить, не познавая. А результаты познания запечатлеваются в текстах, написанных либо буквами, либо иероглифами, либо графическими знаками, принятыми в картографии.

Зачем, спрашивается, «умножать сущности сверх необходимого» и придумывать глубокомысленную теорию там, где вполне достаточно здравого смысла?

Изложив некоторые положения «теории символизации пространства», Г.Э. Говорухин углубляется в эмпирию. На с. 92, 93, 94 излагается (по работе Ф. Буссе) история строительства Транссиба. Автор констатирует, что *«осмысление и символизация территории осуществлялась именно вдоль магистрального пути железной дороги»* (с. 95). Даже в таком простейшем случае Г.Э. Говорухин ухитряется выразиться коряво! Следовало написать: «вдоль железнодорожной магистрали». Кстати, глагол нужно было употребить во множественном числе: «осуществлялись». На той же странице мы добираемся до самого главного – до формулировки основной идеи «теории символизации пространства». Воспроизведем соответствующий текст полностью: *«По большому счету «физическое» освоение территории является процессом вторичным по отношению к тем символическим, семантическим (предполагающим взаимоотношение знаков к объектам) конструкциям, которые определяют границы общества в пределах географии пространства»*. Г.Э. Говорухин не пояснил нам, а как обстоит дело «по малому счету». Вероятно, если подойти к вещам «по малому счету», то первичным оказывается процесс физического освоения среды. У нас закрадывается подозрение, что люди в своей реальной деятельности игнорируют высокую теорию Г.Э. Говорухина и живут «по малому счету».

Подозрение усиливается, когда мы знакомимся с доказательством тезиса о первичности символического освоения

пространства. Оно сформулировано в следующих словах: «Прежде⁸³, чем начать строительство железной дороги, необходимо сначала понять, осмыслить сквозь призму собственной хозяйственной практики, оценить значение того места, которое предстоит физически осваивать» (там же). Г.Э. Говорухин не замечает, что это «доказательство» опровергает его утверждение. Итак, понимать, оценивать и осмысливать значение «того места, которое предстоит физически осваивать», автор предлагает через «призму хозяйственной практики». Отличное предложение, воспользуемся им. Поставим вопрос: а почему вообще понадобилось строить Транссиб, тратить громадные средства и силы, преодолевать немалые трудности? Не потому ли, что царская Россия желала закрепить присоединенные территории за собой? Государство преследовало конкретную практическую цель. *Практическая* необходимость – вот что побудило начать строительство магистрали. Прежде чем на Дальний Восток прибыл геодезист с теодолитом, туда переселились крестьянин со всем своим скарбом, золотодобытчик с приспособлениями для промывки песка, казак с ружьем. У царского правительства не было большого желания отдавать полученную территорию Китаю или Японии. Прокладка Транссиба снимала вопрос о принадлежности приобретенных Россией земель. Практическая потребность – вот что побудило царскую Россию начать гигантскую стройку. И тогда в Сибирь и на Дальний Восток были посланы высококлассные специалисты для детальной разведки будущей трассы. Они не «символически и семантически осваивали территорию», а добывали данные для проекта трассы. Не кто иной, как К. Маркс, сказал: «Общественная жизнь является по существу *практической*»⁸⁴. Познание – это момент практики; познание вплетено в практическую деятельность, подчинено ей. А так называемая символическая деятельность, т. е. означивание, – аспект познания. И если мы, по совету Г.Э. Говорухина, посмотрим на теорию Г.Э. Говорухина «сквозь призму хозяйственной практики», то увидим, что «вторичность физического освоения» – фантом.

Измыслив эту вторичность, автор увидел в ней «руку власти» (с. 95). На следующей странице он делает такое за-

---

⁸³ Запятая поставлена не нами.

⁸⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 3. – С. 3.

явление: *«Как только становится понятным ценность осваиваемого пространства, сразу начинает создаваться идеологическая машина, закрепляющая в сознании людей необходимость освоения этого пространства»* (с. 96). Автор не сумел справиться с согласованием членов предложения в роде («необходимость становится понятным»), но главное не в этом. Он фактически продолжает крушить свою теорию, сам того не сознавая. Почему вдруг «становится понятным ценность» Дальнего Востока для России? Да потому, что на нем нашли месторождения золота, обнаружили богатейшие рыбные ресурсы и т.п. Ожидаемая экономическая выгода – вот тот мотив, который побудил царское правительство всерьез заняться освоением территории Дальнего Востока. Разумеется, всякая вменяемая власть подводит под свою политику идеологическую основу, т. е. ориентирует «идеологическую машину» на обслуживание своих практических потребностей. И что же тогда остается от тезиса о «вторичности физического освоения территории»?

Ни для кого не секрет, что работа «идеологической машины власти» сталкивается с определенными трудностями. Одна из этих трудностей – культурные стереотипы переселенцев. На говорухинском языке эта мысль выражена так: *«Чужая территория, чужие территориальные этнонимы не позволяют применить обществу и государству культурный опыт пользования осваиваемой местностью, равно как и сформировать легитимные основания для защиты этой территории от противника»* (с. 97). (Нами уже отмечалось, что автор путает этноним и топоним⁸⁵, кроме того, здесь следовало написать не «пользования местностью» и «использования местности». Пользуются зубной пастой, а местность – используют⁸⁶. Совершенно не к месту употреблено слово «противник». Г.Э. Говорухин, как видно, не понимает разницы между словами «противник» и «конкурент».) Но трудность, о которой говорит автор, не столь велика, как ему представляется. Для ее преодоления «идеологической машине власти» серьезно напрягаться не приходится. Прибывшие на новое место жительства крестьяне, золотодобытчики, рыбаки в процессе практической деятельности осваивают

---

⁸⁵ В разделах ««Особая специфика» языка и стиля» и «Еще раз о языке и стиле».

⁸⁶ Хотя и это, строго говоря, неточно. Используют не саму местность, а расположенные на ней природные объекты: леса, реки, озера, луга и т.п.

новую территорию, дадут названия рекам, озерам, горам и другим географическим объектам, приспособятся к местным условиям и будут чувствовать себя, что называется, «в своей тарелке».

Однако Г.Э. Говорухин, судя по всему, дал себе клятву теоретизировать, игнорируя здравый смысл. И потому он полагает, что для преодоления культурных стереотипов прошлого населения требуется *«создание некоторого культурного специфического ландшафта на данной территории, выступающего зоной консервируемых с течением времени коммуникативных отношений, перенесенных переселенцами из метрополии»* (там же). Интересная логика: для приспособления к новой среде нужно законсервировать прежние «коммуникативные отношения». В реальности дело обстоит прямо противоположным образом: прежние культурные стереотипы должны быть вытеснены новыми, иначе адаптации не произойдет. Языковая глухота автора проявляется и в том, что он употребляет термин «метрополия» по отношению к Москве. И это не случайная оговорка, названный термин встречается в его диалогии множество раз (например, на с. 194, 206, 214, 229, 230 Д2). Г.Э. Говорухин не ощущает всей бестактности и политической провокационности данного термина в современных условиях. Если Москва – метрополия, то Дальний Восток – колония, не так ли? В то время, когда на Дальнем Востоке некоторые горячие головы ратуют за отделение от России и создание ДВР, называть Москву метрополией?! У нас просто нет слов.

Коренной методологический изъян «теории символизации пространства» состоит также в том, что вся она построена на одном-единственном примере. Что, разве освоение Россией Сибири и Дальнего Востока – уникальное явление в мировой истории? Или западноевропейцы не осваивали Америку, Австралию, Новую Зеландию и множество других территорий? Канада не осваивала свой Север? Где сравнение одного случая с другим? Где выявление главного и отделение его от второстепенного? Почему всякий частный факт выдается за историческую закономерность? Да, в России роль государства в освоении новых регионов была велика. Но не из чего не следует, что иной путь невозможен.

За цитированным пассажем следует такая фраза: *«Прежде, чем приступить к осуществлению намеченного, необходимо решить вопрос методологии»* (там же). Снова две ошибки: лишняя запятая и использование канцелярского оборота «ре-

шить вопрос методологии». Норма ошибок соблюдена. Обращает на себя внимание тот факт, что до этого в тексте нет никаких упоминаний о намерениях автора. Уж мы глядели нельзя прилежней, а ничего «намеченного» в тексте не найти не смогли. Скорее всего, автор вставил абзац из какой-то другой работы, а позаботиться о том, чтобы устранить шов, не догадался.

Далее идут многословные рассуждения о том, что автор называет методологией исследования. Г.Э. Говорухин стремится прислониться к авторитету Э. Гуссерля, попутно упоминая имена Ж.-Ф. Лиотара, А.М. Пятигорского, М.К. Мамардашвили, А. Шюца, Г. Зиммеля, П. Бергера, Т. Лукмана, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра. Все это понадобилось для того, чтобы сформулировать следующий вывод: *«Власть способна существовать лишь как означаемое некой всегда трансцендентальной абсолютной мысли, теряя при этом самостоятельность, что составляет одно из важнейших условий ее функционирования»* (с. 98). Уф! Давайте разбираться. «Всегда трансцендентальная абсолютная мысль» – это, надо полагать, бог. Власть, следовательно, – означаемое бога. «Означаемое», насколько нам известно, – термин из семиотики. На всякий случай заглядываем в справочник. Читаем: «Означаемое – термин, используемый в семиотике для определения содержательной (‘умопостигаемой’) стороны знака, отсылающий к ‘понятию’ (‘знак’ связывает не вещь и ее название, но понятие и его акустический образ)»⁸⁷. Итак, означаемое – это определенный аспект знака. Но мысль не есть знак. И бога назвать знаком можно только при очень-очень богатом воображении. Тот же случай: автор поставил в определенном порядке слова, не понимая их смысла. Вопреки фантазиям Г.Э. Говорухина, власть существует не как аспект знака, а как объективная реальность. Власть, теряющая самостоятельность, перестает быть властью. И уж потеря властью самостоятельности никак не может быть условием ее функционирования. Но продолжим чтение: *«А значит, категориальное понятие власти выражает не конкретный осязаемый объект исследования, а явление индивидуально проживаемого опыта понимания власти»* (с. 98). «Категориальное понятие» – типичный плеоназм. Такого словесного мусора в диалогии Г.Э. Говорухина рассыпано в изобилии. Насчет «осязания власти» мы уже имели возможность вы-

---

⁸⁷ Режим доступа: dic.academic.ru/dic.nsf/bse/115785/Означаемое

сказаться⁸⁸. В общем-то понятно, что автор желает на своем убогом диалекте сказать: власть – это не объективная данность, а мое представление о власти.

Нечто подобное утверждал в XVIII веке молодой Дж. Беркли, но он не сумел свою более чем странную точку зрения провести последовательно. Не смог этого сделать и Г.Э. Говорухин. Буквально в следующей фразе он отказывается от своего солипсизма: *«Пространство власти – это символика интересубъективной рефлексии исследователей»* (там же). Иначе говоря, «пространство власти» существует не как мое личное представление, а как общее представление исследователей. Это уже совсем иная точка зрения. Автор ничего не сказал нам об «обывателях». Иначе нам придется думать, что Г.Э. Говорухин, столь щедрый на разные пространства, лишил простых людей «пространства власти». Они же не исследователи, им «интерсубъективной рефлексии» не положено. И в завершение абзаца такая короткая, но емкая фраза: *«Более того, это пространство может быть редуцировано, вынесено за скобки объективной реальности»* (с. 98). Опять автор невпопад употребил иностранное слово. Редуцировать и выносить за скобки – совершенно разные операции. А вот утверждение, что «пространство власти может быть вынесено за скобки объективной реальности», легко проверить. Пусть Г.Э. Говорухин попробует не явиться на работу в положенный час. И после этого попытается объяснить своему начальнику, что в день прогула ему, автору глубоких социологических идей, пришла в голову фантазия «вынести пространство власти за скобки объективной реальности». (Предварительно его «редуцировав».)

Далее автор пытается найти выход из идеалистического тупика, в который он сам себя загнал. Цитировать все эти рассуждения – свыше наших сил, поэтому приведем только одно высказывание: *«При этом важно, что трансцендентальным по отношению к власти оказался все тот же исследователь, транслирующий свои диктаторские функции на все, что является частью его интеллектуального пространства»* (с. 99). Бедный исследователь! Он оказывается «трансцендентальным по отношению к власти», у него вдруг обнаруживаются «диктаторские функции», которые транслируются им на собственное «интеллектуальное пространство». На русский язык такая реникса не переводится,

---

⁸⁸ В разделе «Три введения к одной монографии».

но в целом можно догадаться о том, что желает, но не умеет сказать автор: каждый исследователь ограничен в своих познавательных возможностях. Святая истина! И диалогия Г.Э. Говорухина – прекрасное тому подтверждение.

Далее автор пытается предложить какую-то позитивную альтернативу своему доморощенному агностицизму. Эта альтернатива заключается в «наррации» (с. 99). Иначе говоря, чтобы узнать что-то о «символическом пространстве», необходимо проанализировать свой жизненный опыт и *«согласовать его с опытом современников»* (там же). Но указанный метод не лишен недостатков, поэтому *«для более существенного достижения цели необходимо прибегнуть к нескольким аналитическим методам изучения проблемы властной символизации пространства»* (с. 100). Одним из познавательных приемов, пригодных «для более существенного достижения цели», является некий метод, предлагаемый А.М. Пятигорским и М.К. Мамардашвили. Описание сего чудесного метода столь витиевато и косноязычно, что мы, экономя время читателя и щадя его рассудок, не решаемся соответствующий текст воспроизвести. Как уверяет нас автор, применение этого метода приводит к тому, что *«объект теряет свои эпистемологические очертания»* (с. 100) и *«возникает эффект, когда «объект тождественен его интерпретации»*⁸⁹ (там же). Что это такое, автор разъясняет на следующем примере: *«...Необходимо рассматривать лишь акциденции (проявления) власти, а в этом случае ее пространство определяется как метатеоретическая конструкция, предопределяющая понимание того, что такое может быть власть»* (с. 101). В общем, нам предлагают поверить, что проявления власти существуют объективно, а вот сама власть вместе со своим пространством – это только лишь теоретическая конструкция. («Метатеоретическая» написано для изящества слога, по смыслу здесь нужно было употребить слово «теоретическая». И «может быть» тоже вставлено для пущей красоты.) Это примерно то же самое, что сказать: существуют акциденции (обнаружения) Г.Э. Говорухина, но сам автор нетленной диалогии – всего лишь «метатеоретическая конструкция».

---

⁸⁹ Заключенные Г.Э. Говорухиным в кавычки слова – цитата из работы М. Мамардашвили и А. Пятигорского «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке». Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/mmk/simvol.html>.

Нам обещали поведать еще об одном методе исследования, дополняющем «наррацию», а вместо этого заставили читать философские рассуждения. Метод назовите, пожалуйста. В самом конце страницы 101 появляется, наконец, долгожданное известие: «...Проблема ментальных оснований символизации пространства приобретает вполне отчетливые формы, которые можно изучить с помощью сравнительно-исторического метода, а также качественного метода социологии» (с. 101–102). Итак, проблема, которая интересует автора, – ментальные основания символизации пространства. В переводе на русский – вопрос о том, какими критериями и мотивами руководствуются люди, давая те или иные названия объектам окружающей среды. Эта проблема имеет, если верить автору, множество форм. Их-то и можно изучать с помощью сравнительно-исторического метода и какого-то «качественного метода социологии». Мы были бы готовы поверить и в то, и в другое, если бы автор назвал таинственные формы проблемы. И заодно объяснил, что такое «качественный метод социологии». (Не подход, а именно метод.)

Как все это реализуется в конкретном исследовании? Автор дает такое пояснение: «Исследователь осуществляет анализ пространства проявления власти (улицы, дома, распорядка и документы) – так называемую формальную символику пространства, а затем сравнивает это с неформальной символикой обывателя» (с. 102). И это всё! Читатель чувствует себя обманутым. Он продирается через завалы цитат, редуты неудобочитаемых фраз, надолбы глубокомысленных терминов, чтобы, в конце концов, прийти к столь тривиальному суждению. Да всё это понятно и на уровне обыденного сознания, тут вовсе не требуется привлекать высокую теорию, тем более вторгаться в философские материи.

Необходимо также заметить следующее: автор явно не понимает, что такое сравнительно-исторический метод. Вот если бы он сравнил историю освоения новых территорий Канадой и Россией, тогда это и было бы применением указанного метода. А сопоставление официальных и неофициальных топонимов – совсем другое дело.

После постигшего нас разочарования уже безо всякого доверия читаются пассажи, содержащие упоминание таких имен, как Ж.Ф. Лиотар и Р. Барт (с. 102), а также ссылку на метод, который применен школой Анналов (с. 103). У автора в запасе еще один авторитет – А. Шюц. И хотя Г.Э. Гово-

рухин продолжает очаровывать нас *«экстраполяцией идеи В социологический контекст»* (с. 104), «узualmente оформлением реальности» (там же), мы уже понимаем, что всё это не всерьез. Такие фиоритуры не производят на нас впечатления, тем более что мы уже заглядывали в третью главу второго издания монографии и знаем, что весь этот заоблачный полет мысли там оказался невостребованным.

Завершив обсуждение проблем методологии, Г.Э. Говорухин переходит к вопросу о методике исследования. Называются три метода *«в рамках предложенной методологии»*: *фреймовый анализ, контент-анализ и индивидуальные нарративные интервью* (с. 105). Далее рассказывается, со ссылкой на работу О.А. Кармадонова, о свежем опыте использования передовых социологических методов Г. Лассуэллом⁹⁰ в 1952 году, а Дж. Девином – в 1962-ом (с. 105).

Автор констатирует, что применение самых прогрессивных методов не избавляет исследователя от субъективности. Но субъективность, по его представлению, *«не несет оттенка негативных коннотаций»* (с. 106). Тем не менее, *«предложенная Ласуэлом методика фреймовых замеров по контент-анализу прессы, представляет собой эффективный путь по выявлению знаковых форм развития политического языка»* (с. 106). Лишняя запятая, как вы понимаете, поставлена не нами, имя ученого воспроизведено нами точно по тексту, от двух канцелярских оборотов в одной фразе мы тоже не в восторге. Извините, но другого текста у нас нет. Тут интересна логика: субъективность в научном исследовании – это не так уж и плохо, но вот «Ласуэлу» удастся эффективно решать определенную исследовательскую задачу. Главный вопрос состоит вот в чем: «Ласуэл» создал эффективную методику *благодаря* субъективности или *вопреки* ей? Если благодаря, то тогда нужно вознести ее на щит, если вопреки, то в этом случае субъективность очень даже «несет оттенки негативных коннотаций». Концы с концами у Г.Э. Говорухина в очередной раз не сходятся.

Читаем дальше: *«Однако нельзя забывать, что такого рода исследования позволяют «зацепить» не языковые перверсии политических элит, а лишь идеологические изменения политической машины-государства»* (с. 106). Мы считаем, что социологический метод, который дает возможность отразить изменения в идеологии государства, заслу-

---

⁹⁰ В оригинале написано, как уже говорилось, «Ласуэл».

живает самой высокой оценки. А вот что такое «языковые перверсии политических элит», мы, к нашему стыду, не ведаем. Все словари определяют перверсию только как извращение, преимущественно сексуальное⁹¹. Секс автор явно не имел в виду, когда создавал свою дилогию, поэтому нам остается только развести руками и признать свое поражение. Мы не знаем и даже не догадываемся о смысле таинственной фразы. Наше искусство толкования говорухинских текстов здесь бессильно.

Крайне лапидарно осветив метод Дж. Де Вита (знакомый ему, как видно, по работе О.А. Кармадонова), Г.Э. Говорухин заключает: *«Очевидно, что наиболее результативным выступает гибрид предложенных методов»* (с. 107). Для кого очевидно, почему очевидно – этого понять невозможно. Этот «гибрид» описан все тем же О.А. Кармадоновым и назван *«транссимволическим анализом»* (с. 107). Последний состоит в том, что *«в ходе исследования делается попытка реконструировать символические комплексы элементов политического пространства»*⁹² *путем ответов на вопросы или заканчивая предложения»* (с. 107). Насчет «заканчивая предложения» понятно. А вот с ответами на вопросы ясности нет. Дело в том, что анкетирование и метод интервью (хоть простых, хоть нарративных) тоже предполагают ответы на вопросы. Так чем «транссимволический метод» в этом смысле отличается от банального анкетирования или интервью?

Далее следует совершенно неожиданный поворот темы. Монография, как мы помним, посвящена власти и властным отношениям в символическом пространстве осваиваемого региона. Регион включает в себя поселения разных размеров и типов. И вдруг Г.Э. Говорухин заявляет: *«В данном случае мы сужаем изначально заявленную тему от символики пространства до символики городского пространства»* (с. 108). Почему? Зачем? С какой стати? Заголовок работы – это определенное обязательство перед читателями. Автор не имеет права от него отказываться. Это все равно, как если бы пассажирам самолета во время полета предложили доплатить за билет: авиакомпания, мол, изменила свои намерения. В обоснование своего шага автор приводит довольно невнятную аргументацию. Дабы не утомлять читателя, не станем

---

⁹¹ Об этом мы уже писали. См. раздел ««Особая специфика» языка и стиля»

⁹² Очередное пространство.

ее цитировать. Насколько можно понять, Г.Э. Говорухин обосновывает свое решение тем, что именно в городе «властные взаимодействия» проявляются в чистом виде. А *«вне городского пространства такого рода взаимодействия могут подменяться межличностными»* (с. 108). Возможно, что это так, мы не знаем. Но данное утверждение должно быть доказано в соответствии с нормами научного исследования. Кроме того, необходимо проанализировать, как соотносятся межличностные и «властные» взаимодействия на селе. Только такой подход соответствует принципам науки.

«Символика городского пространства» уже изучалась А. Чешковой. Она использовала метод, который может быть условно обозначен как *«социально-структурный подход»* (с. 108). Это, конечно, новое слово в науковедении. *Подход* рассматривается Г.Э. Говорухиным как разновидность *метода*. Все другие исследователи понимают подход совершенно иначе⁹³. *«Предложенный метод исследования позволяет, – по уверению автора, – воспользоваться всем перечнем социальных конструктов при изучении нашей проблемы»* (с. 109). В переводе на русский: «этот метод универсален». *«Однако на сегодняшний день в условиях развития постсоветского города еще четко не обозначены контуры иерархической организации пространства <...>. В этом случае использование предложенной методологии в изучении современного российского города целесообразно ограничить лишь практикой анализа материальных объектов...»* (там же). Итак, хотя «социально-структурный метод» позволяет исследовать «весь перечень социальных конструктов», мы ограничимся лишь теми, которые хорошо различимы. Еще одно сужение заявленной темы, причем не менее существенное. *«Вместе с тем, – продолжает автор, – можно выделить исследование собственно культурных образов города»* (там же). Что это за исследование? А это такое рассмотрение городского пространства, которое *«позволяет очертить зону влияния той или иной социальной группы того или иного общества, распространяющего властные позиты на данное пространство»* (с. 110). Хоть мы и не знаем, что такое позит, по-видимому, речь идет о разделе зон влияния между разными воровскими шайками. Наше предположение подтверждается, когда мы доходим до следующей фразы: *«Исследо-*

---

⁹³ Коротко говоря, подход относится к стратегии научного познания, а метод – к уровню тактики.

вания отечественных социологов, построенные по такому принципу, чаще всего, имели отношение к изучению девиантных групп жестко контролирующих свою биотическую нишу» (там же). (Запятая, как вы понимаете, пропущена не нами.) Указанный подход (или метод, автор такие вещи не различает) пригоден и для «рассмотрения культурных образов города» (там же). Что такое культурные образы города, не разъясняется, говорится лишь о том, что «человеческие черты экспонируются на ландшафт городского пространства, а также детерминируются собственно этим ландшафтом» (там же). Адекватный перевод этих откровений на русский язык вряд ли возможен, но речь идет, как можно понять, вот о чем: городская среда оказывает влияние на характер и поведение людей. В пользу такой дешифровки говорит следующая фраза: «Город подчиняет людей свои законам и формирует их желания» (там же). Эта банальная истина истолковывается следующим образом: «Сама модель городского пространства при таких обстоятельствах может быть понята как система властного управления социальной организации людей» (там же). Дополнение здесь должно стоять в творительном падеже («организацией людей»), а не в родительном. Отметим также, что Г.Э. Говорухин склонен везде видеть «руку власти». (Так теолог все зло в мире приписывает проискам дьявола, а стороннику конспирологического подхода к истории повсюду мерещатся заговоры.) Выяснить же, каким именно образом власть влияет на человека, согласно автору, можно с помощью метода нарративных интервью.

«Изучение городского пространства, – продолжает Г.Э. Говорухин, – предполагает осмысление процессов сегрегации людей по месту жительства» (с. 111). Из контекста ясно, что под сегрегацией понимается стихийное разделение определенных категорий горожан по районам проживания. То есть в данном случае, как и во многих других, автор употребляет слово, не зная его настоящего смысла. Понятие сегрегации предполагает элемент принуждения. В «Википедии» дана такая справка: «**Сегрегация** (позднелат. *segregatio* — отделение) — политика принудительного отделения какой-либо группы населения. Обычно упоминается как одна из форм религиозной и расовой дискриминации (отделение группы по расовому или этническому признаку)»⁹⁴. Слава богу, мы до этого пока не дожили.

---

⁹⁴ Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Сегрегация.

По представлению Г.Э. Говорухина, *«власть распределяет людей в различные точки города»* (там же). Грамотный человек написал бы: «власть распределяет людей по разным районам города» (или по разным местам проживания), но не станем предьявлять нереалистичных требований к автору. Умение различать слова «разный» и «различный» – это уже высший пилотаж, который совершенно недоступен человеку, который пишет «большЕнство». Оценим высказывание по сути. В доказательство того, что «власть распределяет людей в различные точки города», желательно предьявить хотя бы одно распоряжение градоначальника или решение городской думы. Поскольку таких документов не существует в природе, постольку мы будем считать, что людей распределяет по разным местам проживания НЕ власть. Процесс разделения социальных групп по местам проживания протекает СТИХИЙНО. Понятие власти у Г.Э. Говорухина теряет свои реальные очертания, становится совершенно бессодержательным, в духе известного сатирического стихика: «Прошла весна, настало лето – спасибо партии за это».

Далее автор пытается конкретизировать методику исследования. Как мы поняли, она такова. Сначала составляется «морфологическая карта города». На ней отражаются городские постройки, автомобильные развязки, автобусные, трамвайные и прочие остановки (с. 115). Чем морфологическая карта города отличается от обычной, не говорится. Что это такое, как она составляется, не сказано. Затем социальная карта накладывается на морфологическую. *«За основу наложения двух карт будет братья принцип производственной активности населения»*, – уточняет автор (там же). Что такое «основа наложения», не сообщается. Тем не менее, он уверен в успехе: *«Определение символической реальности пространства, а также выявление символического пространства власти с использованием предложенной методологии, позволит понять общую структуру регионального кратоса»* (там же). Г.Э. Говорухин поставил лишнюю запятую (после слова «методологии»), спутал методологию с методикой, нас такие вещи уже давно не удивляют. Удивляет то, что он разграничил «символическую реальность пространства», с одной стороны, и «символическое пространство власти», – с другой. До сих пор эти понятия им никак не различались. На этой оптимистической ноте закончился первый параграф.

Во втором параграфе автор возвращается на стезю социальной философии. Первая фраза звучит так: *«Символиза-*

ция организует пространство. Алгоритм этой организации следующий: социальные взаимодействия (интеракции) формируются как социальная рефлексия на процессы окружающей среды и становятся результатом коллективной картины мира» (с. 116). Слово «алгоритм» здесь не к месту, речь идет о последовательности этапов. Слово в скобках ничего не добавляет к смыслу, оно совершенно не нужно. Но разберемся в смысле. Существует социальная рефлексия на процессы окружающей среды. Форма бытия этой рефлексии – социальные взаимодействия. Они – результат коллективной картины мира. Иначе говоря, общественное сознание определяет общественное бытие. Типично идеалистическая позиция, но выраженная крайне витиевато и путано. Выражение «социальные взаимодействия являются рефлексией на процессы окружающей среды» может означать только одно: названные процессы ОТРАЖАЮТ объективные условия общественной жизни, т. е. зависят от них (как копия зависит от оригинала). Но в таком случае социальные взаимодействия не могут быть результатом картины мира, потому что она – феномен сознания. А это уже материалистическая позиция. Надо выбрать что-то одно: социальные взаимодействия – либо следствие влияния окружающей среды, либо – результат действия картины мира. Из-за своего косноязычия автор блуждает в двух соснах, не в силах выйти на правильный путь.

Что такое картина мира, автор нам объясняет по М. Хайдеггеру с привлечением отечественных и зарубежных авторитетов (с. 117–118). В изложении Г.Э. Говорухина дело обстоит так: человечество создало математико-физическую картину мира, а вследствие этого произошло «*формирование определенной модели рационально-технического развития всего человечества и специфического развития социальной системы*» (с. 116).

Читатель заинтригован: каким конкретно образом картина мира связана с социальными взаимодействиями? Но ответа нет. Есть лишь сообщение о том, что в античности физический труд презирался и что Аристотель утверждал «*значимость теоретической деятельности над практической*» (с. 118). Очень оригинальное наблюдение. По крайней мере, с точки зрения формы.

Далее автор конкретизирует свою концепцию символизации. Символизация протекает, как можно понять из изложения, в процессе «коммуницирования» (то есть общения,

по-русски) «актеров». Результатом означенного коммуницирования оказывается не только символизация, но и другие феномены. Их анализ привел Г.Э. Говорухина к выводу о том, что *«между символизацией, коммуникацией и очеловечиванием можно и нужно поставить знак равенства»* (с.120). Пусть читателя не пугает «очеловечивание». Автор просто спутал его с социализацией. Хорошо, примем эту позицию. В таком случае возникает вопрос: а в чем заключается специфика символизации в сравнении с коммуникацией и «очеловечиванием»? На этот вопрос ответа, разумеется, нет. Как нет и внятного ответа на вопрос о том, как выбраться из порочного круга, в который загнал себя Г.Э. Говорухин. Коммуникация у него оказывается результатом коммуницирования.

По каким внешним признакам можно судить о символизации? Ответ автора на этот вопрос таков: *«...Верифицируемыми единицами символического пространства всегда является текст в расширенном понимании, как система вербализованного и не вербализованного ряда знаково-символической реальности»* (с. 120). Запятая перед «как», конечно, лишняя, а «не» желательно писать слитно. К тому же члены предложения не согласованы в числе. Каков реальный смысл утверждения, что единицы символического пространства – это элементы знаково-символической реальности? Если снять с «дискурса» Г.Э. Говорухина всю эту убогую роскошь терминологического наряда, получим опять-таки трюизм: все элементы социальной реальности обладают тем или иным значением (что-то символизируют). В подтверждение приведем такую цитату: *«Более конкретно это выглядит так: любой фрагмент социальных отношений, будь то архитектурные изыски городской застройки или формы организации коммунити, может быть проанализировано в аспекте социальной реальности страны в целом»*⁹⁵ (с. 120).

Конечно, элементы с точки зрения их общественного значения неравноценны. В общественном сознании происходит ранжирование объектов среды по степени значимости. Значимость же определяется, естественно, практикой. На говорухинском языке эта мысль выражена следующим образом: *«...Наиболее значимым способом отражения символизации пространства выступает аспект той реальности, над которой производится преобразовательная деятельность»*

---

⁹⁵ На несогласованность членов данного предложения в роде нами указано в разделе «Д1: глава 2».

ность» (с. 123). Идея верная, но с изначально заявленным солипсизмом никак не сочетающаяся.

Человек в своей практической деятельности окультурирует окружающую среду. Изменение среды в результате практического преобразования Г.Э. Говорухин трактует как «*ста-но-вление пространства*» (с. 124). Об эвристической эффективности подобных лингвистических забав мы уже говорили⁹⁶. В подтверждение своего тезиса автор обильно, «через меру» цитирует Гесиода (с. 124–125), а также блистает познаниями в древнегреческой философии. Если объект среды не представляет практического интереса, то он не привлекает внимания, соответственно, о нем не упоминается в письменных источниках. И наоборот: если в исторических документах нет упоминания о каком-то явлении, то это верный признак малозначительности данного явления. Не бог весть какая глубокая мысль, зато верная. Но Г.Э. Говорухин не может, как обычно, удержаться на позиции здравого смысла, его неповоротливый язык все время заставляет его переступать грань меры. Цитируем: «*Если же пространство не упоминается, то в нем нет тех значимых для собеседника смыслов, которые могли бы быть употребимы в тексте, в свою очередь, это также значит, что это пространство либо не существенно, либо не существует*» (с. 126). Насчет «не существенно», конечно, верно, а вот насчет «не существует» – заблуждение. Всё тот же натужный солипсизм.

Поскольку солипсизм невозможно провести последовательно, постольку автор уже на следующей странице отступает от него: «*В целом условия символизации пространства предопределены деятельностью действующего и преобразующего мир героя, при этом формируя поступки самого героя...*» (с. 127). Здесь имеет место тавтология⁹⁷; деепричастный оборот употреблен неправильно: «условия предопределены, формируя». Всего лишь две ошибки – обычная норма для данного автора. По существу же мысль о том, что наделение объектов среды теми или иными значениями детерминировано практической деятельностью, верна. Далее автор называет значения предметов «*смысловыми штампами*» (там же), а эти последние уже на следующей странице переименовывает в «*символические штампы*». (Мы уже говорили, что с законом тождества у Г.Э. Говорухина очень

⁹⁶ В разделе «Вторая глава Д1».

⁹⁷ Нами выше отмеченная. См. раздел «Вторая глава Д1».

непростые отношения.) Цель таких словесных конвульсий – описание того, как происходило освоение Дальнего Востока. В разряд «штампов» попадают устойчивые представления о «пространстве». *«Это штампы типа таежный край, белые медведи, гуляющие по городу, большие деньги, северные коэффициенты и пр., что либо усиливает, либо ослабляет миграционные потоки»* (там же). (Насчет белых медведей, гуляющих по городу, сказано, конечно, очень сильно. В особенности если учесть, что Хабаровск расположен практически на широте Сочи.) На новом месте переселенец обнаруживает, что медведи по улицам не ходят, и этот факт якобы заставляет его осознать различие между реальным и мифологическим пространством. Для Г.Э. Говорухина тут появляется шанс высказать несколько глубоких сентенций о мифологическом пространстве, чтобы потом, уже на новом витке, вернуться к проблеме «символического освоения региона». Переселенец, убедившись, что стереотипы не соответствуют действительности, отказывается от них. В говорухинском изложении это выглядит так: *«Все три фактора⁹⁸ позволяют составить общий смысловой ряд о пространстве, согласуясь с ожидаемым гносеологическим представлением обывателя. Любой обыватель понимает себе пространство Дальнего Востока, согласуясь, естественно, со своим здравым смыслом. И принимает его в фокусе смысловой конвергенции собственной культуры (пространства), и культуры/ пространства, в которой представления о происходящем осуществляются на глазах и достоверно известны»* (с. 129).

Изменение прежних представлений на говорухинском языке – это *«пересимволизация»* (с. 129–130). Далее идет рассказ о путешествии Одиссея, которое *«проходит подчеркнуто в пространстве мифологическом»* (с.130). С какой стати автор переключился на любимую им античность, нам понять не удалось. За Одиссеем (с. 130–131) следует герой Вергилия Эней (с. 132–133). Потом наступает черед Апулея (с. 133–134), затем в «фокус смысловой конвергенции» попадает Гораций (с. 134), за ним – Павсаний (с. 134 –135) и Тацит (с. 135).

Текст, в котором описывается «мифологическое пространство», оказывается частью этого пространства (с. 135). Интересная мысль. А как быть с рассказом, написанным *после* изображаемых событий? Этого вопроса автор не ставит.

---

⁹⁸ До этого не упоминавшиеся.

На следующей странице он выводит довольно странную «формулу» «символ=объект=пространство». У нас есть сомнения в том, что эту «формулу» можно применить к реальности, но для автора тут проблем нет. Он разъясняет свое откровение так: *«Там, где есть объект, а он по определению символичен, там есть пространство, которое может быть заметно, т. е. существующее»* (с. 136). В общем, все то же берклианское *esse est percipi*. В подтверждение этой, мягко выражаясь, дискуссионной точки зрения, приводится такой аргумент: *«Скажем, населенные пункты, которые хотя бы формально представляют хозяйственное поселение, получают отражение на карте в том случае, когда такая хозяйственная деятельность уже закреплена в реестре социально необходимых действий»* (с. 138). Откровенно говоря, мы не знаем, что такое «социально необходимые действия». Ранее (с. 89) автор включил уголовную братву в «сегменты власти». Действия этой публики являются «социально необходимыми» или нет? Нам ничего не известно и относительно того, кто ведет указанный реестр. Мы не можем предположить, что Г.Э. Говорухин никогда в жизни не видел карты. Дело в том, что на любой карте отражаются *все* населенные пункты, порой даже те, которые уже оставлены жителями. Аналогичным образом, в пространстве существуют *все* предметы материального мира, независимо от того, знает об их существовании человек или нет. Даже если понимать пространство как мир знаков (или образов), то и тогда оно – объективная данность как для отдельного человека, так и для общества в целом. Поэтому допущение «пространства без объектов», которое делает Г.Э. Говорухин на с. 138, реалистично не более, чем допущение бессобытийного времени.

И это вымученное представление о пространстве как субъективной реальности автор пытается развить в излагаемой им концепции «пространства-лакуны». Если перевести на русский язык развиваемое Г.Э. Говорухиным учение о лакуне, получится следующее. Некоторые участки территории «забываются», перестают осваиваться. Тогда возникает «пробел» в пространстве, т. е. лакуна. Лакуна, таким образом, – это забытое, потерянное и потому исчезнувшее пространство. В третьей главе второго издания монографии на основе этого учения проведено целое социологическое исследование. Но в действительности «забытое» пространство, как бы его ни понимать, никуда не исчезает. Оно продолжает объективно существовать, как продолжает объективно существовать вещь, которую человек потерял.

Это касается и «обывателя», и императора. Зачарованный своей ложной верой в субъективность пространства, Г.Э. Говорухин измыслил какое-то «пространство данного императора» (с. 140). Корректно, с научной точки зрения, было бы привести в доказательство какие-нибудь исторические хроники, повествующие о пространстве Тиберия или пространстве Тита. Но таких хроник нет, следовательно, перед нами – пустое умствование. Что было в действительности? Были государства, расположенные на определенной территории. Некоторые из деятелей, возглавлявших государства, оставили яркий след в памяти людей. *«Оценка исторического значения того или иного деятеля, – как совершенно справедливо, но только, по обычаю, коряво, отмечает на с. 140 Г.Э. Говорухин, – определялось с точки зрения того, какие «сооружения» он оставил после себя».* Но для объяснения данного общеизвестного факта вовсе не требуется привлекать идею существования «пространства императора», равно как и всю теорию «символизации пространства».

На с. 142–150 содержится описание этапов заселения пространства, которое он в данном случае отождествляет с освоением. Будем надеяться, что речь идет о хозяйственном освоении, не о символическом. Первый этап – героический. По-говорухински: *«Ожидаемые трансцендентные (мифологические) символические ряды пространства представляют собой обобщенный образ пространства для внешних наблюдателей»* (с. 142). По-русски: «Потенциальные переселенцы смутно представляют себе условия на новом месте жительства».

Второй этап – заселение. По-говорухински: *«Второй шаг приводит к реализации «проекта» окультуривания пространства. Теперь пространство не только осмысливается, что делается с целью поиска «мест оседлости», но формируется, создается»* (с. 145). По-русски: «Отыскав подходящее место для проживания, переселенцы основывают населенный пункт и обустроивают его».

Третий этап – формирование традиций поселения. По-говорухински: *«Традиции поселения четко выражены в хабитуарных (от хабитус Р. Bourdieu, 1990: 52–65) «опривыченных» отношениях человека, готового действовать определенным образом. К числу таких традиций может принадлежать выработанный ритм жизни поселения, система ценностных ориентиров, система ценностных восприятий мест поселения, т. е. все, что могло бы влиять на систему коммуникаций в населенном пункте. Традиции такого рода свидетельствуют о приживаемости актора»*

в границах конкретного пространства и создают формальные, символические условия оседлости населения в этом пространстве» (с. 148). По-русски: «С течением времени люди привыкают к новым условиям, у них вырабатывается определенный ритм жизни, формируются новые традиции и обычаи, что свидетельствует об их успешной адаптации».

В общем, когда удалось сопоставить теорию с реальностью, получили тот же результат: косноязычное изложение общеизвестных истин.

Последний, третий, параграф посвящен, как уже говорилось, «письменному символическому оформлению пространства».

Автор ставит вопрос о «*невербальных – письменных источниках*», которые «*являются каналами трансляции символической реальности*» (с. 152). Свое удивление по поводу «невербальных – письменных источников» мы уже выражали⁹⁹. У нас есть единственное объяснение: автор просто не понимает, что такое вербальный. В качестве одного из таких диковинных источников называется «*официальное письменное свидетельство позиции чиновника*» (там же). Г.Э. Говорухин приводит выдержку из книги генерал-губернатора Приамурского края П.Ф. Унтербергера как пример подобного свидетельства. Пример, правда, неудачный. Генерал-губернатор безыскусно рассказывает о своей деятельности, рассказ носит неофициальный характер. Автор этого не замечает и продолжает упорно строить свою теорию: «*Освоение пространства осуществляется первоначально в результате письменного разъяснения целесообразности такого освоения*» (там же). Конечно, это утверждение не соответствует действительности. Кто разъяснял Ермаку, что нужно покорить Сибирь? Кто мог письменно разъяснить, что «целесообразно освоить» Дальний Восток сотням тысяч неграмотных крестьян? Но Г.Э. Говорухин не желает видеть реальные факты. Он продолжает настаивать на своем: «*Такая практика вполне распространена и закономерна на протяжении всей истории человечества*» (там же). Далее следует заявление, которое даже нет смысла комментировать: «*Само пространство предопределяет условия возникновения письменности, и опять-таки, как следствие, – появление привилегированного класса людей, способного писать*» (там же).

«Очевидно, – заявляет автор, – что по тому, как передана информация, будет восприниматься современниками и по-

---

⁹⁹ В разделе «Особая специфика» языка и стиля».

томками стратегия правления настоящего главы государства, определяться стратегия его режима» (с. 153). Надо полагать, что содержание информации второстепенно, равно и как реальное содержание деятельности «настоящего главы государства».

Следующий тезис: *«Формирование языка, а главное, создание самого способа письменной передачи информации, становится результатом адаптации населения к окружающему пространству»* (с. 154). Что такое «способ письменной передачи информации»? Письменность – это и есть способ закрепления и передачи информации. Интересно, а как обстоит дело в бесписьменных и дописьменных культурах – там население не адаптировалось к «окружающему пространству»?

Дальше еще интереснее: *«Для всякого, кто имеет доступ к письму (здесь важен не только тот, кто пишет, но и читает) понятен формальный принцип организации пространства»* (с. 154). Это конечно, некоторое преувеличение. Вот мы, например, «имеем доступ к письму», но «формальный принцип организации пространства» нам непонятен, ибо мы не знаем, что это такое. И автор никаких разъяснений не догадался дать.

С. 155: *«Собственно, понимание того, что переселенца ожидает в новых условиях, становится доступным именно в границах письменного пространства»*. Мы думали, что запас пространств у Г.Э. Говорухина уже иссяк. Оказывается, мы ошибались. Но если говорить по существу, то неграмотные переселенцы прекрасно понимали, что их ожидает после переселения. Неграмотность, конечно, ограничивает возможности человека, но не до такой же степени!

С. 155: *«...Только авторитет института власти делает «прописанною» действительность достоверной вне ситуации лицом к лицу»*. Тут, конечно, грубая грамматическая ошибка. Следовало: «прописанную». Перевод на русский: «Предписания действуют, потому что они опираются на авторитет государства». Верно, но лишь отчасти. Главное – не авторитет, а сила государства. Если государство ею располагает, оно обладает способностью заставить людей подчиниться своей воле. Авторитет при этом не так уж обязателен.

С. 156: *«Общая идея переселения людей на Дальний Восток сводилась к политическим причинам»*. По-русски: «Россия при освоении Дальнего Востока руководствовалась, в первую очередь, соображениями политического поряд-

ка». Тоже верно отчасти. Россия делала большие вложения в Дальний Восток в расчете на прибыль в будущем.

С. 157: *«Альтернативой политической символики освоения региона становится предложение об экономической целесообразности всего Дальнего Востока»*. Перевод: «Ценность Дальнего Востока для России должна определяться не только его геостратегическим положением, но и вкладом в экономику страны». С этим утверждением нельзя не согласиться, однако следует помнить, что для подъема экономики Дальнего Востока на должный уровень требуются значительные средства и силы.

С. 160: *«Хотя вся атрибутика поселений региона повторяет общие идеологические штампы типичного городского пространства России, общие принципы российской социальной и хозяйственной специфики в регионе мало отличаются от специфики других районов»*¹⁰⁰. Адекватный перевод невозможен в силу неадекватности самого текста. Можно перевести лишь фрагменты. Фрагмент первый: «Все топонимы дальневосточных городов аналогичны топонимам других городов России». Фрагмент второй: «Экономика Дальнего Востока мало отличается от экономики других регионов». Первый фрагмент – констатация общеизвестного факта. Со вторым не так просто. Весь вопрос в мере. С какого момента различия становятся существенными? Поскольку это никак не разъяснено, суждение оказывается неопределенным.

На с. 161 излагается концепция Д.Н. Замятина, который исследовал процесс включения Россией новых территорий в свой состав. Он предложил такую идею: царская власть, присоединив к стране новый регион, применяла испытанные формы и приемы управления, адаптируя их к новым условиям. Идея здравая, ее детальное обоснование – несомненная научная заслуга названного автора. Г.Э. Говорухин предлагает применить концепцию Д.Н. Замятина к истории освоения Дальнего Востока. Возражений нет. Другой вопрос – как это сделать.

На последних двух страницах Г.Э. Говорухин возвращается к своей теории «лакун». Лакуна – это территория, которая *«не является учтенной государством»* (с. 162). *«Такое пространство находится вне поля легитимной хозяйствен-*

---

¹⁰⁰ Эта фраза нами уже цитировалась и комментировалась в разделе «Вторая глава Д1».

ной деятельности человека» (с. 163). Фактически речь идет вот о чем. Когда Дальний Восток был присоединен к России, ей пришлось столкнуться на своей территории с общинами корейцев и китайцев, которые не желали подчиняться российскому закону. Государству пришлось наводить порядок: часть корейцев и китайцев переселить в Китай, часть подчинить своей власти. Это, по Г.Э. Говорухину, есть не что иное, как *«ликвидация пространственных лакун»* (там же). На этом завершается параграф и вместе с ним вторая глава. Никаких общих выводов не делается. Г.Э. Говорухин и тут проявил оригинальность: в конце первой главы выводы сформулированы, а во второй их нет. Впрочем, было бы странно ожидать иного.

Общее впечатление от главы.

В главе имеется два уровня «дискурса»: социально-философский и социологический. Первый связан с желанием сформулировать оригинальную концепцию пространства, второй состоит в изложении «теории символического освоения» Дальнего Востока. Понятие пространства у автора «амбивалентно»: то он понимает под пространством мир созданных человеком знаков и образов, то просто территорию. Поскольку сам автор не отдает себе отчета в принципиальной несовместимости таких трактовок, постольку чтение превращается для читателя в разгадывание ребусов. Г.Э. Говорухин пытается сформулировать и провести в рассуждениях солипсистскую трактовку пространства как субъективной реальности, но постоянно соскальзывает с нее, делая уступки здравому смыслу либо в форме признания пространства реальностью интересубъективной, либо в виде перехода на позиции обыденного сознания (отождествление пространства и территории).

Результат такой путаницы — смешение двух несовместимых представлений об освоении пространства. Г.Э. Говорухин трактует освоение то как «символизацию», т. е. означивание, то как практическое овладение территорией.

Социологические рассуждения в тех случаях, когда их удастся соотнести с действительностью, представляют собой либо изложение общеизвестных истин, либо поспешные или сомнительные обобщения. Всю свою теорию автор строит на одном-единственном примере освоения территории, совершенно игнорируя мировой опыт.

II.4 Д2: Глава 2, §§4 и 5

Во втором издании монографии (Д2) Г.Э. Говорухин добавил во вторую главу два параграфа – четвертый и пятый. Принципиального значения они не имеют, но мы обязаны их разобрать. Раз мы поставили задачу проанализировать *весь* текст диалогии, поступить иначе означало бы нарушить требование научной добросовестности.

Посмотрим внимательно на заголовок четвертого параграфа: «Формирующаяся система новой социальной реальности в географии удаленного пространства Дальнего Востока». Обращает на себя внимание тот факт, что в нем употреблено два однокоренных слова. Но и это не все. Автор не чувствует разницы между словами «удаленный» и «отдаленный». В данном контексте слово «удаленный» не подходит, нужно было поставить «отдаленный». А выражение «география пространства»? Разве по-русски так говорят?¹⁰¹ Три стилистических ляпа в заголовке! А ведь заголовок – далеко не рядовой элемент текста.

В начале четвертого параграфа утверждается: *«Заселение Дальнего Востока на протяжении почти трехсот лет осуществлялось за счет схемы волновой миграции»* (с. 187). По-русски: «Миграция населения на Дальний Восток на протяжении трехсот лет носила волнообразный характер». Пожалуй, это верно.

Следующий тезис: *«Еще до периода так называемого политического освоения территории Дальнего Востока, в том числе и Хабаровского края, переселенческие потоки осуществлялись как походы за природными ресурсами»* (там же). Если вычесть мифическое «политическое освоение Дальнего Востока», то можно согласиться с тем, что «переселенческие потоки осуществлялись как походы за природными ресурсами» (пушиной серебром, золотом, рыбой).

С. 188: *«Как мы это видели раньше, интенсивное заселение территории Дальнего Востока идет в рамках освоения пустующих земель»*. «Раньше» автор спутал с «ранее», но по существу возражений нет: заселение действительно шло, выражаясь высоким штилем Г.Э. Говорухина, «в рамках освоения пустующих земель». Далее на протяжении пяти

---

¹⁰¹ География – землеописание, т. е. ее задача – описание земной поверхности. А пространство, в отличие от поверхности, не двухмерно, а трехмерно.

страниц автор приводит исторические сведения о том, как конкретно происходило заселение Дальнего Востока. Для социологического сочинения они слишком подробны, для историка же не представляют интереса из-за их вторичности. На с. 193 встречаем некоторое социологическое обобщение: *«Переселение крестьян становится важным фактором по маркированию территории, но это также означает выстраивание принципиально новой коммуникативной среды в хозяйственных практиках людей. Как следствие – формирование иной символической системы в пространстве, отдаленном¹⁰² от мест переселения»*. Слово «маркирование» здесь не к месту, потому что оно означает «нанесение знаков». Принципиальный вопрос здесь состоит в следующем: «формирование символической системы в пространстве» – это следствие «хозяйственных практик» или результат воздействия «коммуникативной среды»? Проще говоря: крестьяне выработали образ новой реальности в процессе практики или в результате «дискурса»? Поскольку автор не понимает философской сути проблемы, его представление о предмете оказывается противоречивым и путаным.

Так, на с. 195 дается такой ответ на вопрос: *«...Земля и все практики, связанные с ней, являются возможным способом артикуляции символической логики освоения территории»*. Если очистить эту фразу от лишних деталей, получится выражение «земля есть способ артикуляции логики». Картина вырисовывается такая: логика артикулирует нечто, и это действие проходит в форме земли (и связанных с ней практик). Но артикуляция – это действие, совершаемое человеком и только человеком, а логика – вещь безличная. Земля же ни при каком напряжении фантазии не может считаться способом совершения действия. Но что касается земледелия (это, надо полагать, и есть столь невнятно обозначенная «связанная с землей практика»), то оно, конечно, является способом. Только не артикуляции логики, а обеспечения людей продовольствием. Что такое символическая логика освоения территории, в чем она заключается, автор не посчитал нужным нам объяснить. Судя по всему, он не различает понятий «логика символического освоения» и «символическая

---

¹⁰² Здесь автор не ошибся. В других случаях он не мог справиться с задачей различения паронимов «удаленный» и «отдаленный». О чем это говорит? О том, что он не имеет ясного представления о различии указанных слов. Иногда ему удается случайно угадать правильный ответ.

логика освоения». «Артикуляция логики» – вычурная красноречивость. Вероятно, Г.Э. Говорухин на своем новоязе хотел выразить такую мысль: «Практика земледелия формирует представления (крестьян) об окружающей действительности». Утверждение справедливое, хоть и не новое. Но провести эту идею последовательно автор не способен. Так, он заявляет: *«...Освоение Дальнего Востока осуществлялось за пределами земледельческих смыслов позитов. Земля не становится тем единственным ценным продуктом символического обмена переселенцев, который позволяет артикулировать глубинные смыслы в освоении территории»* (с. 198–199). Толкование этой фразы затруднено претенциозностью формы. В читателя вновь выстреливают «позитом» и пытаются охмурить его «артикулированием». Мы понимаем этот фрагмент следующим образом: крестьяне прибывали на Дальний Восток, чтобы «символически освоить» территорию, исходя из своего крестьянского мировосприятия, в котором земля представляла собой главную жизненную ценность. Однако на новом месте условия были иными, поэтому переселенцы стали осваивать территорию, отказавшись от своего крестьянского мирозерцания. Получается, таким образом, что практическая деятельность – результат приложения «символической реальности» (что бы под ней ни понималось) к «физической реальности», а не наоборот.

На протяжении параграфа автор на своем диалекте повествует о том, как на Дальний Восток переселялись крестьяне из центральных губерний России, вслед за ними горожане, как приходилось заселять территорию подневольными людьми (ссыльными и каторжанами). Все эти сведения представляют известный интерес, но их гораздо проще получить из исторической литературы.

Г.Э. Говорухин, однако, упорно пытается втиснуть свое изложение общеизвестных фактов в прокрустово ложе «теории символизации», что вызывает у читателя идиосинкразию. Простые, понятные, давно известные вещи излагаются как некая глубокая истина, добытая автором в результате многотрудных размышлений. Это несоответствие формы и содержания порождает комический эффект. Судите сами: *«Новые условия проживания требуют смены структураций (в терминологии Э. Гидденса) и создания целого комплекса правил, «хабитуализирующих» («опривычиваемых») жизнь человека в новых условиях, что приводит, прежде всего, к смене*

кодифицированных установок повседневности прибывшего населения» (с. 205). А теперь попробуйте произнести «опривычиваемых» без запинки. Обратите также внимание на то, что автор действительное причастие «хабитуализирующих» подменил страдательным причастием «опривычиваемых». И с какой стати автор вспомнил о структуриации? Да только для того, чтобы блеснуть знанием Гидденса. Мы в восхищении от эрудиции автора, но какое новое содержание несет в себе в данном случае понятие структуриации? Что оно добавляет к смыслу сказанного? Из контекста достаточно отчетливо видно, что автор ведет речь о смене традиций, норм, которые регулировали жизнь людей до переселения.

Каков, в сущности, предмет «дискурса» в параграфе? Мы узнаем, что поначалу на Дальний Восток прибывали искатели приключений и любители легкой поживы. Государство не обращало на это никакого внимания. Потом оно осознало, что доставшиеся новые земли можно потерять, если их не заселить русскими. С этого момента процесс становится регулируемым. На первых порах переселяли крестьян, что вполне объяснимо: в крестьянское сословие входило 90 процентов населения дореволюционной России. Новые условия хозяйствования были для крестьян непривычны, что заставляло многих из них сменить вид деятельности: из землепашцев стать рыбаками, охотниками и золотодобытчиками. Крестьян для достаточно плотного заселения территорий не хватало, поэтому царской власти пришлось пойти на экстраординарные меры – переселять «лихих» людей – каторжников и ссыльных. (На говорухинской фене: *«Население, выпавшее из нормальной практики социальных отношений, становится главным участником переселенческой политики»* (с. 204)).

В советское время был взят курс на индустриализацию, что привело к изменению социального состава переселяемого народа: на Дальний Восток стали прибывать жители городов центральной части СССР. Они несли с собой груз старых привычек и навыков, однако постепенно адаптировались к новым условиям. Поскольку переселенцы продолжали прибывать, постольку процесс адаптации затягивался. Переселенцы принадлежали к разным слоям, национальным и культурным общностям, что приводило к исключительной культурной пестроте. На наречии Г.Э. Говорухина: *«Дальневосточный регион представлял собой перманентное напластование символических штампов. Как следствие – не воз-*

никает единой идеологической программы региона» (с. 207). Внимательный читатель сразу же поставит вопрос: а в каком регионе такая «единая идеологическая программа» существует? И вообще что это такое – идеологическая программа региона? Ни у одного другого автора такого понятия вы не найдете. Причина проста – эти авторы понимают, что такое идеология.

В сущности, вся «теория символического освоения пространства» сводится к перемене этикеток. Культурные стереотипы, традиции, привычки переименованы в «символические ряды». Соответственно, изменение этих традиций, стереотипов, привычек – называется пересимволизацией. Кому не известно, что люди на новом месте продолжают мыслить, чувствовать и действовать по-старому? Инерция мышления – факт общеизвестный. Кому не известно также, что опыт – лучший учитель? Практика вносит коррективы в привычные представления, заставляет вырабатывать новый взгляд на вещи, соответствующий новым реалиям. Это касается всего, с чем человеку приходится иметь дело, в том числе и территории. Г.Э. Говорухин постоянно смешивает понятия территории и пространства, что мешает увидеть тривиальность его суждений.

Текст обнаруживает типичный признак подмены науки идеологией: морализирующую критику. Так, на с. 199 читаем о советской индустриализации: *«Города становятся побочным продуктом индустриализации, «среды» производства, инструментом достижения идеологически порожденных целей государства»*¹⁰³. Разве индустриализация – «идеологически порожденная» цель? Попытки индустриализации предпринимались еще в царской России, но безуспешно. Большевикам досталась страна, которая по уровню своего технического развития отставала от передовых стран Запада на сто лет. Над Советским Союзом висела угроза войны с мощным противником, вооруженным по последнему слову мировой науки и техники. Только ураганная индустриализация давала шанс на спасение. Именно такая индус-

---

¹⁰³ За этой фразой в скобках стоит: «Население, 2001:204». Смотрим в библиографический список. Находим: «187. Население России в Х веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т 2. 1940–1951. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2001. – 416 с. 188. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т 3, кн. 1. 1960-1979. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2001. – 304 с.» Так к какому источнику отсылка: № 187 или № 188?

триализация и была проведена в СССР. Она потребовала невероятного напряжения сил и средств. Да, в первую очередь строили заводы, а уж потом – города при них. Но это вытекало не из идеологических установок коммунистов, а из жесткой необходимости за десять лет пробежать историческую дистанцию в целый век. Автор сообщает нам мелкие подробности, без которых вполне можно обойтись. На голову читателя обрушивается масса цифр и мелких фактов, которые не помогают, а мешают осмыслить картину в целом. А вопросы главные, принципиальные, фундаментальные им неизменно обходятся.

Мы не отрицаем правомерности изучения культурной адаптации переселенцев, в том числе и адаптации к новой географической среде. Вполне возможна теория, раскрывающая закономерности формирования переселенцами новой топонимики. Но создавать эту теорию должны люди, которые понимают, где нужно написать «разный», а где – «различный», где «удаленный», а где – «отдаленный».

Пятый параграф назван ««Проточность» культуры как способ социального закрепления пространства». Заголовок, надо сказать, не без греха. Во-первых, заключать слово «проточность» в кавычки не нужно, т. к. слово употреблено в прямом смысле (ибо оно относится не только к воде). Кроме того, понятие «социальное закрепление пространства» не соответствует предмету, о котором ведется речь в тексте. На самом деле в параграфе говорится о закреплении населения на определенной территории. Понятие «социальное закрепление» предполагает, что существует еще «экономическое закрепление», «политическое закрепление», «духовное закрепление». Чтобы не вызывать ложных ассоциаций, автору следовало сформулировать заголовок в соответствии с фактическим содержанием параграфа.

Именно такое, а не иное название ориентирует читателя определенным образом. Он ожидает, что автор 1) раскроет содержание понятия «проточность культуры», 2) обоснует тезис о том, что культура дальневосточников соответствует критериям проточности, 3) сравнит эту культуру с культурой жителей других регионов России, 4) охарактеризует способы закрепления населения на определенной территории, 5) докажет, что проточность культуры – это как раз тот способ закрепления населения, который был применен на территории Дальнего Востока. Вот тогда задачу параграфа можно было бы считать выполненной.

Но что мы видим в действительности?

Автор рассказывает о формировании *«штампов организации пространства»* (с. 208). Под «организацией пространства» понимаются, вероятно, методы управления регионом. *«Такие штампы, – пишет Г.Э. Говорухин, – выступают как своего рода клише, которые переносятся на те или иные регионы и страны при выборе собственных способов управления»* (с. 208). Автор переименовал штамп в клише и полагает, что таким образом дал определение понятия «штамп». Мысль о том, что принципы и методы управления, доказавшие свою эффективность в одном регионе, переносятся на другой, не нова. Она обоснована Д.Н. Замятиным на богатом фактическом материале. О концепции Д.Н. Замятина автор диалогии писал во второй главе первого издания монографии. В Д2 изложение идей Д.Н. Замятина перенесено в другое место. Опираясь на теорию Д.Н. Замятина, Г.Э. Говорухин пытается конкретизировать, каким образом происходило формирование «организации пространства» в Дальневосточном регионе. О своих намерениях он сообщает так: *«Несмотря на излишнюю макроисторичность, замятинская модель может рассматриваться как отправной фактор для организации властного взаимодействия региона»* (с. 211). (Заметьте: не для изучения того, как организовано «властное взаимодействие», а для организации самого этого взаимодействия. Да и отправным может быть только пункт, но не фактор.)

И вот, «отправляясь от этого фактора», Г.Э. Говорухин рисует такую картину: власть реализует определенную модель управления территорией, а население *«корректирует»* ее *«согласно привычным для него схемам»* (с. 212).

А если произошла смена власти? Такая смена *«формально приводит к изменению сложившихся комьюнити в регионе (таких как личные сетевые взаимодействия отдельных представителей различных ветвей власти с людьми входящими в эти сети), а значит – разрушению таких комьюнити»* (с. 212). Пропущено две запятые и предлог «к». Две ошибки и одна описка – степень безграмотности в пределах нормы. Зато мы узнаём, что такое «комьюнити». Оказывается, это «сетевые взаимодействия отдельных представителей ветвей власти с людьми, входящими в эти сети». Существует три ветви власти: исполнительная, законодательная и судебная. Таким образом, получается, что разрушается связь отдельных судей с некоторыми адвокатами, депутатов

со своими помощниками и чиновников между собой. Но это – если вкладывать в понятие «ветвь власти» общепринятый смысл. У Г.Э. Говорухина же слова означают совсем не то, что у остальных людей. Так, в первой главе Д1 он назвал светскую и «религиозную» (т. е. церковную) власть – двумя ветвями власти (с. 44). Что он понимает под «ветвью власти» в данном случае, сказать трудно. Нелегко также уразуметь, что означает выражение «формально приводит».

Оставив этот сюжет, Г.Э. Говорухин переходит к вопросу о том, каким образом центральная власть управляет территорией. «*Управление территорией центральной властью, – пишет он, – осуществляется в двух направлениях. Первое: опосредованно, с помощью контроля над пространством. <...> Второе: прямо, через применение активных действий собственно самой власти*» (с. 212–213). (Изящество стиля мы предлагаем читателю оценить самостоятельно.) И чтобы мы поняли эту сложную мысль, нам предлагается графическая схема.

Далее идет изложение тезиса, принципиального для теории автора: «*Власть определяет возможные формы освоения территории, однако контроль за этой территорией не осуществляет*» (с. 213). Итак, власть (вероятно, центральная: автор этого не уточняет) определяет формы освоения территории, но ее не контролирует. Как это понимать? А так, что «*власть лишь наблюдает за переселенцами, контролируя их деятельность, замечает ландшафтные особенности пространства по перемещению населения*» (с. 214). Интересно, где Г.Э. Говорухин видел столь созерцательно настроенную власть? А кто тогда налоги взимает? Кто преступников ловит? Или власть настолько очарована «*ландшафтными особенностями пространства*», что ей до таких пустяков дела нет? И как совместить содержащееся на с. 213 утверждение, что власть «*НЕ осуществляет контроль за территорией*», с тезисом на с. 214, гласящим, что власть *контролирует* деятельность переселенцев?

Насколько удастся понять, автор предлагает такое соломоново решение: «*Применительно к ситуации Дальнего Востока можно говорить лишь о локальном контроле территории властными структурами*» (с. 214–215). Таким образом, нам на выбор даны три утверждения: 1) власть не контролирует территорию, 2) власть контролирует территорию, 3) власть контролирует лишь отдельные участки территории.

Каждый может выбрать точку зрения по своему вкусу.

Затем автор пишет следующее: *«В процессе освоения Дальнего Востока, как и любого другого пространства, возникают механизмы, которые позволяют маркировать символическую реальность пространства. Эти механизмы, прежде всего, ориентированы на прописывание только хозяйственно полезных участков пространства»* (с. 215). «Маркировать символическую реальность пространства» в переводе на русский означает «давать названия природным объектам». Утверждение верно лишь частично – фактически названия получают все объекты, имеющие значение для практики. Например, такой топоним, как «Долина смерти», обозначает природный объект, который вряд ли относится к числу «хозяйственно полезных».

На с. 217 внимание читателя привлекает такая сентенция: *«Наиболее эффективным способом осуществления контроля над осваиваемым пространством (территорией) становится налаживание властью символического взаимодействия (формирование единых правил игры) с населением»* (с. 217). Данная фраза примечательна тем, что в ней автор проговаривается. Как мы уже давно поняли, под пространством он понимает чаще всего территорию, а под «символическим взаимодействием» – юридические и иные нормы, регулирующие общественную жизнь. А все это камлание по поводу всяческих пространств, которое мы наблюдали в Д1, вся эта терминологическая бижутерия, коей автор украшает свою «теорию символизации пространства», – пускание пыли в глаза, ничего более.

Сама же мысль о том, что власть создает законы, по которым живет народ, верна, хоть и не слишком оригинальна.

На с. 217–219 Г.Э. Говорухин излагает свою *«схему взаимодействия символики и управления, а также управления и символической реальности»*. Что с чем взаимодействует, из названия понять трудно, но фактически речь идет о том, как государство устанавливает свои порядки в регионе нового освоения. Затем приводятся подробные сведения из работ по истории о том, как этот процесс проходил на Дальнем Востоке России.

Вывод из приведенных фактов таков: *«Особенностью заселения Дальневосточного региона становилась постоянная миграция, которая артикулирует уникальные возможности организации пространства и, как следствие, уникального штампа управления пространством»* (с. 222). Мы

уже знаем, что слово «артикулировать», как и многие другие слова, автор понимает в своем собственном, единственном и неповторимом, смысле, который не выводится из контекста. Общей смысл утверждения, однако, в данном случае удается уловить: «Дальневосточный регион уникален, поскольку на его территории постоянно происходит миграция населения. Это обстоятельство приводит к тому, что система управления регионом приобретает черты уникальности».

Тезис об уникальности Дальневосточного региона требует доказательств. Оно может быть получено только одним путем – через сравнение с другими регионами страны. Но автор этого не делает, предлагая нам поверить ему на слово.

Далее идет утверждение, которое нельзя оставить без внимания: «*Вполне понятно сходство ситуации с миграционными процессами в Европе сегодняшнего дня (вопрос вчерашних гастарбайтеров во Франции начала 2000 гг.) – то, о чем говорит И. Валлерстайн, и общей тенденцией пополнения численности населения Дальнего Востока*» (с. 222). Вполне понятно, что автор абсолютно ничего не понимает в ситуации в современной Франции. Во Францию приезжала дешевая рабочая сила из бывших французских колоний. Это были люди совершенно иной культуры, и им доставалась низкооплачиваемая и грязная работа. На Дальний Восток прибывали граждане из других регионов страны, привлеченные возможностью более высоких заработков. Многие переселенцы обладали высокой квалификацией и не имели повода жаловаться на условия жизни и труда. Какие тут могут быть параллели? Да, Дальний Восток заселялся порой и людьми подневольными, но они не были иностранцами. Они прибывали на Дальний Восток не под давлением нужды, а по принуждению государства.

Г.Э. Говорухин оговаривается, что в освоении Дальнего Востока «*есть и своя специфика*» (с. 222). В чем она состоит? Да в том, что «*вытеснение маргинальных элементов из центральной части России осуществляется при непосредственном контроле государства*»¹⁰⁴ (с. 222–223). Получается, таким образом, что во Франции «вытеснение маргинальных элементов» происходило без давления со стороны

---

¹⁰⁴ Здесь автор отсылает к работе В.В. Свидерской «Демографическая политика советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е годы XX века): Дисс. ...канд. ист.наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2003. – 203 с.

государства, а в России и Советском Союзе – посредством принуждения. Колониальная держава, какой на протяжении нескольких веков была Франция, оказывается в своей политике куда более гуманной, чем Россия, которая никогда не имела колоний (в европейском смысле слова) и которая вложила гигантские средства в развитие окраин. Очень патриотичная позиция.

Автор находит еще одну «специфическую отличительную черту»¹⁰⁵ Дальневосточного региона» (с. 223). Она состоит в том, что новые города строились поблизости от источников ресурсов¹⁰⁶ (там же). В чем тут «специфическая отличительная черта», понять трудно. А в Канаде города строятся где попало? А место для Магнитогорска было выбрано произвольно?

Далее автор сообщает нам о том, что в советское время население Дальнего Востока пользовалось определенными льготами. Из этого факта, делается вывод, что *«маргинальное население, направляемое на новые земли, не являлось гастарбайтерами, а представляло собой слой вахтовиков, поселение которых на данной территории было явлением»*¹⁰⁷ временным» (с. 224). Оцените грациозность конструкции: «население не являлось, а его поселение было явлением». Мы уже имели возможность отметить, что автор демонстрирует здесь полное непонимание того, что такое вахтовый метод работы¹⁰⁸.

Далее автор констатирует, что миграционные потоки накатывали на Дальний Восток подобно волнам. Государство привлекало на Дальний Восток специалистов высокой квалификации – инженеров, конструкторов, ученых. Без них регион не мог бы динамично развиваться. Об этих специалистах Г.Э. Говорухин пишет на своем уникальном сленге: *«Представители новых миграционных потоков находились ближе к сакральной трансляции позитов ментальных оснований общества центральной части страны»* (там же).

Поскольку часть населения все-таки не закреплялась на отдаленной территории, постольку существовало два потока миграции: прямой и обратный. Такая особенность Дальне-

---

¹⁰⁵ Обойтись без плеоназмов автор не может.

¹⁰⁶ Со ссылкой на работу Дж. Берлинера «Советское прошлое и российская экономическая трансформация»// Экономическая история: Ежегодник. 2003. – М: РОССПЭН, 2004.

¹⁰⁷ Так в тексте – Р.Л.

¹⁰⁸ См. раздел «Еще раз о языке и стиле».

восточного региона и называется в диалогии проточностью. Но если в заголовке употребляется вполне разумный термин «проточная культура», то в тексте говорится уже о «проточном пространстве». Честно сознаемся, мы пытались представить себе текущее пространство, но у нас ничего не получилось. Наверное, из-за недостатка воображения.

Нам обещали показать, что проточность культуры является способом «социального закрепления пространства», но в итоге мы узнали лишь то, что пространство Дальнего Востока является проточным. Эту новость трудно считать свежей.

Общее впечатление: автор слабо представляет себе предмет своего «исследования». С некоторыми высказываниями можно согласиться, но это всегда общеизвестные истины. Другие суждения демонстрируют полное непонимание вопроса. Так, совершенно произвольна параллель между ситуацией в современной Франции и в постсоветской России. Автор не понимает, что такое вахтовый метод работы. Неведом ему также смысл социологического термина «маятниковая миграция» (с. 225–226). (Об этом мы писали в другом месте¹⁰⁹, не стали повторяться.)

Итог: тезис о том, что проточность культуры способствует «социальному закреплению пространства», не доказан.

II.5 Д2: Глава 3

Название первого параграфа «Незаполненное пространство осваиваемого региона. Пространственные лакуны». Поскольку Г.Э. Говорухин писать грамотно органически неспособен, подумаем, какие ошибки он допустил на этот раз. Одна ошибка видна, что называется, невооруженным глазом. Лакуна – это не что иное, как незаполненное пространство. Поэтому вторая часть заголовка повторяет первую. Но одной ошибки в заголовке автору мало, он делает и вторую. Выражение «пространственная лакуна» – типичный плеоназм, поскольку понятие «лакуна» уже содержит в себе отсылку к понятию пространства¹¹⁰.

После приведения рассуждения автора в более или менее пригодный для чтения вид мы получаем следующую цепочку умозаключений. Если государство приобретает какую-то

---

¹⁰⁹ См. там же.

¹¹⁰ На что мы уже указывали в разделе «Еще раз о языке и стиле».

новую территорию, то на нее необходимо распространить действие существующих законов и правил. Государственный аппарат должен иметь ясное представление о новом приобретении: реки, озера, горные хребты, леса, болота и т.п. – все это нужно нанести на карту, и каждому представляющему интерес объекту требуется дать название. То же касается и объектов искусственного происхождения: сел, городов, улиц площадей, парков и т.д. У Г.Э. Говорухина эта мысль выражена так: *«Освоение территории (пространства) становится формой включения этой территории-пространства в реестр четких правил того государства, силами которого идет освоение»* (с. 229).

Попутно (на с. 229) упоминается работа В.Н. Савенковой, посвященная топонимике Комсомольска-на-Амуре. Нам труды В.Н. Савенковой хорошо знакомы. В 2003 году мы готовили отзыв ведущей организации на ее кандидатскую диссертацию «Дискурс власти в формировании городского пространства (на примере г. Комсомольска-на-Амуре)». По нашему мнению, названная работа представляет собой пример продуктивного заблуждения. Мы категорически не согласны с основными идеями диссертации, но с чистой совестью, без малейших колебаний и сомнений дали положительный отзыв на нее¹¹¹.

Аспирант должен уяснить для себя вот что: если он убежден в собственной правоте, ему не следует отступать от своих позиций. Нельзя подстраиваться под чужое мнение. Оружие ученого – факты и логика. Одно дело – согласие или несогласие с вашей точкой зрения. Другое – мнение о вашей научной квалификации. Диссертационный совет не решает научные вопросы по существу. В науке вообще не существует никаких официальных органов, которые имели бы такие полномочия. Если вы сможете показать, что обладаете необходимыми познаниями, способны самостоятельно ставить и решать научные проблемы, умеете доказывать свою точку зрения, анализировать критические замечания и давать на них аргументированный ответ, то успех на защите вам гарантирован.

Конечно, ждать разъяснений насчет того, что это за «реестр четких правил» (кем он ведется, по каким принципам, где можно с ним ознакомиться и т.п.), от Г.Э. Говорухина не приходится. От «реестра правил» автор переходит к «еди-

---

¹¹¹ Помещен в приложение.

ной коммуникативной сети государства» (с. 230). Каждый географический объект наделяется «смысловыми значениями» (по-русски – получает название). Создание топонимов свидетельствует о том, что данный объект выделен из ряда ему подобных. На говорухинском языке: «*Так возникают топонимы, появление которых означает, что человек уже знаком (и включил в свой символический ряд) с конкретными объектами*» (с. 231; выделено нами – Р.Л.). (Грамматическую несогласованность оставляем без комментариев.)

Дальнейшие рассуждения воспроизведем по оригиналу: «*На карте – в едином реестре символических агломераций – такие объекты выступают топонимическими точками. Вокруг таких точек создается целый комплекс осмысливаемых вербализованных объектов, которые имеют большое значение в социальных отношениях переселенцев. Скажем, деятельность человека выстраивается на определенном пространстве от точки А до точки В, между этими точками существует территория, которая и осваивается человеком. Если такая территория анонимна, то территория не освоена. И в этом случае известно, освоено не пространство между конкретными точками, а лишь те места, которые обозначены как «А» и «В». Если у такой территории есть названия, т. е. обозначения, которые свидетельствуют как минимум о том, что человек ее разведкал (иначе говоря, было какое бы то ни было присутствие человека на территории), то такая территория становится известной. В таком случае географические объекты наделяются определенными социальными смыслами и приобретают вид какого-то знака, указывающего на эти смыслы*» (там же). Выражение «**было** какое **бы**¹¹² то ни **было** присутствие» – еще один говорухинизм, причем весьма колоритный. Обращает на себя внимание также то, что в одном случае автор считает, будто между точками А и В существует *пространство*, а в другом – *территория*. Выразиться правильно, т. е. сказать, что между точками имеется *промежуток*, автор никак не желает. Мы уже имели возможность убедиться в том, что одно из неотъемлемых свойств говорухинского «дискурса» – употребление слов без понимания их смысла. *Объект* – это нечто такое, что нельзя вербализовать. Вербализовать можно только *смысл*. Следовательно, выражение «вербализованный объект» – типичный оксюморон. «Верба-

---

¹¹² Частица «бы» – исторически тоже форма глагола «быть».

лизованный объект» – фантом, возникший вследствие чрезмерной любви Г.Э. Говорухина к хорошему иностранным словам. И уж «осмыслить» сие уродливое дитя может только его отец. Остальным такая задача не под силу. Заметим попутно, что выражение «анонимная территория» – тоже изобретение Г.Э. Говорухина, который не понимает различия между анонимностью и отсутствием имени (или названия). Аноним – не тот, кто не имеет имени, а тот, кто его *скрывает*. Географические объекты не могут быть анонимными; если они еще не получили названия, то их именуют «*безымянными*». Нельзя также пройти и мимо утверждения автора, будто географические объекты приобретают вид знака. Покажите нам хоть один такой объект! Была, допустим, река, не имела названия, потом ее назвали, и она сразу же превратилась в знак. Всем рыболовам придется сматывать удочки. Невозможно же ловить рыбу в знаке!

Если продрагаться сквозь дебри говорухинского косноязычия, то мы увидим следующие утверждения: 1) количество новых географических названий с течением времени возрастает, 2) новые названия связаны с прежним социальным опытом и включаются в социальный и культурный контекст. С обоими тезисами трудно не согласиться ввиду их тривиальности.

Далее следует многословное описание того, как происходит наделение географических объектов названиями. Не обходится, конечно, и без ляпов. Так, на с. 232 читаем: «*В карту (географическую – Р.Л.) вносится не просто пространство, а пространство, названное городом, поселком, дачей, т. е., строго говоря, имеющее хозяина (управленца с определенным статусом) и обладающее определенным функциональным назначением*».

Во-первых, условные изображения географических объектов вместе с их названиями наносятся *на* карту, а не вносятся *в* карту. Во-вторых, на карту наносится территория, а не пространство. В-третьих, поселок или город – это не пространство, а объект, расположенный на определенной территории. В-четвертых, хозяин и управленец – не одно и то же (хотя в некоторых случаях владелец может выполнять функцию управленца). Четыре ошибки в одной короткой фразе – здесь талант Г.Э. Говорухина явлен нам во всем блеске.

Автор всячески подчеркивает, что наделение географических объектов названиями (на его жаргоне «символизация географических объектов») происходит под контролем

государства. Государство контролирует также планировку и строительство новых поселений. Г.Э. Говорухин иллюстрирует свои тезисы примерами из отечественной истории, совершенно упуская из виду тот несущественный факт, что за пределами России имеются еще кое-какие страны. Причем некоторые из них обладают опытом освоения новых территорий. Возможно, там освоение происходило точно так же, как в нашем отечестве, и тогда результаты частных наблюдений автора следует считать всеобщими законами освоения новых территорий. Пока же мы сведениями об опыте других стран не располагаем, и потому достоверно судить о правоте или неправоте автора не в состоянии.

Попутно автор затрагивает тему деления районов города по степени престижности (называя это деление на с. 233 внутренней организацией городского пространства). И здесь он обнаруживает «властную регистрацию», т. е. всю ту же вездесущую «руку власти». Самое любопытное, что такое *насаждаемое сверху* деление он находит и в советском городе. Как это возможно в обществе, где квартиры давали в порядке очереди, где существовала, как нас уверяли и продолжают уверять, уравниловка и дети профессора играли вместе с детьми уборщицы, не подозревая о социальной дистанции, разделяющей родителей, нам не сообщается. В доказательство своего далеко не очевидного тезиса автор ссылается на постановления городского совета (какого города, не сказано) об оплате жилых помещений и порядке пользования ими. Правда, аргументацию надо еще поискать. Между тезисом и его доказательством вставлены подробные сведения о делении Хабаровска на районы в 1928 году. Интересно, конечно, но сочинение Г.Э. Говорухина к числу исторических не относится. Как явствует из текста, эти сведения почерпнуты из «Постановления № 91–86 Хабаровского городского совета РКК и К¹¹³. депутатов». В указанном документе, если судить по тексту монографии, в целях удобства управления разграничиваются исторически сложившиеся районы города. То есть документ достаточно отчетливо свидетельствует о том, что городская власть не «организует пространство», а наводит административный порядок. Наконец, нам представлено доказательство того, что в советском городе «насаждалось сверху» деление районов города по уровню престижности. Такое деление автор увидел в «Постановлении № 366 заседа-

---

¹¹³ Мы не знаем, зачем здесь точка. В книге она стоит.

ния¹¹⁴ президиума Хабаровского городского совета РК и КД 29 июля 1935 г» (с. 234). В указанном документе в каждом из трех районов города введена плата за один квадратный метр жилой площади: 39, 41 и 44 копейки соответственно. Колоссальный разрыв, что и говорить. Почему он связан с уровнем престижности районов, а не с чем-то другим (например, с разницей издержек на эксплуатацию жилья), нам не объясняется.

На с. 235 автор делает таинственное заявление: *«Построенные по определенной схеме поселения уже демонстрируют свою лояльность или оппозиционность центральной власти»*. Тут загадочно всё. Что такое оппозиционность политической партии, мы представляем. Но что такое оппозиционность поселения – нет. Каким образом схема, по которой построено поселение, определяет, будет оно лояльным или оппозиционным, мы решительно не понимаем. Возьмем, например, Владивосток. Он расположен на сопках, вследствие чего его планировка исключительно причудлива. Как это обстоятельство влияет на отношение населения Владивостока к политике Кремля? Из-за своей планировки Владивосток обречен на вечную оппозиционность Москве или вечную лояльность?

На этой же странице автор сделал открытие: он обнаружил «расширение статуса городского поселения». До сих пор наука знала только повышение и понижение статуса.

Далее читаем: *«Важное значение для определения статуса поселения, а как следствие, и распространения властных позитов, играла численность населения, свидетельствующая об интенсивности влияния данного поселения на окружающие территории...»* (с. 235). Автор показал нам, что он не различает слов «окружной» и «окружающий», вновь выпалил в читателя загадочными позитами и сделал серьезное социологическое обобщение: оказывается, статус поселения связан с его численностью. В доказательство этой глубокой истины нам приводятся факты из отечественной и зарубежной истории.

Города обладают определенным «радиусом действия». Этот радиус, развивает свою мысль автор, тем больше, чем в большей степени город является административным и эко-

---

¹¹⁴ Честно говоря, нам не приходилось видеть постановлений заседаний. Постановления разных президиумов мы имели возможность читать.

номическим центром. Очень кстати приведена ссылка на пример Стамбула, почерпнутый у Ф. Броделя. Смущает, правда, то обстоятельство, что Стамбул ни по каким критериям не может быть зачислен в города, расположенные в регионе, который находится в процессе освоения. Зато мы имеем возможность убедиться в том, что Г.Э. Говорухин читал Ф. Броделя. Городские центры аккумулируют население и *«активную хозяйственную деятельность»* (с. 236). В результате *«численность занятого цензового населения сосредотачивается в нескольких наиболее важных районах региона»* (с. 237). В качестве доказательства в диалогии приводятся подробные сведения о таких городах Дальнего Востока, как Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, а также о некоторых дальневосточных районах (Шкотовском, Сучанском, Ольгинском и др.), относящиеся к 1927–1928 годам. Почему взяты именно эти годы, а не какие-то другие, не разъясняется. *«Вместе с тем, – продолжает автор, – часть этих районов, несмотря на многочисленность работающих предприятий, так и не становится возможными центрами управления на территории»* (с. 238). Совершенно очевидно, что автор хотел сказать одно, но из-за своего косноязычия сказал совсем другое. Он желал выразить такую мысль: в некоторых районах имелось множество предприятий, что создавало объективную возможность превращения этих районов в самостоятельные центры управления; однако возможность не превратилась в действительность. (У него же получилось, что из-за обилия предприятий районы не имели возможности стать такими центрами.) Правда, и после такого перевода на русский остается вопрос о том, каким образом район может быть центром управления. Район занимает определенную территорию, в нем имеется центр, это понятно. Но как *весь район* превращается в центр? Загадка.

Крупный город втягивает в орбиту своего влияния окружающие населенные пункты, вследствие чего каждый из них приобретает определенную специализацию. На говорухинском диалекте: *«Большая часть таких районов, ориентированных на поддержание только одной определенной сферы экономического или социального направления центра, рассматривается как узкоотраслевая»* (с. 239). Города, расположенные далеко от экономических центров, например, от Владивостока, относительно самостоятельны. С присущим ему политическим тактом Г.Э. Говорухин пишет: *«Это города Хабаровск, Благовещенск, Николаевск, Советская Гавань и др. Они являются самостоятельными»*

центрами «колониальной» политики правительства в своих районах» (с. 239).

По уверениям автора, «схема освоения Дальнего Востока, как и клише по созданию его системы управления, заимствуется из практики освоения и администрирования сибирскими острогами» (с. 240). Почему эти «схема освоения» и «клише по созданию системы управления» взяты именно оттуда, а не сформировались сами собой, под влиянием объективных обстоятельств, нам не разъясняется. Автор постулирует: заимствованы – и точка. Напрасно читатель ждет доказательств выдвинутого утверждения. Вместо них вывод: «Именно такой процесс (калькирования привычных национально культурных штампов из одного пространства в другое) строго говоря, и может быть назван процессом символического освоения пространства, или процессом его (пространства) кодификации» (там же). До этого момента речь шла о практическом освоении территории: прибытии на новые места переселенцев, создании там предприятий, строительстве сел, поселков, городов и т.п. И вдруг автор сворачивает на свою любимую колею «символического освоения пространства». Автор не понимает, что рисуемая им картина действительности находится в полном противоречии с ее интерпретацией. В действительности происходит практическое освоение новых территорий, которое включает в себя в качестве необходимого, но подчиненного момента такие действия, как картографирование, наделение географических объектов названиями, создание административных органов, издание документов, регламентирующих градостроительство, и т.д. Все указанные действия по отношению к практике носят обслуживающий характер, они нужны для главного – для материального преобразования среды обитания переселенцев. И вот именно эта второстепенная, подчиненная деятельность оказываются в изображении Г.Э. Говорухина основной, именно она и обозначается термином «освоение». Если бы автор четко различал практику и духовную деятельность и при этом ограничивал свою задачу изучением именно этой последней, к нему нельзя было бы предъявить претензий. Но все дело в том, что он одно от другого не отличает и постоянно их смешивает. Мы критикуем диалогию Г.Э. Говорухина, прежде всего, не за то, что в ней развиваются ложные идеи, а за то, что вся она – образец невнятицы и путаницы.

«...Осваиваемое пространство, – продолжает автор, – это еще и пространство, наделяемое некоторыми соци-

ально значимыми символическими маркерными точками, вокруг которых начинает нарастать символика эпистемологических референций» (с. 240). Да, «символика эпистемологических референций» – это, пожалуй, посильней «локала», «позита», «узуса» и «иллокуции» вместе взятых. По-русски же так: «Данные объектам окружающей среды названия с течением времени входят в культуру, начинают ассоциироваться с определенными событиями, явлениями или фактами»¹¹⁵.

На с. 241 автор в очередной раз делает логический кульбит. Он нас уверял (Д1, с. 95), что «по большому счету» физическое освоение пространства является процессом вторичным. И вдруг заявляет следующее: «*Расширение символизации пространства (территории) осуществляется в результате практического освоения места...*» (с. 241). Мы не очень хорошо представляем себе, что такое «расширение символизации», но в общем понятно, что автор отказался от своего идеализма и присоединился к материалистической точке зрения.

Далее идет изложение «схемы освоения пространства (территории). Она такова. Первый этап – «*создание, постройка, укрепление и т.д. первоначального пункта заселения территории – форпоста, возникновение маркерных точек – точек отсчета освоения пространства*» (с. 241). Второй этап – «*радиальное расширение хозяйственных районов вокруг первоначального пункта*» (там же). Третий этап – «*развитие отдаленных районов, граничащих с другими форпостами*» (с. 244). Чтобы мы всё правильно поняли, ни в чем не ошиблись и не запутались, автор предлагает вниманию читателя графическую схему (с. 244). Городскому населению требуются продовольственные и промышленные товары, а окружающая территория не всегда дает возможность эту потребность удовлетворить. «*Вместе с тем, – пишет автор со всем присущим ему красноречием, – способность к увеличению объемов поглощения товаров городом*¹¹⁶ *и поселением вела к увеличению охвата территории новыми товарно-*

---

¹¹⁵ У Пушкина: «Москва... Как много в этом звуке // Для сердца русского слилось! // Как много в нем отозвалось!». Название села Бородина уже никогда не будет просто одним из множества топонимов. Название «Волочаевские сопки» ассоциируется с партизанской войной против колчаковцев. Все эти вещи давно известны, ново лишь то, что здесь, оказывается, «нарастает символика эпистемологических референций».

¹¹⁶ Пять существительных подряд – результат, достойный мастера слова.

продовольственными базами, которые и снабжали город всем необходимым наряду с теми территориями, которые непосредственно примыкали к городскому пространству» (с. 245). Не пытайтесь вникать в детали, это вредно для здоровья. Большой город втягивает в себя поток переселенцев, вследствие чего *«дальнейшее территориальное освоение носит очаговый характер»* (там же). *«Появившиеся небольшие заселенные области, – с несравненной грациозностью пишет автор, – в огромном дальневосточном пространстве представляют собой известное пространство, носящее утилитарное назначение, но не дающее возможность в полной мере освоить это пространство»*¹¹⁷ (с. 245–246). Общая картина такова: *«Закрепление территории осуществляется в границах заселяемого пространства»*¹¹⁸, и происходит в виде радиального охвата территории, так называемый эффект *«кругов на воде»*» (с. 246). Вообще-то круги по воде расходятся, а охват – действие, совершаемое в прямо противоположном направлении. Поскольку автор лишен способности сопоставлять слова с реальностью, у него в одной фразе – два несовместимых представления о процессе заселения. Когда далее Г.Э. Говорухин раскрывает детали, становится ясно, что он отдает предпочтение теории «кругов по воде». Сама эта теория представляется нам заслуживающей внимания, только мы не видим в ней каких-то глубин, которые нельзя было бы постичь на уровне житейского рассудка.

Вокруг городов, которые выступают в роли центров освоения, формируются обжитые территории. Из-за обширности региона такие территории не перекрываются, отчего между ними образуются промежуточные зоны. В этих последних живет главный персонаж говорухинской диалогии – «обыватель» (с. 249). *«Собственно, это трудно обнаруживаемые административными бюрократическими органами пространственные лакуны»* (там же).

Итак, лакуна – это территория, которую с трудом обнаруживает чиновник. (Понятно, что и его власть там ограничена.) Такие зоны, где «закон бессилён», не являются российским изобретением, более того, до недавних пор они были в гораздо большей степени характерны для Запада. И не на территории нового освоения, а в самых крупных мегаполисах с многовековой историей. Такие зоны, например, чайнатауны – неременная принадлежность любого западного

---

¹¹⁷ Три раза употреблено слово «пространство» в одной недлинной фразе.

¹¹⁸ Запятая автора диалогии.

мегаполиса. Нет у нас принципиальных возражений против того, чтобы называть эти зоны лакунами, дело в данном случае не в названии, а в существе. Г.Э. Говорухин, блуждая в потемках своей «теории символического освоения пространства», нечаянно набрел на реальную проблему. Однако из-за особенностей своего мышления и мировидения он не в состоянии понять ее природу. Автор различает только две категории населения: чиновников и «обывателей». При таком понимании общественного устройства появление «лакун» – результат ограниченности возможностей чиновников, а не следствие глубоких социально-экономических причин. Почему в Москву «понаехали всякие» и организовали в ней свои землячества, живущие по собственным законам? Да потому, что в Таджикистане, Киргизии, Вьетнаме цена рабочей силы значительно ниже, чем в России. Капиталист покупает дешевую рабочую силу за границей, чтобы максимизировать прибыль. Сущность «лакуны» не в том, что она – пробел в пространстве, а в том, что она – объективный результат действия капиталистических общественных отношений. Поэтому тезис о том, что *«появление пространственных лакун вызвано огромностью территории»* (с. 249), неверен в принципе. Например, Франция – вовсе не огромная страна, а «лакуны» в ней имеются.

Более общий вывод: нельзя рассматривать процесс освоения территории в отрыве от анализа социально-классового состава общества, его общественного строя, сущности экономики и т.п.

Чиновник легко сумеет взять под контроль самую отдаленную территорию, если социально-экономический строй тому благоприятствует. Если же этот строй сам порождает «лакуны», государство не в состоянии контролировать даже территорию столицы. Черкизовский рынок – наглядный тому пример.

Абстрактный, внеисторический, внеклассовый подход к обществу приводит к тому, что автор, даже замечая частности и детали действительно серьезной социальной проблемы, понять ее как целое не в состоянии. Вот, например, его суждение на с. 251: *«Лакунарные пространства являются зоной оттока населения из конкретного района поселения (чаще всего, города) и потому причиной хозяйственного запустения региона»*. Здесь перепутаны причина и следствие. Появление «лакуны» – результат запустения региона, а не наоборот. В свою очередь, запустение – следствие глубоких экономических причин. Так, весь Дальний Восток России

в настоящее время превращается в сплошную «лакуну», поскольку по рыночным критериям это территория, которую не имеет смысла эксплуатировать¹¹⁹. И вместо того чтобы анализировать законы, по которым возникают и существуют «лакуны», автор пытается дать их классификацию, основанную на несущественном признаке – их положении относительно города. Г.Э.Говорухин выделяет два типа «лакун»: расположенные внутри и вне города (с. 251–252). Автор констатирует, что *«причины появления лакун в обоих пространствах (внешнем и внутреннем по отношению к городу – Р.Л.) напрямую зависят от финансовых вложений...»* (с. 252) и этим ограничивает свой глубокий анализ. А от чего зависят финансовые вложения? Поставить вопрос в такой плоскости Г.Э. Говорухин не догадывается. Параграф завершается обоснованием того тезиса, что *«наиболее качественными лабораторными условиями по обнаружению лакун становятся так называемые советские города»* (с. 253). Совершенно непонятно, почему советские города – «так называемые»? Это название не соответствует действительности? Советского Союза не было? Отметим также, что города в условия не превращаются, города могут лишь предоставлять условия. В переводе на русский мысль Г.Э. Говорухина такова: «Советские города – наилучший объект для изучения лакун». А города, которые не относятся к разряду советских, чем в данном отношении хуже? Что мешает исследователю изучить лакуны в них? Автор так вопроса не ставит, потому что все его познания о лакунах ограничиваются одним городом – Комсомольском-на-Амуре.

Конечно, определенные закономерности возникновения и существования районов, где проживают отверженные, в нем проявляются, подобно тому, как в капле воды отражается океан. Но океанологи никогда не удовлетворяются изучением одной-единственной капли.

Последний параграф диалогии озаглавлен *«История возникновения и развитие «проточной культуры» на примере пространственных лакун города Комсомольска-на-Амуре»*.

Сначала разберем ошибки в заголовке. Бросается в глаза тот факт, что в заголовке отсутствуют скобки, которыми следует выделить оборот «на примере пространственных лакун города Комсомольска-на-Амуре». В подобных случаях принято поступать так: если какой-то теоретический вопрос

---

¹¹⁹ Эта проблема обсуждается нами в статье «Удержит ли Россия свои дальневосточные территории?». Поскольку сборник, в котором она опубликована, труднодоступен, помещаем ее в приложение.

рассматривается на одном примере (что само по себе допустимо), то тогда данное обстоятельство фиксируется в заголовке в скобках. Далее. Попробуйте произнести в быстром темпе «история возникновения и развитие». Читатель испытывает затруднение, ему хочется употребить слово «развитие» в родительном падеже: «история возникновения и развития». Такое сочетание звучит более естественно, потому что соответствует логике мышления. Заметим также, что ни для кого не секрет, каков статус Комсомольска-на-Амуре. Все знают, что это город, а не поселок. Поэтому словосочетание «город Комсомольск-на-Амуре» в данном контексте является плеоназмом¹²⁰. Но это недочеты формы, а не существа. По сути же этот заголовок не соответствует содержанию параграфа. Заголовок параграфа типичен для исторических сочинений. В работах по истории детально и последовательно описывается развитие какого-либо государства, города, региона, нации и т.п. Например, «История России», «История Китая» или «Краткая история евреев». Но автор претендует на социологическое обобщение. Его интересуют законы, по которым возникают и существуют «лакуны». Комсомольск-на-Амуре – только один из множества объектов, где эти «лакуны» себя обнаруживают. Для социолога история – материал для обобщения, а не основная цель исследования. Поэтому в заголовках трудов по социологии слово «история» либо вообще не употребляется, либо используется, но не в ключевой позиции. Впрочем, такую же точно ошибку автор допустил и в названии главы. И в нем слово «история» занимает ключевое положение, хотя само содержание главы с «историческим дискурсом» связано лишь опосредованно.

На с. 253 Г.Э. Говорухин порадовал читателя еще одним прелестным оксюмороном: «хаотичный порядок»¹²¹. Оказывается, такой порядок существовал в советском городе и был обусловлен *«особым типом формирования жилых кварталов»* (там же). Что это за тип? На этот вопрос ответа не дается, зато предпринимается экскурс в историю становления советского города. *«...Появление города было вторичным, первичным всегда оказывалось строительство самих предприятий»* – так понимается автором специфика генезиса советского города (с. 254). В переводе на русский: «Советские

---

¹²⁰ На что мы уже указывали в разделе «Особая специфика» языка и стиля».

¹²¹ Чтобы такое нечаянно измыслить, надо иметь в голове порядочный хаос.

города всегда возникали как поселения при промышленных предприятиях». В общем и целом это верно, хоть и не ново. Научный подход к вопросу требует рассматривать любое явление в сравнении с другими. Например, в данном случае было бы очень полезно сопоставить генезис городов Канады и Советского Союза. Автор не догадался это сделать, что лишает его тезис какой-либо доказательности. В советских городах автор обнаруживает «первоначальную сегрегацию» (там же). Мы уже отмечали¹²², что слово «сегрегация» понимается им неправильно. На самом деле в советском городе не было никакой сегрегации, а происходило расселение горожан по определенным районам. Причем такое расселение диктовалось производственной необходимостью, а не различием в социальном статусе. На говорухинском языке: *«Первоначальная сегрегация населения такого (советского – Р.Л.) города осуществлялась не по принципу социальной дифференциации, что было бы типичным для «старых» городов, а вследствие профессионально-производственного расселения»* (там же). С течением времени влияние фактора производственной необходимости ослабевало, однако *«структура организации»¹²³ физического пространства города к этому моменту уже четко обозначена и не претерпевает существенного изменения»* (там же). Поскольку советские города относительно молоды, их история сохранилась в живой памяти людей. Это дает исследователю шанс проследить эволюцию города. (Чтобы не подвергать читателя лишним мучениям, мы позволили себе изложить мысли автора сразу на русском языке.) В истории Комсомольска-на-Амуре отражается история Советского Союза, его расцвета и гибели. *«Эта странность взаимодействия политического режима и локальной территориальной организации становится сегодня объектом исследования многих научных направлений...»* – пишет автор (с. 255). Мы уже знаем, что вместо «странность» следует читать «особенность», а также то, что выражение «объект исследования направлений» означает «объект исследования в направлениях». Мы знаем также, что под направлениями автор понимает научные дисциплины: экономику, географию, социологию и т.п. Читаем далее: *«Общая риторика исследований этого направления (социологии – Р.Л.) сводится к тому, что в условиях стабильного функционирования городской системы, когда все*

---

¹²² В разделе «Д1: Глава 2».

¹²³ «Структура организации» в данном контексте – плеоназм.

органы городского управления работают, взаимодействуя друг с другом, а вместе с тем, и с государством в целом, портрет любого города индивидуален только своим внешним (архитектурным) обликом» (с. там же). У нас есть подозрение, что портрет слова «риторика» имеет у Г.Э. Говорухина излишне индивидуальный облик. По обычаю заглянем в справочник. Читаем: «**Ритóрика (ретóрика)** (др.-греч. ῥητορικῆ – «ораторское искусство» от ῥήτωρ – «оратор») – первоначально наука об ораторском искусстве, впоследствии иногда понималась шире, как теория прозы или теория аргументации вообще»¹²⁴. Наше подозрение подтвердилось. С каким словом спутал слово «риторика» Г.Э. Говорухин, трудно сказать. По-видимому, со словом «вывод».

«В современной российской действительности (после 1991 г.), – продолжает автор, – социальные и экономические катаклизмы <...> высвечивают скрытые механизмы социальной организации населения в городах – как раз то, что некогда было скрыто от внешнего наблюдателя. Эти механизмы проявляются в интенсивном оттоке населения из городов и фактической хозяйственной гибели многих из них...» (там же). Осмыслим эти утверждения. Итак, в российском обществе после 1991 года существуют некие механизмы, которые скрыты от внешнего наблюдателя. Социальные и экономические катаклизмы высвечивают эти механизмы. Последние обнаруживают себя в интенсивном оттоке населения и гибели многих из городов. Итак, понятно, в чем состоит проявление механизмов. А в чем заключаются они сами? О внешних проявлениях нам сказано, какая же под ними скрывается сущность? Увы, автор хранит сию тайну. Зато нам сообщается нечто интересное: *«Катастрофичными эти процессы (изменение системы социальной организации города – Р.Л.) становятся в городах советского типа, к каковым можно отнести город Комсомольск-на-Амуре. Причина такой катастрофы была «заложена» в систему социальной организации пространства типичного советского города»* (с. 255–256). В общем, автор повторяет ту истину, что причина смерти – жизнь. Если бы человек не родился, то ему и умирать бы не пришлось. С таким тезисом нельзя не согласиться. Только для научного познания явлений подобных плоских сентенций, согласитесь, маловато.

Далее нам довольно подробно (для социологического сочинения) излагается история Комсомольска-на-Амуре. Г.Э. Гово-

---

¹²⁴ Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Риторика

рухин разделил историю города на 4 этапа. *«Это вехи становления идеологии города как оценки собственной значимости в пространстве большого государства»* – добавляет он (с. 257). Правда, нам ничего не говорится о том, что такое идеология города. Если возможна идеология отдельного города, то почему нельзя создать идеологию поселка или села? Например, «идеология села Мухино Верещагинского района Пермского края». Став на позицию автора, мы должны признать, что и каждый район города, каждый квартал и даже каждый отдельный дом являются субъектами идеологии. И тогда какой-нибудь трудолюбивый исследователь напишет докторскую диссертацию по социологии на тему «Эволюция идеологии дома № 5 по проспекту Мира Комсомольска-на-Амуре».

Итак, этапы истории выделяются в зависимости от смены идеологических вех. Критерий понятен. Не очень, правда, ясно, чем обусловлена эта смена. На с. 258 понятные вехи автор почему-то заменяет непонятыми «этапами-вехами». Не станем обращать на такие пустяки внимание.

«Первый этап – довоенное строительство города» (с. 258). Но строительство – это практическое дело, при чем тут идеология? Где идеологическая веха? В чем она состоит? Опишите ее, нам интересно. Но вместо всего этого – сухая сводка исторических фактов, уложившаяся в 8 строк.

«Второй этап – повышение экономической и социально-политической роли города во время войны» (там же). Итак, повышение роли – это этап истории. Что-то нам с такой оригинальной периодизацией встречаться не приходилось. *«Город осмысливается как плацдарм для формирования базы трудового резерва государства. Осознание значимости города в масштабах всего государства приходит от понимания трудового и военного подвига комсомольчан»* (там же). «Плацдарм для формирования базы» – неплохо сказано. Понятно, в чем состоит «идеологическая веха» – в «осознании значимости города в масштабах всего государства».

«Третий этап – послевоенное строительство города, его рост и расширение» (с. 259). Вновь та же сверхоригинальная манера обозначать этапы. А вот и об идеологии: *«Теперь город становится символом не трудового подвига его строителей, но скорее, свидетельством воплощенной мечты покoreния природы советским человеком»* (там же). Два стилистических ляпа, одна пропущенная запятая – все в пределах говорухинской нормы. По сути имеются возражения. Никто и никогда в послевоенной истории Комсомольска-на-Амуре не трактовал его значение столь абстрактно. Труд был фун-

даментальной ценностью всей советской идеологии, и никакой отдельный город не мог находиться вне ее влияния. Утверждение автора ничем не подкреплено, оно является его сугубо индивидуальным «конструктом»¹²⁵.

«Четвертый этап – постсоветская история города, которая в этом случае также понимается как история трагедии, которую разделил город со всем государством. Меняется понимание роли города в жизни государства, акцентируется внимание на формальном участии государства в судьбе города. В результате идеологическое оправдание и нынешней, и прошлой истории города состоит не только и не столько в роли Комсомольска в подъеме страны, сколько в усилении позиций Дальневосточного региона» (там же). Этот фрагмент не слишком труден для толкования. Нелегко, правда, понять, что означает выражение «акцентируется внимание на формальном участии государства в судьбе города». Вероятно, речь идет о том, что постсоветское государство бросило промышленные предприятия в стихию рынка, и это сказалось на них самым губительным образом. Трудно согласиться и с тем, что в современных условиях Комсомольск-на-Амуре воспринимается на уровне государственной идеологии как фактор усиления Дальневосточного региона в составе России. Деградирующая индустрия и стремительно убывающее население – это факторы, отнюдь не способствующие усилению позиций хоть города в регионе, хоть региона в масштабах страны.

Г.Э. Говорухин намеревался изложить историю города в зависимости от идеологических вех. Но каким-то непостижимым образом «идеологические вехи» точно совпали с периодами развития гражданской истории: довоенная история, война, послевоенный период, постсоветский период. У нас есть дерзкое предположение: такое совпадение – еще одно доказательство того, что общественное бытие определяет общественное сознание. И с тезисом о «вторичности физического освоения пространства» материалистическое понимание истории несовместимо.

Завершив свое рассуждение об этапах, Г.Э. Говорухин перешел к другому сюжету – делению истории Комсомольска-на-Амуре на периоды (там же). Их два. *«Первый – период самодостаточности Комсомольска, когда «страна жила городом», а горожане делали историю, когда его политическое значение было сильно само по себе, а история государства фоку-*

---

¹²⁵ Или, возможно, «позитом» – мы точно не знаем.

сировалась на истории города. Второй – период нивелирования исключительности положения Комсомольска («город живет, как и вся страна»)» (с. 259–260). Хронологические рамки не определены, но мы прекрасно понимаем, что первый период – с основания города до гибели Советского Союза, а второй – последнее двадцатилетие.

Как заявляет автор, в *«постсоветский период развитие города прекращается, а значит и прекращается становление новых коннотаций в идеологии относительно города»* (с. 260). Не станем гадать, что такое «коннотации в идеологии относительно города». Мысль в общем-то ясна: город прекращает развиваться, перестает меняться восприятие города в общественном сознании. Конечно, оба утверждения неверны по существу. Первое основано на отождествлении понятий «развитие» и «прогресс». Второе – на совершенно ложном представлении, будто образ действительности может навсегда застыть. В настоящее время некоторым недалекимидным людям кажется, что деградация Комсомольска-на-Амуре – навсегда, что ничего нового уже не будет. Но это историческая иллюзия. Закончится современный период истории, начнется другой. И тогда соответствующие изменения произойдут и в общественном сознании.

Выделив два периода истории города, автор оставил без внимания принципиальный вопрос: а почему в первый период Комсомольск-на-Амуре обладал «самоценностью», а во второй ее утратил? Может быть, по той причине, что в стране началась деиндустриализация? Тогда естественно возник бы вопрос о причине отказа от советского индустриального наследия. Автор не видит этих вопросов, потому что его мышление целиком в плену кажимостей.

Впрочем, Г.Э. Говорухину нельзя отказать в житейской осмотрительности и осторожности. Ставить принципиальные вопросы значит занимать какую-то определенную позицию, четко определять, с кем ты и против кого. Но тогда есть риск кому-то не понравиться, с кем-то, имеющим власть и влияние, поссориться, нажить себе врагов и т.п. А это не очень полезно для карьеры и для здоровья.

Но зачем нужна наука, которая ограничивается коллекционированием общеизвестных истин и ходячих мнений и не ставит вопроса о причинах явлений?

На сюжете о «периодах развития» завершается теоретическая часть параграфа, за ней следует изложение результатов эмпирического исследования, которое было проведено автором под эгидой Фонда Форда грант № 1045–0845–1

в 2006 году. Правда, автор не сообщает нам названия исследования, поэтому нам остается только гадать, чему же оно конкретно посвящено.

Из контекста можно вывести, что целью было выявление «лакун». Исследование заключалось в том, что респондентам задавались вопросы о том, как они оценивают тот или иной район города: положительно или отрицательно. Итоги таковы: *«Анализ показывает, что положительно оцениваются районы с большим числом социальных объектов (торговых центров, стационарных крупных магазинов) и большим числом транспортных маршрутов (автобусных остановок и общего числа автобусных единиц)»* (с. 267). Сказано не вполне по-русски, но в общем понятно. Автор потрудился на славу и сумел снять покров видимости с глубоко спрятанной от людских глаз сущности. *«Полученные результаты наблюдений и интервью подтверждены риелторскими данными»* (с. 270). В популярных районах жилье стоит дороже, в непопулярных дешевле. Глубокое заключение. Далее следует еще одно ценное обобщение: *«Особенности ценовой политики в фонде недвижимости города по нашим наблюдениям зависят от активности работы крупных заводов таких как: ЗЛК (завод им. Ленинского Комсомола¹²⁶) и завода им. Гагарина (авиационного объединения холдинга КБ «Сухой»)*. *Появление государственного заказа на этих заводах меняет общий социальный климат районов города»* (там же). Автор сэкономил три запятые и тире, но истину до нашего сознания донес. На таких примерах убеждаешься в силе науки в мастерском исполнении Г.Э. Говорухина.

«Как показывает контент-анализ, строительство новых районов, особенно в 70–80-е годы осуществлялось так называемыми кондоминиумами (спальными районами, куда входили: жилые здания, детские сады, школы, магазины и пр.) – заявляет автор на с. 271. Во-первых, как уже отмечалось¹²⁷, автор переворачивает представление человечества о том, что такое кондоминиумы. Во-вторых, мы имеем возможность еще раз восхититься эвристической мощью социологии (в том же исполнении). Если бы не было контент-анализа, как бы мы узнали тот тщательно скрываемый факт, что в советские времена строили не отдельные дома, а целые микрорайоны?

---

¹²⁶ Так он назывался в советские времена. Сейчас ОАО «Амурский судостроительный завод».

¹²⁷ См. раздел «Еще раз о языке и стиле».

С помощью тонких социологических методов автору удалось выявить ряд особых мест в городе. *«Эти места <...> проходят как районы, в которых «нечего делать», например район заводов «Парус», «Амурсталь» или «Шестой участок», которые отмечаются на карте (они есть в официальных обозначениях), но практически не упоминаются в самих интервью. Такие места представляют собой род социальной лакуны и уже практически не сохраняются даже в городских байках и «страшилках». Чаще всего такие места непрозрачны и закрыты для обывателей»* (с. 271–272). Конечно, с помощью анализа баек и «страшилок» можно извлечь ценную социологическую информацию, но мы должны знать детали и подробности. Какие байки? Какие страшилки? Г.Э. Говорухин льет водопады слов, пытаясь поведать о том, что все и так знают. Но стоит ему затронуть действительно живую тему, представляющую интерес для публики, как он тотчас же становится удивительно молчаливым. Немалое удивление вызывает фраза о том, что эти места непрозрачны и закрыты для «обывателей». Для кого же они тогда «прозрачны» и «открыты»? И кто, кстати, в «социальных лакунах» проживает? Для людей, которые в этих местах живут, они вполне «прозрачны». Следовательно, эти люди – не «обыватели». Так кто же они? Автор хранит на этот счет молчание.

Автор также не озаботился тем, чтобы просветить нас насчет понятия «социальная лакуна». Это то же самое, что «пространственная лакуна» и просто «лакуна»? Или это все-таки разные вещи?

Конечно, не настолько мы наивны, чтобы не понимать: в «социальных лакунах» сосредоточивается та часть общества, которая «не вписалась в рынок», фактически это зоны социального бедствия. Для настоящего социолога здесь непочатый край работы. Кто они – современные отверженные: пожилые люди, влачащие жалкое существование на нищенскую пенсию? Бывшие квалифицированные рабочие, лишившиеся работы в результате деиндустриализации? Работники строительного комплекса, павшего жертвой реформ? Г.Э. Говорухин этих вопросов не видит или не желает видеть, он сводит свою задачу лишь к поверхностному описанию фактов. Так, на с. 272 отмечается низкая электоральная активность обитателей зон социального бедствия и повышенный уровень протестных настроений.

Г.Э. Говорухин лишен способности четко формулировать задачу исследования, поэтому читателю приходится додумывать за него. Насколько можно судить по тексту, автор

поставил задачу составить «*социально-иерархическую карту города*» (там же). Проще говоря, выявить связь социального статуса горожан с местом их проживания. В качестве метода исследования называется «*фреймовый анализ групповых интервью*» (там же). «*Этот анализ позволяет определить отношение горожан к тому или иному району города через концептуальную схему образного описания*» (с. 272).

Что такое «концептуальная схема образного описания», выясняется из таблицы 9 на с. 273. В ней в левой колонке назван район, в правой – результат «фрейм-анализа» города (группы от 50 лет и старше)¹²⁸. Например, слева: «Поселок Амурсталь», справа: «Своеобразный район, приятный район, заброшенное место». Пример других «схем образного описания»: «Хорошее место», «Район для души», «Небезопасно». Проще говоря, «схема образного описания» – это оценка района респондентами. С некоторыми горожанами силами некоего МИГа¹²⁹ были проведены «фокус-групповые интервью».

Честно говоря, для человека, который достаточно долго прожил в Комсомольске-на-Амуре, какой-то новой информации таблица не содержит. Приятно, конечно, сознавать, что твое «обывательское» мнение практически на сто процентов совпадает с результатами применения новейших социологических методов. Но, с другой стороны, что это за методы, если они дают результаты, которые «человеку с улицы» известны по его житейскому опыту? Этим мы не собираемся бросить тень сомнения на методы эмпирической социологии, мы лишь хотим подчеркнуть, что любой инструмент должен находиться в умелых руках.

Автор констатирует, что в оценке районов города некоторые пожилые респонденты решительно расходятся. Это явление связывается им с инерцией мышления. На говорухинском языке: «*Оценка некоторых районов <...> носит архаический характер*» (там же).

В то же время при опросе респондентов молодого возраста такая инерция не наблюдается. На говорухинском языке: «*В сравнении с таким неоднозначным пониманием некоторых районов города, можно привести пример с вполне однозначной оценкой городского пространства, которое мы отмечаем при анализе фокус группы от 16 до 30*» (с. 274). Отсутствует согласование членов предложения в роде, поте-

¹²⁸ В оригинале скобки отсутствуют, слова «лет» нет.

¹²⁹ Вероятно, микроисследовательская группа. Автор не счел нужным расшифровать окказиональную аббревиатуру.

рян дефис в слове «фокус-группа», поставлена лишняя запятая, имеется грубый стилистический ляп – а в остальном все хорошо. Смысл улавливается без особого труда.

Так почему же молодые респонденты единодушны в своих оценках? Ответ таков: *«Такая оценка данных пространств, как мы полагаем, становится результатом рецепции на, условно это назовем, возрастной паттерн»* (с. 275). Для автора сказать «такая оценка объясняется тем, что респонденты молоды» значит наступить на горло собственной песне. Он глупокомысленно изрекает: «рецепция на возрастной паттерн». И ему дела нет до того, что рецепция в переводе с благородной латыни – восприятие. Это слово требует после себя родительного падежа без предлога. Например, «восприятие звука». Сказать «восприятие на звук» может только тот, для кого русский язык – не родной. Если же взять существо ответа, то мы получаем вот что: «Молодые респонденты проявляют единодушные в оценках, потому что они молоды». Очень содержательный ответ. Дальше, правда, следует, разъяснение, что *«опыт социальной рефлексии пространства данной группой не имеет временных напластований»* (там же). Проще говоря, у молодых еще нет жизненного опыта. Это верно, но не слишком ново.

Фреймовый анализ позволил автору установить любопытный факт: *«миграцию территории со значением «идеологически важная»»* (с. 276). Что такое «идеологически важная территория», не сказано. Может быть, Красная площадь? Но она в Москве, а не в Комсомольске-на-Амуре. Значит, что-то другое. Принимая во внимание, что понятие идеологии в говорухинском языке совершенно безразмерно, это может быть что угодно. Так откуда и куда эта территория «мигрирует»? Ответ дан: *«от районов с заметным производственным оттенком»* (с. 276) *«до районов с досуговым характером»* (там же). В переводе: «От районов, в которых сосредоточены промышленные предприятия, к районам, где преобладают культурно-развлекательные заведения».

Далее автор пересказывает основные идеи концепции Б.Б. Родомана, который выделял «фокусные места» на территории. Если не считать того, что Г.Э. Говорухин вставляет для пущей научности термин «нодальный¹³⁰» (там же), изложение вполне доступно для понимания доктора философских наук.

Концепция Б.Б. Родомана нужна автору, чтобы по-новому осмыслить планировку Комсомольска-на-Амуре. Поскольку город изначально создавался как поселение при за-

---

¹³⁰ Нами это ранее отмечено в разделе «Еще раз о языке и стиле».

водах, постольку, согласно теории Г.Э. Говорухина, в нем реализован принцип «концентрического расселения жителей вокруг промышленного предприятия» (с. 278). И далее: «Закладка фокусов по производственному принципу позволяет, по крайней мере гипотетически, снизить затраты на строительство транспортных развязок, а значит искусственно определить и сегрегацию населения в селитебных районах города» (там же). Слово «сегрегация» здесь употреблено не к месту, нужно вести речь о расселении¹³¹. Довольно сомнительно выглядит термин «селитебный» в данном контексте. Что нам говорит на этот счет «Википедия»? Читаем: «**Селитебные зѐмли** – земли, предназначенные для строительства жилых и общественных зданий, промышленных предприятий, дорог, улиц, площадей в пределах городов и посѐлков городского типа. Синоним – термин «городские земли»¹³². Итак, выражение «селитебные районы города» означает «городские земли районов города». Плеоназм.

Самое внимательное изучение плана Комсомольска-на-Амуре не позволяет увидеть «концентрического расселения жителей вокруг предприятий». Город вырос рядом с двумя гигантами индустрии. Слева от Силинки – авиационный завод, справа – судостроительный. В каждом из районов жилые кварталы соседствуют с заводом, но не охватывают его концентрическими кругами.

Далее автор знакомит нас с работой Хауке (без указания инициалов) 1965 года, а затем с трудом Ф. Глодовского, С. Петрова и Г. Шелеховского, опубликованным в 1924 году, где ставится целью «изучение¹³³ максимальной производительности труда при оптимальных его условиях» (там же). Затем автор приводит таблицу (на с. 279), в которой содержится произведенный Г. Шелеховским расчет теоретической вероятности расселения работников в зависимости от расстояния от места их проживания до предприятия. Таблица цитируется почему-то по работе лишенного (лишенной?) инициалов Хауке. Разве нельзя было процитировать по оригиналу? Или автор не держал в руках статьи Хауке?

Недоумение еще более усиливается, когда автор решительно отвергает концепцию Г. Шелеховского: «Отсюда корреляция зоны удаленности и расселения оказывается

¹³¹ Отмечено в разделе «Еще раз о языке и стиле».

¹³² ru.wikipedia.org/wiki/Селитебный

¹³³ Так в тексте. У нас есть сомнения в адекватности передачи смысла оригинала. Скорее всего, речь идет об изучении условий достижения максимальной производительности труда. Впрочем, мы не проверяли.

некорректной» (с. 280). Но если «корреляция некорректна», то зачем о ней так подробно рассказывать?

Но концепция Г. Шелеховского, оказывается, все-таки не столь плоха. Идеи этого автора *«оказываются созвучными общим принципам организации советского города»* (с. 280). Предположим, это так. Но хотелось бы знать подробности: какие именно идеи «созвучны общим принципам организации города»? Нам об этом не было сказано. Далее следует ссылка на труд В.Г. Давидовича 1968 года, где излагается, насколько можно понять, вопрос о том, в какой степени идеи Г. Шелеховского воплощены в реальной практике советского градостроительства. Соображения В.Г. Давидовича читаются с интересом, возникает желание ознакомиться с оригиналом. Однако не будем забывать, что параграф посвящен истории возникновения и развития проточной культуры на примере (пространственных) лакун Комсомольска-на-Амуре. Связь цитированной работы с темой параграфа, на наш взгляд, далеко не очевидна. Не станем, однако, давать поводов для обвинений в придирках. Автор сослался на толковую, судя по всему, работу, это следует считать плюсом. Посмотрим теперь, что нам по существу проблемы.

«Комсомольск-на-Амуре, – пишет он, – становится тем советским городом, в котором четко просматриваются принципы производственной сегрегации населения. Работающий по системе государственного заказа, город являлся достаточно успешным и перспективным. Изменение этой системы приводит к разбалансированности в пространственной организации города» (с. 281). Насчет «сегрегации» мы уже писали, не станем повторяться. Что касается отрицательных последствий отказа от системы государственного заказа, то это ни для кого не секрет. Для фиксации результатов такого отказа не нужны изощренные социологические методики. Принципиальный вопрос заключается в следующем: каков выход из сложившегося положения? Автор всячески избегает постановки вопроса в такой плоскости. Вместо этого – описание симптомов поразившей городской организм болезни: деловая активность во многих районах города снижается, некоторые районы теряют привлекательность, люди из них уезжают, население стремительно покидает город, сокращается пассажиропоток¹³⁴, исчезают «хозяйственные объекты» (с. 283).

---

¹³⁴ У Г.Э. Говорухина: «сокращается общая наполняемость пассажиропотока» (с.283).

«Начинается цепная реакция по сокращению физического, в данном случае, освоенного и социального пространства Комсомольска» – пишет автор (там же). О сокращении физического пространства, признаться, нам читать до этого не приходилось. Вероятно, автор имеет в виду территорию. Выражение «цепная реакция по сокращению» – типичный канцеляризм. Следует писать: «реакция сокращения». Что же касается сути процесса, то она изображена верно. Только что здесь нового?

На с. 283 Г.Э. Говорухин предлагает некий рецепт лечения болезни. Прочитируем его: *«Конкурентоспособность объектов фактически означает не просто прибыльность, но в условиях г. Комсомольска-на-Амуре – единственный способ выживания муниципального и частного торгового бизнеса в районе»* (с. 283). Итак, бизнесу, чтобы выжить в Комсомольске, надо быть конкурентоспособным. В Москве, Париже, Нью-Йорке и Санта-Барбаре, вероятно, дело обстоит иначе. Остается только одно: дать практические рекомендации относительно того, как добиться конкурентоспособности. Но Г.Э. Говорухин почему-то таких рекомендаций не формулирует, а продолжает свою печальную повесть: *«Сокращение численности населения в лакунарных пространствах города приводит к исчезновению сколько-нибудь значимых социальных объектов. Попытка перемещения таких объектов в центральную часть города <...> изначально убыточно¹³⁵, поскольку аренда помещения в центре существенно дороже, а уже находящиеся там коммерческие структуры демпингуют цены»* (с. 284). Но ведь сам автор только что давал бизнесу совет: надо быть конкурентоспособным. Вот коммерческие структуры и «демпингуют цены» – как они иначе задавят конкурентов?

С. 285: *«В районах за пределами условного треугольника происходит разрушение инфраструктуры городского пространства¹³⁶, поэтому общественная активность смещается в другой район».*

Этим последним оказывается центр города, куда *«аспект престижности района притягивает все больше число населения, желающего селиться в таком районе, и требует постоянного благоустройства города»* (с. 286). И в самом конце второго параграфа Г.Э. Говорухин продолжает радо-

---

¹³⁵ «Попытка убыточно» – несогласование в роде. На это мы уж указывали в разделе «Особая специфика» языка и стиля».

¹³⁶ По-русски «городской инфраструктуры».

вать читателя своими языковыми находками. «Аспект *притягивает*», «*все большее число населения, желающего релиться*» – новые перлы говорухинизма. «*Все прочие районы города оказываются в статусе либо непопулярных мест, либо совершенно выпадают за пределы так называемой социальной карты города и становятся лакунами*» – таким нарративом завершает на с. 213 Г.Э. Говорухин последний параграф третьей главы.

Подведем некоторые итоги. Нам было обещано рассказать историю «проточной культуры» на примере (пространственных) лакун Комсомольска-на-Амуре. Но истории мы не увидели. Параграф написан не в историческом ключе. Перед нами – сочинение, претендующее на то, чтобы быть определенным вкладом в социологию. О проточной культуре автор по ходу изложения забыл, а описал, как сумел, процесс социальной деградации одного конкретного города. Нарисованная при этом картина достаточно близка к реальности, что, впрочем, объясняется не теоретической пронизательностью автора, а очевидностью предмета. От главных, принципиальных вопросов автор уходит (или их не видит, что сути дела не меняет). Понимание причин постигшей город катастрофы – на уровне детского сада: предприятия ВПК лишились государственного заказа. Рецепт лечения социальной болезни еще более инфантилен: бизнесу надо добиваться конкурентоспособности.

Во втором параграфе автор **фактически отказывается от преобладающей в первом параграфе трактовки «лакуны» как территории, неподконтрольной государству**. В последнем параграфе лакуна понимается как зона социального бедствия, что гораздо ближе к действительности.

На наш взгляд, процесс социальной деградации точнее и проще описывается без привлечения «пространственной» терминологии, но мы не отвергаем с порога возможность его описания и в тех терминах, которые использованы Г.Э. Говорухиным. Дело не столько в инструменте теоретического анализа, сколько в том, *кто* этим инструментом пользуется.

Автор затрагивает действительно животрепещущие проблемы, но делает это так, чтобы, боже упаси, не поссориться с сильными мира сего. С одной стороны, он пишет о системной деградации города, что дает ему моральное право на репутацию обличителя общественных язв. С другой, старательно отводит глаза от причин такой деградации, демонстрируя тем самым свою благонамеренность. Очень удобная и (в тактическом плане) беспроегрешная позиция!

Если взять монографию в целом, то вырисовывается такая картина.

Первая глава представляет собой эклектическое соединение двух самостоятельных сюжетов: истории политических учений и истории развития политических отношений.

Вторая глава – путаное и невнятное изложение «теории символизации пространства».

Третья глава посвящена по преимуществу феномену «лакун».

Органической, закономерной связи между главами не прослеживается. **Монографии как системного целого нет, есть лишь механическая сумма разнородных частей.**

II.6 ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Заключение – один из наиболее ответственных элементов текста научной монографии. В заключении автор кратко формулирует итоги исследования и намечает новые рубежи. Научный труд – это послание следующим поколениям исследователей. Поэтому читатели должны четко представлять, какие задачи были поставлены, как они решены, какие новые горизонты науки открываются в результате проделанной работы. Давайте с этой точки зрения проанализируем заключения к обоим изданиям монографии (Д1 и Д2).

II.6.1 Заключение Д1

С.164: *«Итак, монолитного, объективного определения власти, способного стать четким выражением всех кратических процессов, не существует, как, впрочем, не существует и самой универсальной системы социальных процессов, породивших феномен власти».*

Не станем задаваться вопросом, что такое кратический процесс. Не станем придираться к «монолитному определению» – будем считать это неудачной метафорой. По существу нам предлагается два суждения: 1) власть не имеет универсальной причины существования, 2) власть непознаваема. Первое суждение означает следующее: в каждом конкретном обществе причина появления власти уникальна. У римлян власть появилась по одной причине, у греков – по другой, у германцев – по третьей, у славян – по четвертой и

т.п. Это, конечно, совершенно абсурдное утверждение, противоречащее всем историческим фактам. Указанный абсурд в тексте монографии никак не обосновывается; вопрос о том, каковы причины, породившие феномен власти, не обсуждается и даже не затрагивается. Остается только выразить удивление по поводу того, что автор решил эпатировать читателя столь нелепой теорией.

Что же касается тезиса о непознаваемости власти, то его нельзя провести последовательно. Если он верен, Г.Э. Говорухину надо сжечь свою монографию как плод беспредметного умствования. Никто не требует полного, абсолютного знания природы власти. Достаточно иметь приблизительно верную картину действительности. А потом, по мере накопления опыта, уточнять наше понимание предмета, углублять знания, преодолевать заблуждения.

С. 164: «Изменение условий применения власти и формирование властных отношений являются лишь результатом интеллектуального обобщения наиболее распространенной в конкретной исторической эпохе практики управления».

Всякое обобщение совершается работой ума (интеллекта), поэтому выражение «интеллектуальное обобщение» – плеоназм. По существу здесь две ошибки. Первая: автор отождествляет власть и управление, что неверно фактически. Вторая: власть (следовательно, и «властные отношения») не возникает в результате обобщения, даже очень интеллектуального. Власть – результат (и аспект) общественных отношений. Владимир Святославович сумел загнать киевлян в Днепр не потому, что обладал выдающейся способностью к обобщению, а по той причине, что у него была дружина, которая могла привести к покорности любого жителя города.

С. 164: «Властные структуры в рамках определенной общественной системы складываются из общих принципов (правил игры), принимаемых участниками властных отношений».

Жизнь – не игра. Власть – явление жизни. Отождествление юридических законов и правил игры в корне неверно. Правила игры – условность, которую всегда можно изменить. Человек, отступивший от правил игры, в худшем для него случае выбывает из нее. Закон – вещь безусловная. За нарушение закона полагается кара.

С. 164: «Интеллектуальная оценка этих отношений способна «зацепить» их в фазе внешнего разворачивания, проявляющегося во всех сферах социальных отношений – символики власти».

По-русски: можно изучать только внешние проявления власти в виде «символики», а сущность власти остается непостижимой. Все тот же бесплодный агностицизм. Если сущность власти непостижима, не нужно писать книги о власти, лучше заняться чем-нибудь полезным.

С. 164: *«К такой символике может относиться письмо и система передачи информации внутри властного пространства, а также идеологические штампы, проявляющиеся в конструировании социальной реальности, и в организации и освоении географических пространств».*

Власть существовала до появления всякой письменности и до возникновения идеологии.

С. 164: *«В момент своего отражения в объективной реальности социальных отношений проявления власти становятся доступными исследователям».*

Власть – неотъемлемый элемент социальных отношений, следовательно, она всегда, а не в какие-то исключительные моменты доступна для изучения.

С. 164: *«Однако с изменением условий социального взаимодействия людей и усложнением общественных отношений меняются принципы и структуры субъект-объектных отношений власти».*

По-русски: характер власти меняется вместе с изменением общественных отношений. Мысль верная, однако революционным открытием в социальных науках ее не назовешь.

С. 164: *«Как следствие, происходит трансформация оценки власти и изменение дискурсивного пространства кратологии (науки о власти)».* Автор перевел слово «краология» на русский язык, не надеясь на образованность читателя. Поблагодарим его за заботу. По-русски: «Изменения политических отношений отражаются в политологии». Здесь автор предстает перед публикой как ортодоксальный марксист. Эволюция взглядов от кантианства до марксизма произошла на протяжении одной страницы.

С. 165: *«Многогранность власти позволяет говорить о полисемантической властного пространства, что наиболее отчетливо проявляется в символической реальности кратоса осваиваемого пространства».*

Адекватный перевод на русский язык затруднителен.

С. 165: *«Условия социальной организации такого пространства отличаются от пространства географических метрополий».*

Два новшества: 1) условия пространства сравниваются с самим пространством, 2) вводится понятие географических мет-

рополий. Приблизительный перевод: «Условия существования власти в колонии и метрополии различаются». А кто-то этого не знает?

С. 165: *«В таком случае взаимодействие между центральной властью и властью окраин осваиваемого пространства осуществляется лишь номинально».*

Это именно частный случай. Власть центра в период кризисного развития может быть номинальной, но в остальное время она, как правило, очень даже реальна.

С. 165: *«В каждом регионе, особенно четко это видно на примере Дальнего Востока, формируется специфическая система властных взаимодействий, способствующая оптимизации властных структур».*

1. Тезис о том, что Дальний Восток – наилучший объект для политологических исследований, не доказан.

2. В любом регионе «система властных взаимодействий» специфична, однако эта специфика существует в рамках одного социально-исторического типа.

3. Относительно «оптимизации властных структур» автор несколько поторопился. Правда, если он под «оптимизацией властных структур» понимает безудержный рост бюрократического аппарата, мы готовы признать его правоту.

С. 165: *«Дальний Восток принадлежит к числу регионов, появившихся в результате активного участия структур власти».*

Надо полагать, власть действовала на пару с богом?

С. 165: *«Пространство власти максимально зависимо от символической (идеологической) реальности кратоса, участвовавшего в его освоении».*

Приблизительный перевод: «Дальний Восток максимально зависим от Москвы». Если бы только Дальний Восток! В начале 2009 года в РФ было 11 регионов-доноров, а к концу года их количество может сократиться до двух (Москва и Санкт-Петербург)¹³⁷.

С. 165: *«Разрушение общих принципов управления после 1991 года, а затем и кратоса, приводит к исчезновению значимых паттернов всей социальной реальности в регионе».*

Приблизительный перевод: «Ликвидация советской власти породила глубокий кризис в регионе». Очень интересное наблюдение.

С. 165: *«В этом случае происходит разрыв социальных связей между акторами и, как следствие, начинается интенсивный отток жителей за его пределы».*

¹³⁷ См.: www.rian.ru/crisis/20090327/166210050.html

Иначе говоря, в этом случае вся высокотехнологичная промышленность региона становится ненужной, высококвалифицированные специалисты, лишившись работы, покидают Дальний Восток. Не менее интересное наблюдение.

С. 165: *«Сами территории, как географические пространства, еще не являются частью государства».*

В высшей степени оригинальное суждение!

С. 165: *«Такой частью единой государственной системы их делают символические ментальные связи между людьми, которые в последние пятнадцать лет ослабевают».*

Государство скрепляют в единое целое экономические связи, а «символические ментальные связи» возникают как их отражение.

С. 165: *«После 1991 года происходит новый период формирования системы властного взаимодействия».*

Верно, «происходит новый период».

С. 165: *«Отмирают структуры власти, которые участвовали в освоении Дальнего Востока».*

Советская власть не отмирала, она была уничтожена в одночасье.

С. 165: *«Теряют смысл и те символические паттерны, на которых строились принципы организации социального пространства».*

Приблизительный перевод: «Советский тип жизнеустройства пришел в противоречие с новыми реалиями». Серьезное обобщение.

С. 165: *«В таких условиях власть организует социальное пространство, руководствуясь новыми правилами».*

Иначе говоря, власть организует общественную жизнь на новых (капиталистических) началах. Это правильно, но только надо иметь в виду, что без «тяжелого наследия прошлого» власть обойтись не может. Например, без бесплатного здравоохранения, образования, без общих теплотрасс, словом, без созданных в советское время систем жизнеобеспечения.

С. 165–166: *«Структура социального пространства остается неизменной, но в ее пределах возникает уже новая символика власти и властных отношений».*

В реальности дело обстоит прямо противоположным образом. В обществе установились капиталистические общественные отношения, а правящая элита воспроизводит внешние атрибуты буржуазной демократии, фактически восстановив однопартийную систему. «Новая символика власти» нова лишь по форме.

С. 166: «С одной стороны, существует власть, «кооптируемая» из недр самого пространства региона, с другой – власть центральная, федеральная».

«Из недр самого пространства региона» кооптируются чиновники рангом не выше министра краевого правительства, а депутаты Госдумы, сенаторы и губернаторы могут кооптироваться из недр совсем других пространств.

С. 166: «Постепенно возникает перекокс во взаимоотношениях властей, который неизбежно приводит к усилению разрыва внутри символического пространства всей страны».

Иначе говоря, постепенно во взаимоотношениях центра и регионов накапливаются противоречия, которые неизбежно ведут к конфликту между ними. Неверно фактически. Никакой неизбежности конфликта не существует. В настоящее время (август 2009 г.) Кремль достаточно надежно контролирует ситуацию во всех регионах. (Другой вопрос – какой ценой?)

С. 166: «В этой связи активное вмешательство центральной власти в региональную политику фактически приводит к сломи оставшихся принципов активного социального взаимодействия между людьми (базирующихся на специфической системе управления) и ослаблению связей в системе их коммуникаций».

Активное вмешательство центральной власти в региональную политику приводит к разным результатам. Цель такого вмешательства понятна – подчинение местной власти интересам государства в целом. Главный вопрос – какова сущность данного государства, чьи интересы оно выражает и защищает.

С. 166: «Как представляется, дальнейшая политика государства по усилению вертикали власти неизбежно приведет к ослаблению его связи с регионами и дальнейшему отторжению этих регионов».

Прогноз сделан два года назад. Признаков ослабления связи Кремля с местными властями не наблюдается. Прогностическая сила теории «символического освоения пространства», надо прямо сказать, невелика. Вертикаль власти, конечно, с течением времени надломится. Но произойдет это не в результате «политики государства по усилению» этой вертикали, а вследствие социально-экономических потрясений, которые ожидают Россию в будущем. Сырьевая модель экономики в длительной перспективе несовместима с существованием России – вот в чем суть проблемы.

Итак, мы процитировали практически все заключение Д1.

Вы можете самостоятельно судить о глубине и оригинальности предложенных идей. Вы можете также составить собственное мнение о том, насколько полезна для науки трактовка власти как *символической* (а не объективной) реальности.

Как мы помним, автор сформулировал задачи для каждой главы отдельно. Это лишило его возможности подвести итоги в заключении монографии. В конце первой главы были сформулированы определенные выводы. В конце второй главы автор этого сделать не догадался. В результате вся конструкция монографии оказалась перекошенной. Признаться, столь уродливой структуры книги нам встречать не приходилось.

Спрашивается, для чего автор блистал эрудицией, демонстрировал свои познания в самых разных областях науки, предпринимал экскурсии в историю, создавал сложные теоретические конструкции, заставлял продираться сквозь дебри неудобочитаемых фраз? Чтобы написать такое глубокомысленное заключение? Его можно было бы создать в течение полчаса и без всякой монографии.

II.6.2 Заключение Д2

С. 287: *«Итак, территория, принадлежащая государству это не только и не столько пространство, заселенное людьми, являющиеся гражданами этого государства. Это территория, которая заполняется механизмами властного взаимодействия».*

1. Граждане существуют в республиках, а в монархиях – подданные. Автор исключает монархии из числа государств.

2. Если есть люди, то появятся и «механизмы властного взаимодействия». На той территории, где они проживают. Или до публикации монографии Г.Э. Говорухина этого никто не знал?

С. 287: *«Власть (экономическая, политическая, административная) проявляется везде, где существует возможность обоснования целесообразности человеческой деятельности».*

Власть возникает там, где есть люди. Власть – объективное отношение, существующее до всякого теоретизирования и независимо от всякого теоретизирования.

С. 287: «Наиболее ясно это обнаруживается там, где общество не сумело в полной мере освоить территорию».

Автор неявно отождествляет власть с ее конкретной исторической формой – властью государства. Шайки авантюристов, первоначально проникающих на неосвоенную территорию, не были неорганизованной толпой. Они подчинялись своему главарю (атаману). Когда новая территория присоединяется к государству, оно вытесняет существующие там догосударственные формы власти. И делается это безо всякого теоретизирования, под давлением практических нужд.

С. 287: «Именно такое слабо освоенное пространство способно обнаружить наиболее значимые черты символического властного давления».

Именно на территории региона, вовлеченного в процесс освоения, наиболее отчетливо проявляется тот факт, что государство – реальная сила, способная подчинить себе догосударственные формы организации человеческих сообществ.

С. 287: «Пространство, входящее в структуру полномочных функций чиновников, сохраняет свою осмысленность. Такое пространство на сегодняшний день не сужается и не исчезает из реестров административной системы контроля, в противном случае исчезает почва для рекрутирования администраторов».

Этот фрагмент с трудом поддается толкованию. Но попытаемся. Для начала отметим, что «полномочные функции» – плеоназм. (Полномочия чиновника – то же, что и его функции.) Вероятно, речь идет о территории, входящей в зону ответственности чиновника. Слово «осмысленный» Г.Э. Говорухин употребляет в каком-то особом смысле, неизвестном остальным русскоговорящим «обывателям». По-видимому, «осмысленный» надо понимать как «упорядоченный». Получается, таким образом, следующая фраза: «На территории, которая входит в зону ответственности чиновника, существует государственный порядок». Так мы разобрались с первой фразой. Теперь приступим к дешифровке второй. «Реестр административной системы контроля» – это, конечно, говорухинская красавица. Речь идет просто о контроле. Получаем следующую фразу: «На такой территории государство контролирует социальные процессы, иначе оно не могло бы пополнять свой аппарат новыми чиновниками». Связь между первым и вторым, правда, не очевидна, но другой приемлемой дешифровки мы предложить не можем.

С. 287: «Однако хозяйственное освоение незаполненных территорий не ведется, поскольку во властной системе отсутствует способ дробления полномочий, направленных на охват различных территорий региона».

Приблизительный перевод: «Если каждая конкретная территория региона нового освоения не закреплена за конкретным чиновником, освоение региона невозможно».

Это, конечно, сильное преувеличение возможностей государственного аппарата. Мы не отрицаем необходимости и полезности государственного регулирования освоения новых территорий, однако не все в силах государства.

С. 287: «Это означает, что чиновники не перемещаются на «непаханое поле» незаполненных территорий-лакун, а мигрируют в район или город с большими административными полномочиями, где этих лакун нет».

Более или менее понятно, о чем идет речь. Г.Э. Говорухин осуждает чиновников, которые не желают трудиться в глубинке, а предпочитают жить и работать в крупных благоустроенных центрах.

С. 287: «Территория Дальнего Востока, закрепление которой за Россией происходит не в результате сформированной поселенцами традиции социальных отношений, а благодаря власти, сегодня оказывается в сложном положении».

Иначе говоря, процесс заселения Дальнего Востока направлялся сверху, усилиями государства, народ был пассивным материалом; государство более не желает нести ответственность за судьбу населения, отсюда и трудности.

С. 287: «Население данной территории оказывается слабо прописанным в пространстве».

То есть для дальневосточников нет работы, которая могла бы обеспечить достойный уровень жизни.

С. 287: «Результатом становится незаинтересованность в освоении территории».

У дальневосточников чемоданное настроение. Еще одна банальность.

С. 287: «Социальная система региона рекрутирует из своей среды аппарат чиновников, но этот аппарат не ориентирован на развитие региона. Отсюда происходит уменьшение контроля над территорией, ослабление мотивации ее дальнейшего освоения, что ведет к формальному административному сужению пространства и образованию новых лакун».

В общем, чиновники ведут себя эгоистически, освоение региона их не интересует, в итоге дела идут все хуже и хуже.

С. 288: *«В этом случае можно говорить о снижении интереса России как государства к Дальнему Востоку, а главное о потере механизмов реального контроля за ним как за частью государственной территории».*

Автор не выделил запятыми вводное слово «главное», употребил выражение «государственная территория» вместо правильного в данном контексте «территория государства» (лучше – территория страны), а в остальном все верно.

С. 288: *«В этом случае становится понятно, что политическая система не терпит лакун, и неизбежно пустующие территории начнут осваиваться и занимать кем то другим».* Напоследок пропущен дефис, вместо понятия «мировая система отношений» употреблено понятие «политическая система». По существу правильно.

С. 288: *«Здесь необходимо четко ответить на вопрос: насколько нашей стране необходим Дальний Восток¹³⁸, и насколько его дальнейшее развитие как части нашей страны имеет смысл».*

Здесь необходимо четко ответить на вопрос: зачем нужно было писать 286 страниц, чтобы сотворить это банальнейшее заключение?

---

¹³⁸ Лишняя запятая.

Несколько советов в заключение

Пишите небрежно и халтурно, как бы демонстрируя свое полное презрение к читателю, к его уму и чувствам. Помните, что соответствие оглавления книги ее содержанию – вещь совершенно не обязательная. Дважды формулируйте цель исследования, притом в разных местах. При этом важно, чтобы цели не имели между собой ничего общего.

Заголовки давайте либо неудобопроизносимые, либо такие, которые никоим образом с содержанием не связаны. Чем меньше смысла в заголовке, тем лучше. Совпадение заголовка на обложке книги с заголовком на титульном листе – дело совершенно излишнее. Не забывайте делать ошибки в названиях глав и параграфов.

Выдавайте два издания одной монографии за две самостоятельные монографии.

Связь между всеми структурными элементами текста должна быть сугубо факультативной. В аннотации пишите об одном, а в тексте – совсем о другом.

Сочиняйте несколько введений к одной монографии. Давайте им девиантные названия, в самих введениях – как можно больше патетики и как можно меньше конкретики.

Пишите вопиюще безграмотно, отриньте нормы орфографии, пунктуации, грамматики и стилистики. Знаки препинания расставляйте произвольно, пишите слова, не заглядывая в словарь, придумывайте неудобочитаемые конструкции; требование согласовывать члены предложения в роде, числе и падеже воспринимайте как покушение на вашу свободу.

Сочиняйте новые словечки – в том числе и такие, которые запрещает система языка. Чем уродливей придуманное вами слово, тем больше у вас оснований мнить себя гением.

Не считайтесь с общепринятыми значениями слов. Употребляйте их в своем индивидуальном смысле, причем обязательно всегда в одном.

Пишите косноязычно и витиевато, щедро рассыпайте по страницам ваших писаний плеоназмы, не чурайтесь оксюморонов, перевирайте имена.

Украшайте свою речь экзотическими терминами. Главное требование – чтобы они были нужны в тексте как пятое колесо в телеге.

Не упускайте случая блеснуть интеллектом. Как можно больше ссылок на иностранных авторов!

Отрешитесь от предрассудка, будто в научном тексте следует соблюдать правила логического мышления. Закон тождес-

тва, закон противоречия и все прочие логические законы – не для вас.

С глубокомысленным видом повторяйте общеизвестные истины. Изрекайте банальности так, как если бы вам открылась глубокая тайна.

Цитируйте, не указывая страниц.

Занудно, путано и многословно пересказывайте учебник.

Механически соединяйте разнородные куски текста, эклектически смешивайте сюжеты.

Тщательно избегайте затрагивать общественно значимые темы.

Старательно отводите глаза от причин социальных неурядиц и бедствий.

Воздерживайтесь от прогноза. Если же все-таки обстоятельства вынуждают вас высказать суждение о будущем, пусть оно не задевает никого из власть имущих.

Намекайте на свое критическое отношение к существующим недостаткам, но при этом не забывайте демонстрировать свою лояльность.

И тогда вы попадете в тупик.

И притом – оптимальным образом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИИ Л.А. ВАСИЛЬЕВОЙ

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Л.А. Васильевой «СМИ в политических процессах тоталитарного и транзитного типов: сравнительное исследование места и значения печатных средств массовой информации советского и российского паттернов», представленной на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (политические науки)

Оценка актуальности темы исследования

В современном мире признается только один способ легитимизации власти – через механизм выборов. Поэтому обеспечение нужных результатов выборов является важнейшей задачей власти. Результат народного волеизъявления складывается под воздействием двух основных групп факторов: реального положения в экономике и социальной сфере и воздействия средств массовой информации. Какой из этих факторов имеет более существенное значение – отдельный вопрос, обсуждение которого в тексте отзыва о диссертации не представляется возможным. Но несомненно то, что СМИ оказывают серьезное влияние на симпатии и антипатии избирателя. Поэтому изучение СМИ с точки зрения их воздействия на электоральное поведение избирателя и – говоря более широко – на политический процесс представляется делом весьма актуальным и перспективным. Вопрос заключается в том, каковы исходные мировоззренческие и методологические принципы такого изучения, предопределяющие способ отбора и интерпретации эмпирического материала.

Мировоззренческая позиция

В расколотом социальными антагонизмами обществе (а современное российское общество является именно таким) было бы наивностью ожидать совпадения позиций обществоведов по всему спектру вопросов, находящихся в компетенции социально-политических наук. Наиболее острые дискуссии вызывает оценка советского периода российской истории. Полемические шпаги скрещиваются и в связи с истолкованием результатов,

достигнутых Россией на пути движения к рыночно-демократическому (т. е. капиталистическому, если отбросить эвфемизмы) обществу. Специфика избранного Л.А. Васильевой предмета исследования такова, что она не может обойти оба этих принципиальных вопроса. Более того, они волненс-ноленс находятся в центре ее внимания.

Как поступает обществовед, да еще претендующий на высокий квалификационный статус доктора наук, в ситуации острого идейно-теоретического противоборства, объективно существующего в научном сообществе? Он прямо и открыто заявляет о том, какую позицию разделяет, с кем он согласен и против кого выступает. Никакой неангажированной общественной науки не существует, об этом с классической ясностью писали Т. Гоббс и В.И. Ленин, это же признавал и М. Вебер. Доблесть обществоведа состоит не в том, чтобы уклониться от позиции, т. е., говоря словами поэта, «признать, что все по своему правы, каждый поет по своему голосу». В обществоведении нет «общей курицы славы», поэтому и отсутствует возможность «каждому выдать по равному куску». Для обществоведа быть па высоте требований научного мышления – значит обосновывать, в соответствии с принципами науки, вполне определенную позицию, подвергая все точки зрения, которые ей противоречат, аргументированной критике.

Зададимся вопросом: какова же собственная позиция автора? Если следовать тексту, то это позиция беспристрастности. Так, во Введении Л.А. Васильева пишет о своем намерении преодолеть «политико-идеологическую зашоренность, типичную как для советской, так и для постсоветской политологической школ, с тем, чтобы устоять на платформе объективного политического нейтрального анализа». Заметим в этой связи следующее. Во-первых, никакой единой «постсоветской политологической школы» не существует. В современной российской политологии идет острая идейная борьба. Во-вторых, зашоренности противостоит не объективность и идейная нейтральность, а способность видеть вещи в их взаимосвязях, широта подхода. В-третьих, а это главное, – данное заявление подтверждает наш тезис о том, что диссертант претендует на проведение «объективного политического нейтрального анализа».

Разумеется, претензия на объективность диссертантом не реализована, ибо она нереализуема в принципе. На самом деле Л.А. Васильева занимает позицию радикального либерализма с присущим ему крайним европоцентризмом. Диссертант имеет, конечно, полное право придерживаться именно таких, а не иных взглядов, но они должны быть проведены в работе в соответствии с требованиями научного метода. В качестве программы-минимум эти требования предполагают содержательную

критику точек зрения оппонентов. Однако, прочитав объемистый труд Л.А. Васильевой до конца, мы с удивлением узнаем, что никаких оппонентов у радикальных либералов-западников нет. Так, в ней вообще не упоминаются широко известные работы В.В. Кожина, посвященные советской истории. Нет упоминания и о фундаментальном труде С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация», составившем целую эпоху в познании советского периода российской истории. (Справедливости ради отметим, что другая основная книга этого автора «Манипуляция сознанием» упомянута, и автор с ней полемизирует.) В списке литературы приведены названия книг всемирно известного критика либерализма А.А. Зиновьева, но в тексте знакомства с этими книгами не обнаруживается. Складывается впечатление, что Л.А. Васильева пребывает в уверенности, что высказываемые ею суждения и оценки являются самоочевидными истинами. Так, во втором параграфе второй главы она делает следующее высказывание: «Согласно общепризнанной схеме «транзита» частично пройдена лишь первая фаза либерализации и демократизации режима». (Данное высказывание воспроизведено в автореферате.) Но ведь далеко не общепризнанной является идея о том, что само российское общество переживает «транзит», т. е. пребывает в переходном состоянии. Нет слов, эта идея довольно популярна, но она подвергалась обоснованной критике, в том числе и автором этих строк. (См.: Лившиц Р.Л. Мифологема переходного периода/XXI век; будущее России в философском измерении: Мат. II Российского философского конгресса. Т. 2. Ч. 1. Екатеринбург, 1999. С. 147–148.) Преувеличением является и утверждение о том, что все авторы, разделяющие идею «транзита», едины в трактовке природы этого последнего.

Метод изложения

По-видимому, полная уверенность Л.А. Васильевой в том, что излагаемые ею суждения и оценки относятся к разряду общепризнанных, объясняет сам принятый ею метод построения текста. Согласно общему правилу, научный текст (тем более в жанре диссертации) строится как исследование, изучение, анализ проблемы. Диссертация – не учебник, где в популярном виде преподносятся готовые результаты исследования. Диссертация – и не место для публицистических эскапад, для них существуют другие жанры. В диссертации автор формулирует проблему, показывает пути ее решения, формулирует собственную точку зрения, обсуждает взгляды, отличные от своих собственных, рассматривает реально существующие и возможные контраргументы, интерпретирует факты, подтверждающие его концепцию или находящиеся в (видимом) противоречии с ней.

Но ничего этого почти невозможно найти в работе Л.А. Васильевой. Текст построен по типу учебника, т. е. как изложение уже добытой (и к тому же общепризнанной!) истины. Возьмем в качестве примера первый параграф первой главы, озаглавленный «Политический процесс как объект политологического исследования». Читатель вправе ожидать обсуждения гносеологических трудностей, неизбежно возникающих при исследовании такого «горячего» предмета, как политика. Однако фактически в параграфе после краткого реферативного обзора концепций В. Парето, Т. Парсонса, Р. Пальмера и Ханны Арендт (каждое слово которой воспринимается диссертантом как истина в последней инстанции) дается беглое изложение советской истории, в котором воспроизводятся к тому же все идеологические клише радикального либерализма. Если снять с рассуждений Л.А. Васильевой пестрый словесный покров, мешающий восприятию, то обнаружится довольно простая идея: вся советская история есть результат действий злодеев-большевиков. Так, Октябрьская революция для автора, конечно же, только «переворот». Далее: «Формы и направления развития советского государства определялись идеологическими обстоятельствами, диктаторская власть превратилась в необходимость» (гл. 1, §1). Получается, таким образом, что диктатура, возникшая после октября 1917 года, была не формой самоорганизации России на краю гибели, а следствием большевистского волюнтаризма. Правда, в некотором противоречии с тезисом о том, что большевики руководствовались в государственном строительстве только соображениями доктринального свойства, но никак не здравым смыслом и опытом жизни, находится следующее утверждение автора: «Неизбежность и вероятность внедрения тоталитаризма на российскую почву стали возможными по ряду причин» (гл. 1, §1, воспроизведено в автореферате). Это высказывание вызывает ряд вопросов. Во-первых, мы так и остаемся в неведении относительно того, было «внедрение тоталитаризма» в России только вероятным или же оно являлось неизбежным. Все-таки между первым и вторым есть некоторая разница. Во-вторых, обращает на себя внимание стилистическая неряшливость цитированной фразы: «неизбежность и вероятность стали возможными». (Более подробно вопрос о стиле диссертации Л.А. Васильевой будет разобран чуть ниже.) В-третьих, признание «вероятности» и тем более «неизбежности» возникновения тоталитаризма в Советской России снимает историческую вину с большевиков (что, кстати, и сделал Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма»). Но тогда нужно отказаться от утверждения, что большевики в своей политической практике руководствовались (только или хотя бы по преимуществу) идеологическими соображениями. Автор диссертации

явно не замечает, что противоречит сам себе в разных частях своей работы. Общая идейная тенденция диссертации не вызывает, однако, сомнений: автор склонен видеть в большевиках демиургов исторического процесса, а весь период их правления рассматривать как цепь провалов, неудач и злодейств. В пользу такого вывода говорит, например, следующее высказывание: «Будущая революционная власть определялась с самого начала революции идеологическими постулатами политической партии, ставшей организатором переворота, захвата власти» (там же). Об этом же свидетельствует и то, что автор при освещении советской истории расставляет только негативные оценки. При этом обильно и с явным сочувствием цитируется И.А. Ильин, очень красноречиво описывающий ужасы тоталитаризма, которых он сам не испытал. Автор приводит такую, например, цитату: «Российский тоталитаризм держался «на животных и рабских механизмах «тела-души»; на угрожающих приказах рабонадзирателей; на их, внушенных сверху, произвольных распоряжениях. Это не государство, в котором граждане – «законы и правительство»; это социально-гипнотическая машина; это жуткое и невиданное в истории биологических явлений – общество, спаянное страхом, инстинктом и злодейством, но не правом, не свободой, не духом, не гражданством и не государством». Не менее щедро цитируется Х. Арендт, хотя в смысле красноречия ей далеко до И.А. Ильина. Вообще при чтении текста диссертации трудно отделаться от мысли о том, что в понимании проблем советской истории Л.А. Васильева пребывает на уровне приснопамятного журнала «Огонек» 1989–1990 годов. Как и там, у Л.А. Васильевой четко расставлены плюсы и минусы, все периоды поделены на светлые и темные, Временное правительство – хорошо, военный коммунизм – плохо («период реакции»). Сталинизм – не просто плохо, а очень плохо. Хрущевская оттепель – хорошо, брежневский застой – плохо. Перестройка – хорошо, но не до конца. Современный период – хорошо, однако можно еще лучше.

Повторяю, я не отрицаю права Л.А. Васильевой разделять именно такое, а не иное видение советской истории. Я не могу принять такой метод ее освещения как соответствующий критериям научности.

Способ отбора и интерпретации фактов

Выбранная исследователем теоретическая позиция определяет способ отбора и интерпретации фактов. Но при любой исходной позиции автор обязан видеть и обсуждать те факты, которые не укладываются в предлагаемую концепцию. Так, одним из постулатов, безоговорочно принимаемых Л.А. Васильевой, является утверждение, что тоталитаризм насаждался в России

сверху, вопреки воле народа. Из этого вполне логично вытекает ее тезис о том, что культ личности создавался усилиями советских СМИ. Развивая эту мысль, она нечаянно натывается на очевидный факт; невзирая на попытки развенчания Ленина с помощью всей мощи современных СМИ, вождь Октябрьской революции продолжает оставаться в сознании огромного количества россиян величайшим историческим деятелем. Этот факт прямо противоречит ее теории. Но она проходит мимо данного факта, не замечает его. Не видит она и того факта, что все обильные славословия в адрес Брежнева так и не привели к культу его личности. Нет, единственной причиной культа личности она продолжает считать внушение со стороны СМИ.

Ее взор вообще отстранен от грешной земли, устремлен куда-то в небесные выси. Так, она как о чем-то само собой разумеющемся говорит об «экономической неэффективности централизованной плановой экономики» (там же). Она забывает уточнить, по какому критерию советская экономика была неэффективной и насколько возросла эффективность российской экономики после ее перехода к «цивилизованным рыночным отношениям». Очень свежо выглядит следующее утверждение диссертанта: «В демократическом массовом обществе индивид имеет свободу выбора при определении характера своей социальной деятельности, в тоталитарном – ее направление жестко детерминировано системой» (там же). Это высказывание было бы интересно почитать негру из Гарлема, получателю пособия по бедности в четвертом поколении. Возникает также подозрение, что заниматься журналистикой Л.А. Васильева заставила жестокая тоталитарная власть.

При чтении диссертации часто приходит на ум бессмертная самохарактеристика одного из персонажей Гоголя: легкость в мыслях необыкновенная. Так, Л.А. Васильева пишет: «Сталин и его клика...» (гл. 1, §3). Но ведь Л.А. Васильева обещала нам «объективное исследование»! Как она может употреблять слово «клика», имеющее резко выраженную отрицательную коннотацию, в связи с фигурой такого масштаба, как Сталин! Или возьмем вот такой тезис: «Чтобы занять высшую ступеньку пьедестала, Сталин был готов в случае необходимости сразиться с самим Лениным» (там же). Где вычитала Л.А. Васильева такой факт? Почему не называет источника? Или она сама это придумала? Не менее поразителен такой пассаж: «Природа наделила И.В. Сталина качествами, которыми обделила других советских руководителей, – решительностью и бесконечной жестокостью» (гл. 3, §3). Ну, насчет решительности и у других советских руководителей все было в полном порядке. Кто посмел бы упрекнуть в нерешительности, например, Г.К. Жукова? Или Л.П. Берия? Не в том суть. До сих пор считалось, что

природа никого жестокостью, как и мягкосердечием не награждает. Эти качества – результат воспитания и самовоспитания. Л.А. Васильева смело опровергает застарелый предрассудок. И какой, извините, смысл, может иметь выражение «бесконечная жестокость»? Сталин – человек, а не бог, и потому любое качество в нем могло быть выражено только в конечной степени. Что касается жестоких мер, то любой государственный деятель может оказаться перед необходимостью их применения. У. Черчилль, например, это прекрасно понимал, ему самому однажды пришлось пожертвовать населением города Ковентри, чтобы не раскрыть важную государственную тайну. Черчилль в своей известной характеристике Сталина не нашел нужным обвинить своего политического противника в излишней жестокости. Мне почему-то кажется, что великий английский политический деятель лучше понимал характер Сталина, чем моя соотечественница Л.А. Васильева. Всего лишь одна фраза – и так много в ней такого, что вызывает недоумение... А сколько таких фраз на протяжении полутысячи страниц?

Логическая и методологическая культура

К сожалению, в тексте постоянно встречаются логические несообразности. Главная несообразность уже названа – претензия на объективность при ярко выраженной ангажированности. Другая несообразность – противопоставление федерализма тоталитаризму (а не унитаризму), социализма тоталитаризму (а не капитализму), марксизма демократии (а не антимарксизму).

Очень расплывчато и нечетко определено базовое для работы понятие тоталитаризма. Исходной посылкой рассуждений Л.А. Васильевой является тезис о советском общественном строе как тоталитарном. «Наиболее общими признаками политического процесса тоталитарного типа, – пишет автор, – являются закрытость и заорганизованность общества, жесткий контроль, единомыслие, радикальное преобразование всей системы в соответствии с революционной по своему характеру социальной утопией, уничтожающей индивидуальную свободу, многоголосие мнений» (Введение). В другом месте приводится иное определение тоталитаризма, с которым автор выражает свое полное согласие; «Тоталитаризм – закрытое общество, не приспособленное к глубокому, качественному, своевременному учету изменений, происходящих в мире. Его адаптивные возможности ограничены идеологическими догмами. Тоталитарная модель общества покоится на ошибочных теоретических постулатах и отрицании таких достижений цивилизации, как рынок, конкуренция, свобода личности. Он глубоко враждебен гуманистической культуре и нравственности» (гл. 1, §1). Каждый из этих признаков по отдельности и вся их совокупность выглядят довольно неубедительно. Так, признак закрытости

явно не относится к такому классическому тоталитарному государству, как гитлеровская Германия. Да и Советский Союз, как хорошо известно, не сам «закрылся», а его «закрыли», опасаясь дурного примера для трудящихся западных стран. В КНР, если следовать логике сторонников теории тоталитаризма, по меньшей мере до 1978 года, существовал тоталитарный режим. Однако этот режим, не считаясь с теорией, сумел измениться и великолепно приспособиться к современным условиям. Вторая формулировка исходит из того, что существует некая «правильная» теория, в соответствии с которой строится общественная система. Но общество – не инженерная конструкция, а живой организм, имеющий собственную историю и логику развития. Иначе могут представлять себе дело только прожектеры и доктринеры. Особенно нелепо выглядит тезис о низком моральном уровне людей, живущих в условиях тоталитаризма.

Конечно, я отдаю себе отчет в том, что все эти трудности с определением понятия тоталитаризма – не вина Л.А. Васильевой. Они лишь показывают, что удовлетворительного определения данного понятия не существует. И причина этого заключается, на мой взгляд, в его изначальной пустоте и бессодержательности. Но Л.А. Васильева принимает теорию тоталитаризма и, следовательно, берет на себя ответственность за вытекающие из этого следствия.

Одним из таких следствий являются проблемы при определении характера советского общества после 1953 года. Совершенно очевидно, что в нем произошли глубокие качественные изменения, спало напряжение борьбы, исчезла необходимость в экстремальных мерах, но типологически оно все-таки то же самое. Поэтому надо либо признать позднее советское общество нетоталитарным, либо пытаться обосновать, что оно, вопреки всему, осталось в плену тоталитаризма. Л.А. Васильева избирает самый оригинальный путь выхода из этого логического тупика: она принимает обе версии сразу. Она аттестует 60-е годы как период «демократического транзита» и одновременно не отказывается от тезиса о том, что советское общество было по своей сущности тоталитарным. Так, в первом параграфе первой главы Л.А. Васильева пишет, что «смерть И.В. Сталина, XX и XXI съезды партии ознаменовали третий, нисходящий этап в развитии политического процесса тоталитарного типа», а потом во второй и третьей главе характеризует 60–70 годы XX века как годы «демократического транзита» в советском обществе. В главе четвертой постсоветское общество определено как «транзитное». Но ведь совершенно ясно, что современное российское общество коренным образом отличается от советского общества, каким оно было 30–40 лет тому назад. Как же можно считать их типологически идентичными образованиями?

Определяя методологическую базу своего исследования, Л.А. Васильева называет такие принципы, как системность и историзм. К этому она добавляет, что в ее исследовании реализованы принципы единства исторического и логического, восхождения от абстрактного к конкретному, а также принципы всесторонности, реалистичности, объективности и рассмотрения целостности. Мне не удалось обнаружить в тексте никакого «восхождения от абстрактного к конкретному». Классическим образцом исследования, в котором реализован данный принцип, является «Капитал» Маркса. Диссертация Л.А. Васильевой ничуть не похожа на этот эталон. Не удалось мне найти также и конкретности и историзма. Напротив, диссертации свойственно то, что является характерным проявлением абстрактного, внеисторического подхода к анализу социальных явлений, – морализирующая критика. Вот одно из множества заявлений, сделанных автором, которое свидетельствует об этом: «Политический процесс тоталитарного типа стал историческим и политическим фактом, он отрицал закон и основывался на указах, распоряжениях, инструкциях. Поэтому он не являлся ни правовым, ни государственным режимом, держался на внушаемых распоряжениях» (гл. 1, §1). (Стиль оставляю в неприкосновенности). Та простая мысль, что предельная концентрация усилий на решении задач неимоверной сложности, которая потребовалась от советского общества в период его становления, не могла быть обеспечена мягкими методами, типичными для сытого, комфортно устроившегося в мире западного общества, в голову диссертанта, по-видимому, не приходила.

Если исходить из существа дела, а не из деклараций автора, то методология, которая фактически реализована в диссертации, может быть охарактеризована, на наш взгляд, как эклектика. Основные источники вдохновения для диссертанта – это, конечно, И. Ильин и Х. Арндт. Но ими он не ограничивается. Диссертант с большой охотой ссылается на З. Фрейда, С. Хантингтона, Н.А. Бердяева, М. Вебера, Л.Н. Гумилева, многих других известных авторов. В этом бы не было ничего плохого, если бы из текста следовало, что в нем реализован какой-то осознанный принцип интерпретации материала. Ведь совершенно ясно, что концепция М. Вебера несовместима в своих принципиальных основах со взглядами Фрейда. Да и И.А. Ильин не пришел бы, наверное, в восторг от попытки подкрепить его рассуждения высосанными из пальца фрейдистскими схемами. Что касается концепции Л.Н. Гумилева, то она вообще за пределами науки, ссылаться на него в серьезном научном тексте просто неприлично. Л.А. Васильева, не отдавая себе отчета в несочетаемости взглядов столь разных авторов, всех их делает своими единомышленниками, обильно подкрепляя подходящими цитатами любую из собственных мыслей.

Основная идея

Было бы неверно утверждать, что в рецензируемом тексте нет определенной теоретической схемы, единой идеи. Конечно, эта идея не та, что заявлена самим автором, но она есть. Если с многословных, чудовищно перегруженных цитатами и мелкими фактами рассуждений Л.А. Васильевой снять всю многословную упаковку, в которую они облечены, то нам откроется история взаимоотношений отечественной прессы и власти за период с «октябрьского переворота» до наших дней, увиденная глазами шестидесятницы. Схема такова. Советский период – это период «тоталитаризма». Он распадается на два этапа: ленинский и сталинский. В течение всего этого срока пресса верно служила партии, была опорой тоталитарной власти, занимаясь социальным мифотворчеством. Журналисты, задавленные властью, не имели ни малейшей свободы творчества. Потом наступила оттепель, которую автор оценивает противоречиво: то она аттестуется как начало «демократического транзита», то как продолжение все того же тоталитаризма. В данном пункте стройность схемы нарушается. Так или иначе, пресса потихоньку высвобождается из-под тоталитарного гнета и возвращает зерна демократии. Перестройка – золотой век прессы. Хотя власть все та же, тоталитарная, журналисты имеют полную свободу ее свергать. Когда эта задача выполнена, пресса оказывается в прескверном положении. Новая власть проявлять заботу о прессе не желает, а всем, кто не хочет ей продаться, она дает полную возможность выжить в бурном море рынка. Журналисты создают новую прессу, в которой, конечно, много желтизны и пошлости, но зато имеются и творческие находки: «эвент экшен», «инфотейнмент», «бильдизация», «финишинг», «хедлайн», «слоеный пирог» и др. Отсюда вытекает, что перспективы развития отечественной прессы все-таки радужные. И хотя темпы движения к «нормальному» демократическому обществу вызывают разочарование, более того, имеет место явный откат от достигнутых высот, все равно демократия восторжествует. И тогда пресса станет действительно четвертой властью. Возникает вопрос: почему демократия должна непременно восторжествовать? Где гарантия, что именно так и будет? Ответ: потому что таковы законы истории. А на чем основана уверенность в том, что мы их действительно знаем?

Еще раз повторю: реализованная в диссертации схема довольно уязвима, но проблема не в этом. Суть вопроса состоит в том, что данная теоретическая схема не обоснована посредством тех процедур доказательства, которые приняты в науке.

Стиль

Для того чтобы оценить стиль диссертации Л.А. Васильевой, приведу некоторые фразы из текста. От комментариев воздержусь.

«Советское общество являлось привилегированной областью мифических знаний». «Абсолютная мифология была координатой тоталитарного общества». «Журналистика зеркалила мифологию». «Задача (исследования мифа – Р.Л.) когнитивно весьма непростая». «И тоталитарная пропаганда в этом преуспела, она подняла идеологическую научность до высот эффективности метода и абсурдности содержания». «Ретранслируемое посредством СМИ оно (лидерство – Р.Л.) являло собой суггестирующее влияние лидеров коммунистической партии и государства на все общество». «Достижение личностью, государством, политическим движением статуса харизмы». «Пресса, насыщенная мифами и ритуалами, пронизывала всю структуру тоталитаризма». «В послевоенные годы тоталитарная система вновь широко развернула категорию оптимизма». «Посредством медийных каналов мифическая история превращается в современную властную парадигму». «Возродившиеся архаические системы оказались не мертвыми, а способными возрождаться». «Окончательные преобразования находятся в размытом состоянии». «Секуляризация модели журналистики». «В тоталитарном обществе реализация дуальной структуры СМИ осуществлялась посредством мифов и символов» «В журналистике базисно отсутствовал журналистский фактор». «Допущенная сверху и дозированной гласностью являла собой прием, который властные структуры использовали в ситуации «выпустить пар». «Ничем не ограниченный беспредел провоцировал создание системы тоталитарного типа». «В политическом процессе по-прежнему существовала парадигма древности с преобладающей вербальностью». «Стремление перевести человека в позицию неодинокки». «Состояние российской транзитологии и роли СМИ в этом процессе находится в эмбриональном состоянии».

Общий вывод

Труд Л.А. Васильевой является развернутым публицистическим выступлением, обладающим внешними атрибутами принадлежности к науке: используется научная терминология, приводится значительное количество ссылок на источники, текст структурирован в соответствии с требованиями научного дискурса и т.п. Однако явление в данном случае не совпадает с сущностью, т. е. имеет место кажимость. Поэтому я не вижу оснований для присвоения Л. А. Васильевой ученой степени доктора политических наук.

Заведующий кафедрой философии
ГОУ ВПО «КнАГПУ»,
д. филос. н., профессор Р.Л. Лившиц

ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИИ В.Н. САВЕНКОВОЙ

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
ГОУ ВПО «КнАГПУ»

д. п. н., проф. А.А. Шумейко

« _ » _____ 2003 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

о диссертации Веры Николаевны Савенковой

«Дискурс власти в формировании городского пространства
(на примере г. Комсомольска-на-Амуре)»

по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры
на соискание ученой степени кандидата культурологии

Диссертация Савенковой Веры Николаевны представляет собой культурологическое исследование процесса становления г. Комсомольска-на-Амуре в 30-е – 50-е годы.

Актуальность избранной темы обусловлена необходимостью осмысления истории России на всех этапах ее развития, в первую очередь, на советском этапе. Такое осмысление – важное условие выбора вектора дальнейшего развития страны. Комсомольск-на-Амуре, без сомнения, – один из самых репрезентативных объектов исследования, ибо он есть прямое порождение советской власти, типичный продукт советской эпохи, город, без которого немислимо представить себе историю СССР. В истории Комсомольска-на-Амуре в лабораторно-чистых условиях проявились все проблемы и противоречия советской эпохи, весь ее драматизм и величие. Понять историю Комсомольска-на-Амуре – значит понять место советского периода в истории России. Это значит также понять, «куда ж нам плыть».

Научная новизна исследования определяется применением культурологического подхода к анализу истории становления Комсомольска-на-Амуре.

Культурологический анализ, если его, конечно, не превращать в фетиш, – важнейший инструмент исторического познания, открывающий новые горизонты осмысления исторической реальности. При этом принципиальное значение имеет методология такого анализа. Методология задает угол видения реальности, способ ее понимания и описания. Работа В.Н. Са-

венковой содержит попытку реализации комплекса методов, главным среди которых является генеалогический метод Фуко (с. 18). Избранная ею методология опирается на некоторые базовые положения, которые автор в работе частично артикулирует. Анализ диссертации позволяет выявить эти положения. Они таковы:

1. Власть нельзя интерпретировать в категориях субъекта и объекта. Власть – нечто такое, что проникает во все поры общества, во все его клеточки (с. 19).

2. Власть совпадает с технологиями власти. Отсюда вытекает, что вопрос о власти не имеет отношения к вопросу о социально-классовой структуре общества (с. 19).

3. Власть всегда преследует свои собственные цели, которые могут совпадать, а могут и не совпадать с целями народа.

4. Задача любой власти – четкий порядок и регламентация, что позволяет ей осуществлять «тотальный контроль за подвластным населением» (с. 21).

5. Указанный контроль осуществляется путем организации природного пространства и формирования особой семиосферы.

6. Всякая власть ограничивает свободу человека, стремится к постоянному расширению, завоеванию новых территорий (с. 47). Власть «мыслит себя» и властное пространство «вечными и неизменными» (с. 48). «Главной целью власти является превращение территории в *мертвое* пространство» (с. 49).

7. Тоталитарная власть доводит до предела свойства власти.

Заметим попутно, что диссертант не определяет понятие «властное пространство», что затрудняет понимание некоторых тезисов работы. Не дано также никакой экспликации понятия «тоталитаризм». Диссертант, видимо, полагает, что все, что сказала Х. Арендт, есть истина в последней инстанции и обсуждению не подлежит. Впрочем, так поступает большинство исследователей.

Нужно также отметить, что диссертант явно злоупотребляет кавычками и курсивом. Это обстоятельство не благоприятствует пониманию смысла его утверждений.

Собрав и систематизировав огромный эмпирический материал, В.Н. Савенкова осмыслила его под тем углом зрения, который задан принятыми ею теоретическими допущениями.

Вот что у нее получилось.

Во Введении обосновывается актуальность темы, дается представление о степени ее разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, его методологическая основа и источниковая база, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава, названная «Технология и символика власти в формировании «нового города»», посвящена анализу различ-

ных аспектов освоения и организации городского пространства. В первом параграфе «*Освоение и организация природного и социального (городского) пространства властью*» диссертант, опираясь на труды таких авторов, как М. Фуко, В. Подорога, С. Королев, конкретизирует свое понимание власти и используемых ею технологий. Вводится понятие освоенности пространства. «*Освоить пространство*, – пишет В.Н. Савенкова, – значит сделать его «своим» (с. 36). Город есть не что иное, как освоенная территория (с. 38). Подходя к городу как к тексту, диссертант выявляет семантику элементов городского пространства: стен, арок, шпильей, площадей и т.п. Исследуется вертикальная и горизонтальная иерархизация городского пространства и выявляются этапы структурной организации пространства города: формирование центра, «расширение-стратификация», «переструктурирование», «повторное завоевание», «стремление к идеалу» (с. 44–47). Не совсем понятно, почему стремление к идеалу выделено в качестве отдельного этапа организации городского пространства, но этот вопрос не имеет принципиального значения.

Во втором параграфе ««Социалистический» город как властная технология *стратификации* пространства» эти общие положения конкретизируются. По мнению диссертанта, «новый», «социалистический город» формировался <...> как город «старый», традиционный. А «новым» городом он был только «благодаря» идеологемам и мифологемам» (с. 49). В качестве аргумента, долженствующего доказать такой тезис, используется план генеральной реконструкции Москвы 1935 года. Изложив основные пункты плана (сооружение проспектов, переход к многоэтажному строительству, обводнение города, создание парков), диссертант делает вывод, что эти меры «подчинялись только интересам власти, укрепляющей свое положение. Заботе о людях в этих преобразованиях «не было места» (с. 51). Почему хорошее водоснабжение Москвы нужно было только власти и не приносило никакой пользы народу, диссертант не разъясняет. Его интерпретация плана такова: власть желала переструктурировать властное пространство, чтобы добиться просматриваемости, всеподнадзорности (своих подданных, надо полагать) и чтобы служить образцом для всех других городов (с. 52).

В этом контексте создание Комсомольска-на-Амуре интерпретируется как «расширение-стратификация» властного пространства и одновременно как «конструирование идеального властного пространства» (с. 53). Но, поскольку такая цель на практике достижима только в ГУЛАГе, реальный социалистический город это «догулаговое, «условное» пространство, *предпространство* идеального властного пространства» (с. 55). Эти города должны были получить правильную геометрическую планировку, их строительство планировалось вести ударны-

ми темпами (с. 56). Свое понимание социалистического города В.Н. Савенкова излагает в следующих словах: «Так называемый «социалистический город» предполагал полное подчинение населения власти, решение всех проблем без их участия, апелляцию народа во всем к власти, «единое счастье для всех», векторную заданность развития, унификацию, распределение, стандартизацию, возможность фиксировать каждый шаг человека при помощи разнообразных технологий <...> и т.п.» (с.57). Этот идеал привлекал народ, поскольку отвечал его архетипическим представлениям; к тому же «искание лучших земель всегда было свойственно русским людям» (с. 58).

В третьем параграфе первой главы диссертант ставит своей целью наполнить общие рассуждения о социалистическом городе конкретным содержанием, основываясь на фактах истории Комсомольска-на-Амуре. Диссертант отмечает общеизвестный факт, состоящий в том, что место для строительства города было весьма неподходящим. Этот факт, по его мнению, служит доказательством того, что «строительство города подчинялось властным интересам, а не целям «индустриализации» Дальнего Востока» (с. 62). Не менее оригинальным образом интерпретируются другие общеизвестные факты. Так, умершие в первую зиму (1932–1933 г.) строители города рассматриваются в диссертации в мифологеме «строительной жертвы», «жертвы в основание царства» (с. 64). Согласно автору, часы на воротах города «задавали новый жизненный ритм» и «новое» время, сообщали о «вечности» новой власти и нового государства, указывали на «центр» «нового мира» – Комсомольск (с. 68).

Проанализировав план города 1939 года, диссертант не нашел в нем единого центра, что несколько противоречит теории, которой он придерживается. Выход найден им путем отыскания *символической* замены центра в виде Центрального парка культуры и отдыха в пойме реки Силинка, где расположен геометрический центр города (с. 69). Теория предписывает также, чтобы тоталитарная власть стремилась к симметрии в организации городского пространства. Однако, как справедливо отмечает автор, реальная планировка Комсомольска лишена этого качества. Но выход найден и на этот раз. Диссертант сделал предположение, что «симметрия должна быть приложена ко всей территории города, однако этому помешала протекающая через центр города р. Силинка» (с. 70). Было бы интересно узнать, помешал ли Гудзон симметричной планировке Нью-Йорка. В регулярной планировке Комсомольска-на-Амуре автор видит стремление власти обеспечить «открытость», «всеподнадзорность» городского пространства» (с. 74).

Во второй главе анализируется история становления Комсомольска-на-Амуре под весьма специфическим углом зрения. Дис-

сертант рассматривает систему идеологом и мифологом, обеспечивших мобилизацию народа на решение сверхсложной задачи: «Демиургом города является Сталин», «Комсомольск строят лучшие люди страны» и др. (с. 97–110). Автор обосновывает идею о том, что эти мифологемы и идеологемы выполняли коммуникативную функцию. Такую же функцию, согласно автору, выполняли городские парки. Значительное внимание уделено символике архитектурных форм и скульптурных сооружений города (с. 112–122).

Диссертант выдвигает утверждение, что «процесс властного управления городским пространством осуществлялся при помощи технологий регламентации и стандартизации» (с. 122). Этот тезис доказывается на примере индивидуального жилищного строительства, которое, согласно автору, было вынужденной уступкой жестокой реальности со стороны власти, не имевшей ресурсов для «нормального» жилищного строительства. Регламентация усматривается в требовании власти расположить дома в строгом порядке, а стандартизация – в требовании строить их по определенному шаблону. Таким образом, согласно диссертанту, «власть утверждала свою необходимость» (с. 131). В диссертации отмечается, что власть отдавала предпочтение многоэтажной застройке, поскольку эта последняя «легче поддавалась контролю и надзору по сравнению с застройкой частной, малоэтажной» (с. 135). Общий вывод по данному вопросу таков: ««Идеалы» населения и власти были в корне различными. Если люди вынашивали идеи счастливой жизни, мечтали о «земном рае», то целью власти было осуществление *управления* пространством города посредством его тотального контроля, регламентации и стандартизации» (с. 139).

Заключительный параграф второй главы посвящен анализу топонимики города. Проанализировав историю городских топонимов, диссертант делает вывод, что «тоталитарной власти» не удалось полностью «маркировать», подчинить себе пространство города» (с. 148). Подробно исследуется вопрос о том, как власть навела относительный порядок в городской топонимике, стремясь «закрепить пространство города на длительный период времени *официальной* топонимикой, с ее помощью иерархизировать и контролировать пространство» (с. 158).

Вся диссертация представляет собой великолепный образец подчинения эмпирического материала теоретической схеме. Автор наделяет тоталитарную власть определенными свойствами, а потом в эмпирическом материале ищет подтверждение своим представлениям. И если их не удается найти, придумывается искусственное объяснение. (Таковы, например, рассуждения о городском центре.)

Уверовав в надклассовый и внеисторический характер власти, В.Н. Савенкова вынуждена объявить Комсомольск «искус-

ственным городом» (с. 43, 122, 136, 154). Отсюда вполне логично следует вывод о том, что этот город не имеет будущего. Но с таким выводом автор согласиться не может, поэтому он уповает на «мифологему наукограда» как открывающую для Комсомольска-на-Амуре какие-то перспективы (с. 122).

Внеисторический подход к анализу проблемы приводит автора к заключению о том, что выбор места для строительства города был «непонятным и необъяснимым» (с. 100). В такой системе координат как сама индустриализация, так и ее лихорадочные темпы оказываются не суровой необходимостью для страны, стоящей перед угрозой нападения мощного противника, а прихотью тоталитарной власти.

Методология, которой следует В.Н. Савенкова, связана с демонизацией всякой власти, но в особенности так называемой тоталитарной. Поэтому простые и понятные меры власти получают в работе сложное и искусственное толкование. Во всех мерах власти – будь то обводнение, снос ветхого жилья, стандартизация жилищного строительства – диссертант видит какой-то особый смысл. Появление часов на городской арке объясняется какими-то высшими метафизическими причинами, хотя причина лежит на поверхности: рабочие должны приходить на работу без опозданий, а часов ни у кого нет. Часы в те времена были роскошью, доступной очень немногим. Рациональная организация городского пространства (осуществляемая в любых городах) истолковывается как стремление обеспечить «просматриваемость» и «поднадзорность».

Диссертационное исследование В.Н. Савенковой производит очень сильное впечатление своей эмпирической базой. Объем проанализированных ею документов и текстов был бы достаточен и для докторской диссертации.

Таким образом, в диссертации В.Н. Савенковой мы усматриваем противоречие между методологией и системой. Система тщательно собранных и упорядоченных ею фактов и сведений красноречиво свидетельствует о героической истории становления Комсомольска, о драматических перипетиях формирования его архитектурного облика, о подвиге народа и коммунистической партии, о людях, которые совершили деяния, стоящие, казалось бы, за гранью человеческих возможностей: построили в глухой тайге, среди болот заводы-жемчужины оборонного комплекса и город, обеспечивающий его жителям современный уровень комфорта. Но избранная ею методология заставляет ее укладывать факты в прокрустово ложе схемы.

Для итоговой оценки диссертации В.Н. Савенковой важно понимать диалектику заблуждения и истины в науке. Значимость работы определяется в науке не суммой добытых в ней истин, а

тем, как она стимулирует работу мысли. С этой точки зрения, диссертация В.Н. Савенковой имеет значительную теоретическую ценность. Это тщательное, основательное исследование истории становления одного конкретного города с культурологической точки зрения. Работа В.Н. Савенковой наглядно подтверждает тезис о контрпродуктивности абстрактно-внеисторического, анархически-нигилистического понимания власти. Рецензируемая диссертация – не ученическое сочинение, она убедительно свидетельствует о том, что ее автор – сложившийся исследователь, способный к самостоятельной научной работе.

Практическая ценность исследования В.Н. Савенковой определяется тем фактом, что в настоящее время Комсомольск стоит перед угрозой исчезновения; такая перспектива диктует необходимость поиска неординарных решений.

Общий вывод: диссертационное исследование В.Н. Савенковой соответствует требованиям п. 8 Положения ВАК Министерства образования РФ, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний. Автореферат соответствует тексту диссертации, публикации достаточно полно раскрывают содержание работы.

Все вышесказанное позволяет заключить, что В.Н. Савенкова заслуживает присуждения искомой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Отзыв составлен доктором философских наук, профессором Лившицем Рудольфом Львовичем и утвержден на заседании кафедры культурологии ГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический университет» 9 сентября 2003 г., протокол № 1.

Заведующий кафедрой культурологии
ГОУ ВПО «КнАГПУ»,
д. филос. н., профессор
Р.Л. Лившиц

УДЕРЖИТ ЛИ РОССИЯ СВОИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ¹³⁹?

Мне иногда на ум приходит такой вопрос: а что если бы Яхве пообещал Авраму не Ханаан, этот воистину благословенный уголок планеты, с прекрасным климатом и плодородной почвой, а какой-нибудь никем не заселенный полуостров Таймыр? Держались бы тогда потомки Израиля за этот дар столь же упорно, целеустремленно, не считаясь с жертвами и превозмогая страдания, как за Ханаан? Мне почему-то кажется, что нет. Скорее всего, в те далекие времена подобный дар был бы воспринят без малейшего энтузиазма. Но за четыре тысячи лет, что прошли с момента заключения завета между Яхве и прародителем евреев, представления о ценности территории существенно изменились. В настоящее время любая территория – пустоши, неудобья, высокогорья, болота, пустыни, тундра – воспринимается как ценность абсолютная; сама мысль о возможности расстаться с нею расценивается как преступно-безответственная. Потому-то и меры по охране территориальной целостности страны, сколь бы обременительными они ни были, поддерживаются политическими силами, которые по всем другим вопросам могут занимать противоположные позиции.

И это не связано с тем, какая в государстве существует идеология и какой в нем социальный строй. Не имеет принципиального значения и политический режим. Любое государство считает своей первейшей задачей удержание приобретенных (каким путем, неважно) территорий. Добровольно, кажется, раздал свою собственность лишь король Лир. В реальности случаи подобного сверхальтруистического поведения крайне редки, да и воспринимаются они как проявление политического инфантилизма, недомыслия или прямого предательства.

Ярким подтверждением того, как высоко в современном мире ценится территория, является война 1982 года между Великобританией и Аргентиной за обладание Фолклендскими (Мальвинскими) островами. Что представляют собой эти острова? Это, в сущности, несколько затерянных в пустыне океана продуваемых постоянными ветрами холодных скал, где невозможно эффективное сельское хозяйство и нет никаких полезных

---

¹³⁹ Опубликовано в: Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы. Т. 2. Политика. Гражданское общество: Материалы региональной научно-практической конференции. – Хабаровск: Дальневосточная государственная научная библиотека, 2003. – С. 19–28.

ископаемых. Жить там можно только при условии получения почти всех материальных благ с материка. И вот в эти клочки суши, расположенные в десятке тысяч миль от своих берегов, Великобритания вцепилась мертвой хваткой, из-за них развернулась война, пролилась кровь тысяч жертв. Ярость противостояния нельзя объяснить идеологическими и социально-политическими факторами. Аргентина и Великобритания 20 лет тому назад в равной мере принадлежали к «свободному миру» и противостояли «тоталитаризму». Так что история осуществила свой эксперимент в лабораторно-чистых условиях.

Не будет большим преувеличением сказать, что в мире действует закон абсолютной ценности территории. Этому закону был подвластен, разумеется, и Советский Союз. Он возник на обломках Российской империи, фактически возродив ее из пепла. Отпадение отдельных небольших кусков территории (самым значительным из которых была Польша) не меняло общей картины. Перед войной Советскому Союзу удавалось справляться с задачей сохранения единства территории. Победив в Великой Отечественной войне и обеспечив военный паритет с США, Советский Союз имел основания не опасаться за свою территориальную целостность. Являясь второй сверхдержавой мира, наша страна обладала реальной возможностью отразить любые внешние попытки покуситься на ее территорию. Но советское общество оказалось неспособным противостоять попыткам разложения изнутри. Мы проиграли холодную войну, потеряв в итоге лучшие территории, массу плодородных земель, лучшие порты, более половины промышленного потенциала, гигантский космодром, половину населения и многое, многое другое. Постсоветская Россия стремительно скатилась в разряд третьестепенных стран, мало что значащих в мировой политике. От всего бывшего могущества осталось лишь ядерное оружие, которое заставляет США пока считаться с Россией. Многие факты, прежде всего, бесконечная «антитеррористическая операция» в Чечне, указывают на то, что российская армия небоеспособна. В настоящий момент Россию можно было бы взять голыми руками, и лишь наличие ядерного оружия сдерживает пыл потенциального агрессора. Пока оно есть в достаточном количестве, можно рассматривать возможность военного вторжения как абстрактную. Так обстоит дело на начало 2003 года. Будет ли таким же точно положение на начало 2013 года – большой вопрос.

Но, как показывает опыт недавнего прошлого, военная угроза не всегда и не при всех обстоятельствах может быть главной для страны. Советский Союз выдержал страшный удар гитлеровской военной машины и, в конечном счете, сокрушил ее, но советское общество не смогло противостоять искушению мира-

жами потребительского рая. Потеря Россией своего Дальнего Востока может произойти и безо всякой агрессии, под действием сил, раздирающих страну на части.

Целостность Российской империи, а потом и Советского Союза обеспечивалась факторами внеэкономического порядка. Столыпин переселял на Дальний Восток крестьян, предоставляя им ссуду из скудной казны государства. Советская власть ввела для дальневосточников ряд льгот, оплачиваемых из госбюджета. Когда эти льготы оказывались недостаточными, их объем увеличивался. Транспортные тарифы были установлены таким образом, чтобы стимулировать развитие производства на дальневосточных территориях. Конечно, далеко не все протекало гладко, но общий вектор усилий был направлен на то, чтобы прочно обосноваться на дальневосточных окраинах. Советский Союз стремился преодолеть сопротивление климата и пространства, чтобы удержать приобретенные Россией земли на востоке. Политика СССР направлялась политической волей, а не экономическим расчетом. Разумеется, соображения экономики играли известную роль в выработке и принятии решений, иначе и быть не может в реальной жизни, однако экономическая сторона вопроса всегда рассматривалась как подчиненная. Говоря точнее, дальневосточные территории были потенциальным резервом, предназначенным для потомков. Осваивая их, страна делала инвестиции в будущее.

Такая стратегия в полной мере отвечает духу традиционного (незападного) общества, коррелирует со всей системой его ценностей. Человек традиционного общества ни в коем случае не является Homo economicus, ибо его занимает в первую очередь идеал, а не интерес. Богатство, деньги воспринимаются им как блага относительные, а не абсолютные. Самым важным он считает спасение души, устроение общественной жизни на началах добра и справедливости; иначе говоря, он устремлен к правде, а не к выгоде. Незападный человек, конечно же, в состоянии осуществить при необходимости калькуляцию затрат и доходов, но не она определяет его поведение, систему его жизненных приоритетов.

Но вот настали новые времена. Холодная война завершилась сокрушительной победой сил демократии и прогресса, и над Россией воссияло солнце свободы. Для окончательной и бесповоротной победы капитализма в России остался сущий пустяк: россияне должны преодолеть свою совковость и стать такими же разумными эгоистами, какими являются, например, добропорядочные немецкие бюргеры, французские буржуа или граждане США. Мы должны твердо усвоить, что главное в жизни – это личный успех, а его единственным мерилom являются деньги. А посему долой ханжескую мораль нестяжательства, да здравс-

твует алчность! Тут вспомнили про Адама Смита с его «невидимой рукой рынка», которая, благодаря эгоизму частных воль, ведет ко всеобщему благу. В политике Советского Союза (а до него – Российской империи) по отношению к Дальнему Востоку признаков эгоизма не обнаруживается. Тратить средства сейчас в надежде на то, что когда-нибудь потомки воспользуются новыми возможностями – это типично альтруистическое поведение. Оно противоречит высокой либеральной теории и подлежит безусловному осуждению. Жить надо сегодняшним днем, наслаждаться мгновением, ведь «ты этого достоин»!

Так возникает идея о том, что дальневосточные и северные территории России – тяжкое бремя для страны, помеха на пути, препятствие для экономического прогресса и процветания. Наиболее полное и отчетливое выражение эта идея получила в трудах Ю.Л. Пивоварова. Им разработана целая концепция «сжатия экономической ойкумены», к рассмотрению которой я намерен перейти.

Но прежде одно замечание. Кто-то его сочтет несущественным, но я его все-таки сделаю. Я придаю принципиальное значение литературному качеству научного текста. Если у автора нет чувства слова, если его речь претенциозна, вычурна, засорена иностранными словами; если он небрежен в выборе выражений, не умеет излагать сложные вещи простым языком, если для него характерны путаница и невнятица, длинноты и повторы, неуместное употребление терминов, то все это означает, что автор этот большого интереса не представляет. Ю.Л. Пивоваров имеет ученую степень доктора географических наук, но, боже мой, как он пишет! Вот только один его перл: «Главное действующее лицо регионального развития, урбанизации и других пространственных процессов – человек, а не производство стольких-то тонн чугуна или стали, <...> не одностороннее развитие территории...». ¹⁴⁰ И так, главное действующее лицо регионального развития – не одностороннее развитие. Ясно? Все, кто думал иначе, должны чувствовать себя посрамленными.

Политику Советского Союза в отношении северных и дальневосточных территорий Ю.Л. Пивоваров характеризует как «крайне неэффективную и сверхзатратную» ¹⁴¹. Отсюда делается вывод, что «назрела необходимость пересмотра прежней не только практики, но и теории макрорегионального развития России. Новая концепция должна исходить из других методологических оснований и прежде всего учитывать объективные исторические процессы пространственного саморазвития регионов страны,

---

¹⁴⁰ Пивоваров Ю. Л. Сжатие «экономической ойкумены» России// Свободная мысль. – 1997. – № 3. – С. 70.

¹⁴¹ Там же, с. 68.

а также их разные возможности адаптации к современным рыночным условиям...»¹⁴². (Кстати, как вам нравится оборот «пересмотр прежней не только практики, но и теории»?)

Что же это за «объективные исторические процессы саморазвития регионов страны»? Из контекста работ Ю.Л. Пивоварова следует, что речь идет о «сползании на юг» населения Европейской равнины (там же), о сдвиге производительных сил страны с севера на юг и с запада на восток (за редким исключением нефтегазоносных районов).

Учитывать, согласно Ю.Л. Пивоварову, надо не только «объективные исторические закономерности», но и все факторы – как временные, так и постоянно действующие. Так, «спад производства в условиях острого экономического кризиса уменьшает возможности «содержания» государством населения дорогостоящих северных территорий»¹⁴³. Другие факторы – самая большая территория в мире и «суровые природные и социальные условия жизни населения на преобладающей части территории страны»¹⁴⁴. (Правда, Ю.Л. Пивоваров не объясняет, что он понимает под «суровыми социальными условиями». Уровень преступности?) Еще один важный фактор – «асимметричность территориально-экономического развития страны»¹⁴⁵. Упоминает Ю.Л. Пивоваров также таинственную «контрастность расселения России». (Вы понимаете, читатель, что сие выражение означает?) Я, кажется, понимаю. Автор просто хочет сказать, что в западной части страны плотность населения высокая, а в восточной – низкая. Но поскольку он не умеет словечка молвить в простоте, выдумал очередную словесную красоту: «контрастность расселения России».

Кроме того, отмечает автор, «сегодня все более резко сказывается ограниченность демографических ресурсов для «движения на восток»¹⁴⁶. Народу, проще говоря, маловато.

Необходимо также учесть «преобладание в менталитете России исторически сложившегося стремления к первичному освоению обширных новых территорий, но не к их капитальному обустройству, как в странах Запада»¹⁴⁷. Поскольку Ю.Л. Пивоваров не ссылается при этом ни на какие социологические исследования, остается предположить, что он указанный социологически значимый факт открыл сам. Как ему это удалось и где можно ознакомиться с методикой – не сообщается.

---

¹⁴² Там же, с. 69.

¹⁴³ Там же, с. 70.

¹⁴⁴ Там же, с. 71.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, с. 72.

¹⁴⁷ Там же.

В своем неподражаемом тяжеловесно-вычурном стиле Ю.Л. Пивоваров формулирует основную идею «концепции» так: «Асимметричность эта отражает результаты исторического движения на восток, трудности освоения новых районов за Уралом, весомость социально-экономических, социально-культурных и демографических аргументов в пользу более полного использования старых районов по сравнению с освоением новых»¹⁴⁸.

Итак, «асимметричность отражает весомость аргументов». Придется помочь доктору наук сформулировать мысль по-русски. После перевода и литературной обработки цитированная фраза будет выглядеть так: «Асимметричность эта является результатом исторического движения на восток и служит весомым аргументом в пользу более полного использования старых районов в сравнении с новыми». Это не случайное утверждение, а сложившаяся позиция. В подтверждение приведем другое высказывание Ю.Л. Пивоварова: «...Рынок беспощадно «выбраковывает» не только нерентабельные предприятия и целые отрасли, но, соответственно, и определенные типы и группы городов и целые территории «второго эшелона» (Крайний Север, Северо-Восток, некоторые районы Сибири, Дальнего Востока и др.)»¹⁴⁹. И далее: «Таким образом, урбанизация как один, но весьма показательный фактор регионального развития подтверждает целесообразность изменения его вектора в России с восточного на западный. («Урбанизация подтверждает целесообразность...» Боже, что творят с русским языком! – Р.Л.) Эта концепция предусматривает перелом тенденций прошлых десятилетий – от фронтального крупномасштабного движения на восток и север, не считаясь с огромными затратами, к выборочному, тщательно продуманному освоению сравнительно немногих районов восточнее Урала. Основное же внимание должно уделяться развитию урбанизированных старопромышленных районов европейской части России, потенциал которых еще очень далек от исчерпания»¹⁵⁰.

Что, в сущности, нам предлагается? Развивать западные и южные территории страны, махнув рукой на Север и Восток. На чем основано это предложение? На констатации того очевидного факта, что Юг и Запад являются более обжитыми. Нечто подобное, помнится, говорил в аналогичной ситуации Артемий Фи-

---

¹⁴⁸ Там же, с. 71.

¹⁴⁹ Пивоваров Ю. Л. Мировая урбанизация и Россия на пороге XX века// Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 22.

¹⁵⁰ Там же.

липович Земляника: «О! Насчет врачевания мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет».

Концепция «Сжатия экономической ойкумены» была подвергнута мною критике¹⁵¹. Никакой реакции не последовало. Этот факт убедительно свидетельствует о том, что концепция Ю.Л. Пивоварова — не научная теория, а чисто идеологический продукт. Чем вообще отличается ученый от идеолога? Во все не тем, что один якобы нейтрален, а другой пристрастен. Неангажированной общественной науки не бывает, и тот, кто это подтверждать боится, — в лучшем случае добросовестно заблуждается. Ученый стремится охватить предмет всесторонне, учесть все возможные последствия предлагаемых решений, рассмотреть все факты, не укладывающиеся в его теорию. Ученый не бежит от критики, а, напротив, ждет контраргументов, ибо критика дает ему возможность более глубоко разработать собственную концепцию. Идеолог поступает прямо противоположным образом. Все его рассуждения построены как агитация за единственно верное учение. Факты, которые не укладываются в его концепцию, он игнорирует, критики не замечает, ссылается только на тех авторов, которые с ним согласны. Ю.Л. Пивоваров ведет себя так, как и положено идеологу. Исходное положение об обременительности для российской экономики северных и восточных территорий им постулируется, а не доказывается. Автор не пытается даже поставить само собой разумеющийся вопрос о том, что будет с экономикой России без этих «неэффективных» территорий. Совершенно обойдена и такая проблема: как будет жить население в тех регионах, коим не посчастливилось попасть в «экономическую ойкумену»? На какой срок будет осуществлено предлагаемое сжатие? Возможно, с точки зрения московского теоретика все это пустяки, не стоящие внимания. Но нам, дальневосточникам, эти вопросы вовсе не кажутся такими уж ничтожными. Вот еще интересный вопрос: а как будут взирать наши дальневосточные соседи на такое беспрецедентное в мировой истории «сжатие экономической ойкумены»? Надо полагать, Китай и Япония станут терпеливо дожидаться того момента, когда Россия, освоив свои центральные и западные регионы, решит вновь расширить свою «экономическую ойкумену» за счет отдаленных и северных территорий.

Надеюсь, мое категорическое неприятие кабинетных измышлений Ю.Л. Пивоварова заявлено со всей определенностью. И вместе с тем я заявляю, что его «концепция сжатия экономической ойкумены России» является чрезвычайно ценной

---

¹⁵¹ См.: Свободная мысль. — 1998. — № 4. — С. 7–10.

и важной. Ее значение состоит в обосновании того положения, что рыночная стихия ведет к деградации значительной части территории России. Ю.Л. Пивоваровым убедительно показано, что «невидимая рука рынка» отнюдь не ведет ко всеобщему благу. Рынку чужда такая абстрактная материя, как любовь к Родине, его движущей силой является прибыль и только прибыль. А это значит, что если в освоение ресурсов Дальнего Востока перестанет вкладывать средства Россия, этим немедленно и с величайшей охотой займутся Япония и Китай. Рыночная стихия будет отрывать Дальний Восток от России в силу того простого факта, что транспортные издержки при перевозке товаров из Хабаровска в Казань выше, чем из Хабаровска в Шанхай.

В том же направлении будет действовать фактор демографии. Реализация предложения о «сжатии экономической ойкумены России» приведет к усилению оттока населения с дальневосточных территорий. Этот отток идет уже сейчас, хотя доктрина «сжатия» официально не принята, а что же будет в случае ее принятия на вооружение нашими государственными органами? Уже в настоящий момент имеет место процесс неконтролируемой миграции китайского населения в Россию, который всего лишь в течение нескольких десятилетий может привести к полному вытеснению коренных россиян с дальневосточной территории. Соотношение демографических потенциалов России и Китая таково, что подобный результат выглядит как обладающий крайне высокой степенью вероятности. Это в статике. Картина не станет лучше, если мы посмотрим на процесс в динамике. Китайские мигранты, частью заместив русское население, а частью его ассимилировав, даже номинально оставаясь гражданами России, фактически будут считать своим отечеством Китай. Таков китайский менталитет, что хорошо известно из опыта других стран. При этом варианте развития событий Россия, юридически сохраняя свой суверенитет над дальневосточными территориями, на деле через некоторое время лишится их. Ну, а потом будет поставлен вопрос о приведении юридического статуса территорий в соответствие с фактическим.

В общем, *при сохранении существующих тенденций утрата Россией своих дальневосточных территорий является вопросом времени.*

Когда такая утрата станет свершившимся фактом, настанет черед других регионов. Было бы ошибкой думать, что все дело ограничится потерей Дальнего Востока. Пространство России обладает качеством целостности, стоит от него отколоться одному кусочку, как процесс пойдет с нарастающей силой. России придется в первую очередь отдать Калининградскую область, потом Сибирь, Урал, Поволжье... Логика «сжатия» не содержит в себе никаких внутренних ограничений. Россия, ужавшаяся

до размеров Москвы и Московской области, а то и до Садового кольца, – вот то будущее, которое нас ждет, если своевременно не принять мер противодействия.

Существует ли осознание грозящей опасности на уровне политического руководства страны? На этот счет имеются определенные сомнения. Вот один пример. Правительство энергично проталкивает через Госдуму закон о реформе железных дорог. Суть реформы – приватизация железнодорожного транспорта. Мы уже имеем опыт приватизации авиатранспорта. Результат его налицо: снижение безопасности движения, уменьшения пассажиропотока в 4 раза, рост цены билетов примерно в 5–6 раз (в сопоставимых ценах). Гражданская авиация перестала быть общедоступной, превратилась в транспорт для богатых. Пока еще выручают относительно невысокие цены на железной дороге. Но после ее приватизации они такими не останутся. В итоге население Дальнего Востока, и без того утрачивающее ощущение принадлежности к России, будет крепко-накрепко отгорожено золотым занавесом от центральных и западных регионов страны. А частная собственность на землю? Она введена вроде бы с благими намерениями: увеличить производство сельскохозяйственной продукции. Но в действительности земля станет скупаться в России только с целью спекуляции. Хороших земель, пригодных для выращивания конкурентоспособной на мировом рынке продукции, на Дальнем Востоке России нет. Заграничные толстосумы (через подставных лиц, если потребуются) скупают российские земли только для того, чтобы перепродать при случае. Пока государство достаточно сильно, чтобы обуздать эгоизм частного собственника, такая ситуация не представляется безнадежной. Но кто может дать гарантию, что никогда в будущем не произойдет такого ослабления российского государства, которое сделает его суверенитет над проданными в частные руки территориями призрачным?

А разрыв единой энергетической системы страны, неизбежно последующий за так называемой реформой РАО ЕЭС? Разве он способствует укреплению территориальной целостности России?

Не стану отклонять обвинений в пессимизме. Да, я смотрю на будущность России весьма пессимистически, что отнюдь не доставляет мне удовольствия. Я готов пересмотреть свою позицию, если кто-то сможет привести убедительные доказательства того, что «жить становится лучше, жить становится веселей». Пока же, начиная примерно с 1985 года, все оптимистические прогнозы блистательно проваливались, а все худшие опасения, в обоснованность которых не хотелось даже верить, оправдывались. Многие ли еще в 1989 году могли предвидеть, что Советский Союз будет развален? Что в России разразится демографическая катастрофа? Так что жизнь дает нам слишком много

оснований для пессимизма и чересчур мало – для того, чтобы сохранить в девственном виде свойственный советскому человеку социальный оптимизм. С моей точки зрения, лучше быть пессимистом, чем жить приятными иллюзиями.

Но пессимизм не равнозначен фатализму. Ход и исход событий – это всегда результат борьбы. Следовательно, нельзя сдаваться, надо искать выход из любого положения, сколь бы безнадежным оно ни казалось. Есть ли у России шанс сохранить свою территориальную целостность? Безусловно, есть. Чтобы он стал реальностью, необходимы две вещи: правильная стратегия и политическая воля.

Чтобы правильно определить стратегию, необходимо разобратся в том, чем мы располагаем; любая стратегия повисает в воздухе, если она не обеспечена соответствующими ресурсами.

Так что же мы имеем? Когда речь заходит о ресурсах России, обычно вспоминают про наши природные богатства. Да, Россия – не самая бедная, с точки зрения обеспеченности природными ресурсами, страна в мире. Но, во-первых, большая их часть относится к числу невозобновляемых. Во-вторых, их запасы, за исключением природного газа, не так уж и велики. В-третьих, в настоящее время их продажа обогащает только олигархов, а народу достаются лишь жалкие крохи. В-четвертых, даже если изменить ситуацию и перейти, как предлагает народно-патриотическая оппозиция, к системе рентных платежей за использование природных ресурсов, в стратегическом плане это не решает проблемы. Торговля сырьем не обогащает, а обедняет страну. Таков объективный закон современной экономики, не знающий исключений. Что касается возобновляемых ресурсов (лес, рыба, гидроэнергия), то их продавать, естественно, надо. Не нужно только питать иллюзий, что полученных средств хватит на обеспечение приемлемого уровня жизни большинства населения.

Чтобы не прибегать к паллиативам, а решить вопрос в принципе, на всю обозримую перспективу, нужно опереться на такой ресурс, который обладает качеством самовоспроизводимости, а лучше – самовозрастания в процессе использования. И такой ресурс у нас есть. Задумайтесь над простым фактом: в мире существует только 4 страны, способные производить реактивные авиационные двигатели: США, Франция, Англия и Россия. Да, Россия! Наша гражданская авиация в техническом отношении ничуть не хуже американской и англо-французской. Что же касается цены, то у нас тут бесспорное преимущество. Именно мы создали и наладили серийный выпуск самого мощного в мире грузового самолета «Ан-124». Да и в области военного авиастроения нам тоже есть чем гордиться. Все эти и многие другие факты говорят об одном: в России – образован-

ный народ, способный производить самую сложную высокотехнологическую продукцию. Вот это и есть ее главный ресурс, ее главное богатство.

Важно подчеркнуть следующее: в структуре затрат высокотехнологичной продукции сырьевая и транспортная составляющая столь незначительны, что ее выпуск можно наладить в любом месте. Теоретически – хоть на северном полюсе. Ведь собирают же истребители «Су-27» в Комсомольске-на-Амуре, и никто не говорит, что это невыгодно. Главный лимитирующий фактор в таком случае – не расстояние, не климат, а интеллектуальный потенциал населения. Он-то у нас как раз на должной высоте!

Надо отдавать себе отчет в следующем: даже если Россия вступит в ВТО, на мировой рынок гражданской авиации нас не пустят. Найдут тысячи причин, миллион зацепок, бесчестных чиновников купят, честных – убьют, но – не дадут конкурировать на равных. У нас есть единственная возможность прорваться на мировой рынок высокотехнологичной продукции – предложить нечто уникальное, чего не производит ни одна страна в мире. И тут особая роль принадлежит созданному в советские годы заделу в области освоения космоса. Как показывает катастрофа «Колумбии», Америка в целом отстает от России в области космической техники. Наша техника на порядок надежней и на столько же дешевле. Мы создали станцию «Мир», которая открывала перспективу строительства в космосе заводов по производству сверхчистых материалов. Теперь видно, что решение затопить эту станцию было преступлением перед страной и народом. В результате уничтожения станции «Мир» мы лишились мощного задела на будущее. По вине «утопистов» нам предоставлена блестящая возможность заниматься благотворительностью, обеспечивая американцам пребывание на МКС. Нужно срочно начинать строить свою собственную космическую станцию, реализуя и наращивая наше преимущество в космосе. Что мешает нам вернуться к свернутой программе «Энергия-Буран»? Люди, способные продолжить дело, к счастью, еще живы.

Есть еще один мегапроект, реализация которого открывает России путь в будущее не в роли побирушки, а в качестве солидного и уважаемого члена мирового сообщества. Я имею в виду следующее. Для каждого мало-мальски разбирающегося в тенденциях мирового развития человека очевидно, что эра дешевой нефти закончилась. Более того, завиднелся конец эры нефти вообще. А это означает, что завершается век автомобиля. Авиация, при всех ее достижениях, – тоже транспорт прошлого. Будущее – за железной дорогой, но, разумеется, не той, которая была в начале XX века. Будущее – за системой сверхскорост-

ных магистралей, соединяющих мир в единое целое. Существует единственный возможный путь для мировой железнодорожной сети. Он предопределен тем фактом, что Татарский пролив в самом узком месте имеет ширину всего 7 километров. Это – естественное место для туннеля. С юга к этому туннелю необходимо протянуть сверхскоростную магистраль по Сахалину из Токио, на запад по материку проложить путь через Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, вдоль Транссиба до Москвы. От Москвы через Минск, Варшаву, Берлин – на Париж и Лондон. При надлежащей эксплуатации сверхскоростной магистрали можно будет добраться от Токио до Лондона за двое суток. С полным комфортом, при любой погоде и в условиях практически абсолютной безопасности. (Практика показала, что сверхскоростная железная дорога – самый безопасный вид транспорта.) Строительство этой магистрали обеспечит на протяжении двух-трех десятилетий работой миллионы людей, а после ввода в эксплуатацию она будет служить надежным источником дохода для государства, станет мощным фактором укрепления целостности страны. Трансконтинентальная магистраль даст нашим потомкам достойное занятие на протяжении веков, создав предпосылки для жизни осмысленной, творчески насыщенной и обеспеченной.

Таковы некоторые контуры разумной стратегии для России, желающей сохранить свою территориальную целостность. Эта стратегия состоит не в обывательском приспособлении к стихийно складывающимся тенденциям, а в формировании самих этих тенденций.

Стратегия «сжатия экономической ойкумены России» внешне выглядит как рациональная, ибо она учитывает реально существующие тенденции и лежащие на поверхности возможности. Но это рациональность на уровне рассудка, а не разума. Это та самая псевдомудрость, которая гласит, что политика есть искусство возможного. Такой обывательской философией руководствовался г-н Горбачев, в итоге он проиграл все, что можно было проиграть. Что было бы со страной и народом, если бы подобной философии придерживался Сталин? А до него Петр Первый?

Пассивное приспособление к обстоятельствам – удел тех, кто является объектом истории. Они обречены на поражение и забвение. Творец истории – тот, кто обстоятельства созидает. Только он достоин победы, только он остается в благодарной памяти потомков.

Политик, озабоченный тем, как повысить свой рейтинг к моменту следующих выборов, может казаться и даже быть вполне успешным. Беда только в том, что расплачиваться за его нежелание ставить масштабные цели и перспективные задачи придется народу. Тактический успех здесь неотвратимо ведет к стратегическому проигрышу.

Реализация амбициозных проектов, рассчитанных на десятилетия, требует от народа определенного самоограничения, известной аскезы. Готовы ли к этому россияне? Полагаю, что да. Хотя на протяжении длительного времени людей развращали гедонизмом, он не пустил глубоких корней в народном сознании. Народ можно сплотить вокруг великих целей, подвинуть его на самоограничение во имя будущего. Трудящееся большинство предпочтет активный напряженный труд нынешнему тоскливому прозябанию без общественно значимой цели и высокого смысла.

Несколько дней назад Касьянов выступил с очередным прогнозом экономического развития России. Своим солидным басом пообещал экономический рост аж на 4–5 процентов в год. Вроде бы хорошо: рост все-таки, а не падение. Но в современном мире чтобы просто оставаться на месте, надо бежать изо всех сил. Такой «рост» навсегда оставляет Россию за бортом технического и социального прогресса, навечно закрепляя за ней роль сырьевого придатка Запада. А это – путь, неотвратно ведущий к распаду России.

Чтобы вырваться из порочного круга бедности и отсталости, в который загнана современная Россия, нужен прорыв к принципиально иным решениям, нужны свежие подходы и неординарные ходы. Надо делать то, чего от нас никто не ждет. Долой ложную мудрость конформизма! Да здравствует дерзкая мысль, прорывающая узкий горизонт повседневности и открывающая перспективу исторического рывка!

Февраль 2003 г.